

СЕРГЕЙ СМИРНОВ

12+

Дальневосточный тушик:
русская военная эмиграция в Китае (1920 — конец
1940-ых годов)

Сергей Смирнов

**Дальневосточный тупик: русская
военная эмиграция в Китае
(1920 – конец 1940-ых годов)**

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Смирнов С. В.

Дальневосточный тупик: русская военная эмиграция в Китае (1920 – конец 1940-ых годов) / С. В. Смирнов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-5320-8798-9

Монография посвящена истории русской военной эмиграции в Китае от ее становления до исчезновения. На основе широкого круга источников автор анализирует политическую жизнь военной эмиграции, ее участие в антибольшевистском движении и военно-политических событиях в Китае в 1920-40-е гг., проблемы социальной адаптации военно-эмигрантского сообщества, его влияние на русское молодежное движение. Большое внимание уделяется судьбам отдельных военных эмигрантов.

ISBN 978-5-5320-8798-9

© Смирнов С. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Введение	5
Глава 1. «Счастливая Хорватия»: Гражданская война в России и маньчжурская база Белого движения (1917–1919)	15
Глава 2. Эвакуация частей Белой армии в Китай в 1920 году и попытки сохранения русских воинских контингентов	35
Глава 3. Последний исход: отступление белых частей Приморской Земской Рати в Китай и их рассеяние	52
Глава 4. Продолжение борьбы или переход к мирной жизни: военные эмигранты в первой половине 1920-х гг	68
Глава 5. Становление объединений военных эмигрантов (начало – середина 1920-х гг.)	87
Глава 6. Эмигрантские военно-политические центры Европы и проблема консолидации военной эмиграции в Китае	100
Конец ознакомительного фрагмента.	117

Введение

В результате поражения Белого движения в Гражданской войне в России десятки тысяч военнослужащих Белой армии оказались за пределами родины, став людьми без гражданства. С самого начала пребывания в эмиграции в среде бывших военных проявилась сильная тенденция к консолидации. Особенно важную роль в деле сохранения боевого потенциала военной эмиграции и объединения бывших военных с целью продолжения борьбы против большевиков играло командование Русской Армии во главе с генералом П.Н. Врангелем. Оно не только стремилось удержать от распыления воинские части, эвакуированные из Крыма, но и превратить армию в консолидирующее ядро всей эмиграции. Благодаря деятельности созданного на базе подразделений Русской Армии и различных организаций бывших военных Русского Обще-Воинского Союза (РОВС) в Европе было сформировано настоящее русское военное сообщество, обладавшее собственной организационной структурой, руководящими органами, учебными подразделениями, прессой; имевшее связи с общественными и политическими объединениями и эмигрантской молодежью. Несмотря на высокую степень территориальной рассредоточенности, внутреннюю неоднородность и конфликтность, русское военно-эмигрантское сообщество в Европе просуществовало вплоть до Второй мировой войны, предпринимая попытки продолжения борьбы с большевистским режимом в России.

В Китае, который стал вторым после Европы регионом наиболее массового расселения бывших военнослужащих Российской Императорской и Белой армий, ситуация для формирования военно-эмигрантского сообщества и поддержания его относительной целостности была многократно сложнее, чем в Европе. Степень разобщенности между основными эмигрантскими, в том числе военно-эмигрантскими центрами здесь была значительно выше, чем в Европе, что усугублялось постоянной внутривосточной вооруженной борьбой и развернувшейся с начала 1930-х гг. интервенцией со стороны Японии. Ситуация для радикальной эмиграции осложнялась и наличием в Китае, особенно в его северо-восточной части – Маньчжурии, постоянного советского присутствия, выразившегося в проживании здесь десятков тысяч советских граждан, широкой деятельности легальных и нелегальных советских структур от администрации Китайской Восточной железной дороги (КВЖД), общественных и профессиональных организаций до резидентур всех советских разведывательных органов. Свою роль играло и более низкое «качество» оказавшихся в эмиграции в Китае воинских подразделений белого Восточного фронта с присущим им духом атаманчества и невысоким уровнем дисциплины.

Тем не менее, русская военная эмиграция в Китае, также как в Европе, при всей неоднородности и противоречивости ее характеристик являла собой специфическое сообщество, объединенное общим прошлым (главной смысловой частью которого выступала борьба против власти большевиков) и настоящим (основным смыслодержателем которого являлось утрата родины и неприятие советской власти), комплексом поведенческих и идентификационных признаков, имевшее свою организационную структуру, и способное к самоорганизации и самосохранению. Изучение русской военной эмиграции в Китае как специфического сообщества в динамике его развития от становления до исчезновения и стало предметом настоящего исследования.

Понятие «военная эмиграция» в нашем исследовании имеет достаточно широкий характер и включает в себя совокупность бывших военнослужащих Российской Императорской и Белой армий, прежде всего ее профессиональную часть – офицерство; организации и объединения бывших военных; воинские и военизированные подразделения из эмигрантов, состоявшие на службе на территории Китая; русскую военную молодежь, т. е. молодое поколение эмигрантов, получивших военное образование и опыт военной службы за рубежом.

Почему мы отдаем предпочтение определению «русский» по отношению к военной эмиграции, а не «российский»? Определение «российский» практически не использовалось в эмигрантской практике. Для китайской администрации все выходцы с территории бывшей Российской империи, независимо от их этнической принадлежности, являлись русскими. Кроме того, в этническом отношении подавляющая масса военных эмигрантов (офицерство почти на сто процентов) были русскими.

Начало изучению в России военной эмиграции было положено практически сразу после окончания Гражданской войны. Однако работы, изданные в 1920-е гг., не носили непосредственно научного характера, выступая скорее отражением ожесточенной политической борьбы между Россией советской и Россией зарубежной, эмигрантской. Именно в эти годы в оценках эмиграции оформились основные идеологические клише, сохранявшееся в той или иной степени на протяжении всего советского периода. Эмиграция, либо ее наиболее реакционная часть, обязательно включавшая военных, рассматривалась как непримиримый враг советского государства, носитель идей реставрации старого, «эксплуататорского» режима, приспешник империализма. Все внимание советских историков, обращавшихся к изучению эмиграции, было сосредоточено на деятельности эмигрантских контрреволюционных организаций, вынашивавших планы свержения советской власти, и борьбе с ними советского государства. Военная эмиграция нередко дифференцировалась на активную «антисоветскую головку» (в основном белое офицерство) и рядовую массу обманутых и запутанных. Указывалась продажность руководителей Белого движения и неприглядная судьба эмиграции, смрадно догнивающей в «харбинском тупике»¹. В 1930-е гг. белая эмиграция, попав в разряд запрещенных тем, практически исчезла из исследовательского поля, упоминаясь разве что в контексте событий вооруженного конфликта 1929 г. вокруг КВЖД и захвата Маньчжурии в 1931 г. японской Квантунской армией в качестве «пылающего звериной ненавистью к Советскому Союзу» пособника белокитайских и японских милитаристов².

В отличие от советских авторов 1920–1930-х гг. эмигрантские исследователи (также большей частью непрофессиональные историки) пытались выявить причины поражения Белого движения и показывали трагедию поражения и исхода Белой армии. Среди эмигрантских авторов-дальневосточников особенно выделяется И.И. Серебренников, чья изданная в 1936 г. в Харбине книга «Великий отход», основанная на воспоминаниях участников событий 1919–1923 гг., достаточно подробно и объективно описывала процесс отступления частей Белой армии в различные районы Китая и первоначальное обустройство бывших военнослужащих³.

Своеобразным приемником Серебренникова в историописании Белой эмиграции на Дальнем Востоке явился бывший белый офицер П.П. Балакшин. В его фундаментальном произведении «Финал в Китае»⁴, охватившем весь период существования белой эмиграции в Китае и построенном на основе отдельных эмигрантских документов, периодики и воспоминаний целого ряда лиц (информация о которых сегодня практически утрачена), нашли отражение противостояние между советской разведкой и эмигрантскими активистами, участие русских в китайских междоусобных войнах в 1920-е гг. и советско-китайском конфликте 1929 г.,

---

¹ Белов В. Белое похмелье. Русская эмиграция на распутье. М.-Пг., 1923; Киржниц А. У порога Китая. Русские в полосе отчуждения КВЖД. М., 1924; Мещеряков Л.М. На переломе (Из настроений белогвардейской эмиграции). М.: Главполитпросвет, 1922; Полевой Е. По ту сторону границы. Белый Харбин. М.-Л., 1930, и др.

² Аварин В.Я. «Независимая» Маньчжурия. М., 1932; Алексеев И. Что происходит на КВЖД. Хабаровск, 1929; Тульский С. Маньчжурия. М.: ОГИЗ, Гос. воен. изд-во, 1932, и др.

³ Серебренников И.И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых Русский Армий. 1919–1923. Харбин: Изд-во М.В. Зайцева, 1936.

⁴ Балакшин П. Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение Белой эмиграции на Дальнем Востоке. Сан-Франциско, Париж, Нью-Йорк: Сириус, 1958.

сотрудничество представителей эмиграции с японскими спецслужбами, и была представлена целая галерея портретов крупных деятелей эмиграции в Китае.

Возвращение внимания советских исследователей к истории русской эмиграции началось с конца 1950-х гг. И хотя в изданных в 1960-е гг. воспоминаниях советских военных советников в национально-революционных армиях Китая времен революции 1925–1927 гг. их противник – русская военная эмиграция – по-прежнему представал в карикатурном виде, как «зараженная всеми пороками дна большого города, почти поголовно сифилитичная и насквозь развращенная»⁵, в исторических работах семидесятых – восьмидесятых годов, опиравшихся на архивные документы и свидетельства вернувшихся на родину бывших эмигрантов, была дана более объективная картина безуспешных попыток радикальной эмиграции ликвидировать советскую власть в СССР⁶. Среди исследований этого периода особенно стоит отметить работу Л.К. Шкаренкова, лучшее из советских исследований деятельности антибольшевистского эмигрантского актива. Значительное место в работе было уделено военным организациям, прежде всего Русскому Обще-Воинскому Союзу. К сожалению, Шкаренков представил очень мало сведений о дальневосточной ветви эмиграции, ограничившись упоминанием наиболее ярких примеров антисоветского движения в 1920–1930-е гг., социальной базой которого во многом выступали бывшие военные, «масса безработных, не приспособленных к какому-нибудь труду людей, сроднившихся с насилиями и грабежами».

Дальневосточная ветвь русской эмиграции в советский период практически не являлась предметом самостоятельного научного изучения. Только в 1987 г. во Владивостоке под грифом «для служебного пользования» В.В. Сониным было издано учебное пособие «Крах белоэмиграции в Китае», дававшее краткий обзор истории русской дальневосточной эмигрантской колонии, выдержанное в строгих идеологических рамках советской школы⁷.

На рубеже 1980–1990-х гг. в связи с политическими изменениями в России в отечественной исторической науке возник острый интерес к истории эмиграции «первой волны». В девяностые годы появилось большое количество исследований, лишенных прежних идеологических штампов и ориентированных на объективное и всестороннее изучение эмиграции. Исследование военной эмиграции в это время приобрело самостоятельный характер, а открытие государственных архивных фондов (прежде всего эмигрантских коллекций бывшего ЦГАОР) поставило его на серьезную документальную основу. Наряду с открытием доступа для исследователей к архивным фондам, началась подготовка и издание сборников документов, освещавших деятельность военной эмиграции⁸, а также воспоминаний и исследований участников Белого движения, оказавшихся в эмиграции⁹. Вместе с тем, немало отечественных исследований военной эмиграции 1990–2000-х гг. отличались чрезмерной широтой географического и тематического охвата, страдая при этом недостаточной глубиной проработки тематики и узостью источниковой базы. Основное место в исследованиях деятельности военной эмиграции было отдано ее западной ветви, что объясняется преимущественным обраще-

⁵ Примаков В.М. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М.: Наука, 1967; Черепанов А.И. Северный поход Национально-революционной армии Китая (Записки военного советника). М.: Наука, 1968.

⁶ Барихновский Г.Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции. Л., 1978; Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982; Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. М.: Мысль, 1986; и др.

⁷ Сонин В.В. Крах белоэмиграции в Китае. Учеб. пособие. Владивосток, 1987.

⁸ Из истории русской эмиграции 1921–1945 гг. (Комплект документов из фондов РГВА) / Сост. И.В. Успенский. Под ред. Н.Е. Елисейевой. М., 1996; Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы: Учебное пособие / Под ред. проф. А.Ф. Киселева. М., 1999; Российская эмиграция в Маньчжурии: военно-политическая деятельность (1920–1945): сб. документов / Вступ. статья, сост., прилож. Е.Н. Чернолуцкой. Южно-Сахалинск, 1994; Русская военная эмиграция 20-х – 40-х гг. Документы и материалы. Т. 1–10. М., 1998–2017.

⁹ Белая эмиграция в Китае и Монголии. М., 2005; Белое дело: Избранные произведения: В 16 кн. М., 2003. Кн. 14. Белый Восток; Российский военный сборник. Вып. 6, 9, 12, 13, 16, 17, 21, 22. М., 1994, 1995, 1997, 1999, 2000, 2005, 2007; Русская армия в изгнании. М., 2003; Русская эмиграция в борьбе с большевизмом. М., 2005; и др.

нием исследователей к материалам хранящегося в ГАРФе Пражского архива, одного из крупнейших собраний документов русской эмиграции. Как известно, документы дальневосточной ветви эмиграции представлены в коллекциях Пражского архива достаточно фрагментарно. К достоинствам научных работ этого периода можно отнести предложенную авторами классификацию военных организаций российской эмиграции, описание процесса складывания, анализ организационной, военно-политической, образовательной, боевой деятельности военной эмиграции¹⁰.

Обращаясь к истории русской военной эмиграции на Дальнем Востоке и описывая ее деятельность почти исключительно как реваншистскую и экстремистскую, исследователи дали русским военным организациям Китая очень поверхностную, фрагментарную и «статичную» (без какого-либо видимого развития и эволюции) характеристику. Основное внимание концентрировалось на фактах антисоветской борьбы военной эмиграции, преимущественно в Маньчжурии, и сосредотачивалось на нескольких временных периодах – начале 1920-х гг., советско-китайском конфликте на КВЖД 1929 г., конце 1930-х – начале 40-х гг. (от Хасана и Халхин-Гола до начала советско-германской войны). При этом описание антисоветской активности военной эмиграции было не лишено тенденциозности, фактологических ошибок, и близко в своих оценках к поздне-советской историографии, в частности, работам Л.К. Шкаренкова.

В 2000–2010-е гг. исследования российской военной эмиграции приобрели более узкую региональную и тематическую специализацию¹¹, существенно возросло внимание к судьбам руководителей и отдельных представителей военных организаций. Основные проблемы, к которым обращаются современные исследователи военной эмиграции, в основном остаются традиционными – это становление и организационные структуры военной эмиграции; деятельность военных организаций (прежде всего таких крупных, как Обще-Воинский Союз и Корпус Императорской Армии и Флота) по сохранению боевого и интеллектуального потенциала военной эмиграции и обеспечению преемственности ее традиций для молодого поколения эмигрантов; антисоветский эмигрантский активизм, в немалой степени представленный бывшими военными; отношение ко Второй мировой войне и участие в ней бывших русских военных¹².

Несмотря на то, что изучение российской эмиграции на Дальнем Востоке в 1990-е гг. приобрело самостоятельный и даже в чем-то самодостаточный характер¹³, исследования,

¹⁰ Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Парфенов Е.Б., Пивовар Е.И. Российская военная эмиграция в 1920–30-е гг. Нальчик, 1998; Бегидов А.М., Ершов В.Ф., Пивовар Е.И. Военно-учебные заведения зарубежной России. 1920–1930-е гг. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999; Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2002; Он же. Русская военная эмиграция: Издательская деятельность. М.: Пашков дом, 2008; Ершов В.Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1918–1945 гг. М.: МГУ сервиса, 2000; Иванов И.Б. ОВЭС: Краткий исторический очерк. СПб., 1994; Свириденко Ю.П., Ершов В.Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М.: МГУ сервиса, 2000.

¹¹ В это время был защищен целый ряд диссертаций, посвященных истории военной эмиграции: Борейко А.М. Русский Общевоинский Союз и советские органы государственной безопасности: 1924 – вторая половина 1930-х гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2002; Бухтерев В.Б. Российская военная эмиграция в Германии в 1920–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Климутин В.А. Российская военно-морская эмиграция в 1920–1930-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Ракунов В.А. Эмиграция белых войск из России в Китай и ее военные последствия (1918–1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2011; Сотников С.А. Российская военная эмиграция во Франции в 1920–1945 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006; Федоров С.С. Русский Обще-Воинский Союз. 1920–1930 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; Чичерюкин В.Г. Русские эмигрантские воинские организации, 1920–1940-е гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000; и др.

¹² Голдин В.И. Армия в изгнании. Страницы истории Русского Обще-Воинского Союза. Архангельск-Мурманск: СОЛТИ, 2002; Он же. Роковой выбор. Русское военное зарубежье в годы Второй мировой войны. Архангельск-Мурманск: СОЛТИ, 2005; Он же. Он же. Российская военная эмиграция и советские спецслужбы в 20-е годы XX века. Архангельск: СОЛТИ; СПб.: Полторацк, 2010; Кузнецов Н. Русский флот на чужбине. М.: Вече, 2009; Окороков А.В. Русская эмиграция: Политические, военно-политические и воинские организации, 1920–1990 гг. М., 2003; Серегин А.В. Монархисты-легитимисты и Русский Общевоинский Союз // Новый исторический вестник. 2014. № 39. С. 89–104; Цурганов Ю.С. Белоэмигранты и Вторая мировая война: попытка реванша, 1939–1945. М., 2010; и др.

¹³ К наиболее крупным исследователям истории российской эмиграции в Китае стоит отнести Н.Н. Аблажей, Н.Е. Аблову, Ю.В. Аргудяеву, Е.Е. Аурилене, М.В. Кротову, Г.В. Мелихова, В.Ф. Печерицу, А.А. Хисамутдинову и др. Определенная само-

посвященные военной эмиграции в Китае, выглядят весьма скромно в сравнении с ее западной ветвью. Тем не менее, можно выделить ряд проблем истории военной эмиграции в Китае, получивших существенную разработку в исследованиях отдельных авторов.

Вопросы, связанные с отступлением воинских частей Белой армии в Китай и последующей репатриацией части бывших военных, количественным и качественным составом сообщества военных эмигрантов, организационной активностью и первичной адаптацией военных, нашли отражение в работах, освещающих историю Гражданской войны на востоке России, и оказались наиболее проработанными в отношении Северо-Западного Китая¹⁴.

Большое внимание исследователей привлекает проблема участия русских военных в армиях и вооруженных формированиях на территории Поднебесной. К наиболее изученным в отечественной исследовательской литературе эмигрантским воинским подразделениям относятся Русская группа войск Шаньдунской армии маршала Чжан Цзунчана, Русская дивизия в составе китайских войск Синьцзяна, Русский отряд (полк) Шанхайского волонтерского корпуса, отряд Асано в армии Маньчжоу-го¹⁵. Как отмечают исследователи, мотивами появления части этих подразделений являлось как наемничество, так и антисоветский активизм, что порождало внутренний конфликт, а стремление внешних политических сил в лице китайской военно-политической администрации, японских оккупационных властей, руководства иностранных селтльментов использовать военный потенциал русской эмиграции в своих интересах способствовало деградации антибольшевистского движения в военно-эмигрантской среде. Некогда обезличенная масса белогвардейцев на службе иностранных империалистов приобрела в этих произведениях личностное измерение, выраженное в индивидуальных судьбах отдельных представителей военной эмиграции.

То же личностное измерение в изучении истории военной эмиграции демонстрируют исследования, посвященные биографиям отдельных офицеров Белой армии, оказавшимся в Китае¹⁶. Среди крупных фигур военной эмиграции абсолютным лидером по числу публика-

---

достаточность исследований дальневосточной российской эмиграции заключается в том, что значительная часть историков (и не только историков), занимающихся проблемами эмиграции, сосредоточена на Дальнем Востоке и опирается в своей работе преимущественно на местные архивные материалы, отложившиеся в фондах ГАХК, ГАПК и др.

¹⁴ Аблажей Н.Н., Комиссарова Е.Н. Амнистия рядовых белогвардейцев и их реэмиграция из Китая в 1920-е гг. // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 49–52; Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. 1918–1941 гг. Барнаул, 1998; Волков Е.В. Под знаменем белого адмирала. Офицерский корпус вооруженных формирований А.В. Колчака в период Гражданской войны. Иркутск: Издат. дом «Сарма», 2005; Ганин А.В. Атаман А.И. Дутов. М.: Центрполиграф, 2006; Он же. Черногорец на русской службе: генерал Бакич. М.: Русский Путь, 2004; Крах белой мечты в Синьцзяне: воспоминания сотника В.Н. Ефремова и книга В.А. Гольцева «Кульджийский эндшпиль полковника Сидорова». СПб.: Алетейя, 2016; Марковчин В.В. Деятельность русской военной эмиграции в Северо-Западном Китае: 1920–1926 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2010; Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М.: Вече, 2007; Петров А.А. Отряд полковника Орлова [Электронный ресурс] // URL: guguard.ru/forum/index.php (дата обращения: 15.08.15); Тарасов М.Г., Дудникова А.В. Формирование енисейской казачьей эмиграции в Китае // Вестник ТГУ. 2014. № 379. С. 145–149; Фомин В.Н., Фомин К.В. Белая армия на Дальнем Востоке и в Китае в 1921–1922 гг.: дислокация, численность и командный состав // Белая армия. Белое дело. 2000. № 7. С. 36–42; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке (1920–1922 гг.). Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 1996; Он же. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). Хабаровск: Хабар. краевед. музей, 2012; Шульдяков В.А. Гибель Сибирского казачьего войска. 1917–1920. М.: Центрполиграф, 2004. Кн. 2.

¹⁵ Балмасов С.С. Белоэмигранты на военной службе в Китае. М.: Центрполиграф, 2007; Буяков А.М. Организация и деятельность русского отряда «Асано» в Маньчжурии (1938–1945 гг.) // Россияне в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Сотрудничество на рубеже веков: Матер. Первой междунар. науч. – практич. – конф. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. Кн. 2.; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932). М.: Русский Путь, 2007; Он же. Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 гг. // Труды Института российской истории. Вып. 6 / Отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2006. С. 120–139; Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920–1930-е гг.). М.: НобельПресс, 2013; Окорочков А.В. Русские добровольцы. М.: Авуар консалтинг, 2004; Он же. В боях за Поднебесную. Русский след в Китае. М.: Вече, 2013; Рубанов Е.А. Белая эмиграция в Китае в межвоенный период: русские наемники на иноземной службе в Маньчжурии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2012. № 4 (20). С. 70–75; Смирнов С.В., Буяков А.М. Отряд Асано. Русские эмигранты в вооруженных формированиях Маньчжоу-го (1938–1945). М.: ТД Алгоритм, 2015; Яковкин Е.В. Русские солдаты Квантунской армии. М.: Вече, 2014; и др.

¹⁶ Абеленцев А.Н. Председатель Восточного Казачьего Союза генерал Е.Г. Сычев // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 292–

ций является атаман Г.М. Семенов. При этом исследователи нередко пытаются идеализировать образ атамана, возможно, в противовес его демонизации в советский период¹⁷. Большой интерес представляют публикуемые отдельными исследователями материалы о судьбах военных эмигрантов не первой и зачастую не второй величины, нередко опирающиеся на уникальные документы¹⁸. Кроме того, стоит отметить наличие целого ряда справочных биографических изданий, где представлены сведения о военных эмигрантах, или исследования, имеющие обширные биографические приложения, относящиеся к военным эмигрантам¹⁹.

Еще одним объектом устойчивого интереса исследователей военной эмиграции являются корпоративные сообщества, к каковым с определенной долей условности можно отнести казачество, и организации бывших военных, а также их участие в антисоветской борьбе. В многочисленных публикациях, посвященных казачьей эмиграции в Китае, достаточно подробно обрисован процесс ее формирования, особенности приспособления казаков к новым условиям проживания, организационная структура казачества, общественно-политическая и культурно-просветительская деятельность крупных казачьих объединений в Маньчжурии и Шанхае и роль в этом наиболее выдающихся представителей казачьего сообщества²⁰. Из военных организаций эмиграции и организаций преимущественно военных по своему составу, чья деятельность получила определенное освещение в исследовательской литературе, стоит выделить Дальневосточный отдел РОВС и его отдельные китайские подразделения, шанхайские Союз

301; Богущий А.Е. Военная и политическая деятельность атамана Иркутского казачьего войска П.П. Оглоблина // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–2 (76). С. 40–45; Волков Е.В. Крестьянский сын Белой России: линия жизни генерала П.П. Петрова // Белая армия. Белое дело. 2006. № 15. С. 72–89; Он же. Судьба колчаковского генерала. Страницы из жизни М.В. Ханжина. Екатеринбург, 1999; Ганин А.В. Большая игра генерал-майора И.М. Зайцева // Белая гвардия. 2005. № 8. С. 193–207; Генерал Дитерихс / Ред. и сост. В.Ж. Цветков. М.: НП «Посев», 2004; Кротова М.В. Генерал В.Н. Касаткин: неизвестные страницы жизни в Харбине // Новый исторический вестник. 2012. № 33. С. 110–118; Толочко А.В. Н.Г. Фомин и консолидация русской эмиграции в Шанхае // Вестник Пермского университета. 2009. Вып. 4 (11). С. 113–118; и др.

¹⁷ Кайгородов А. Атаман Семенов // Байкал. Улан-Удэ, 1995. № 2. С. 78–93; Курас Л.В. Атаман Семенов: любовь, переродившаяся в предательство // Власть. 2014. № 2. С. 184–188; Марковчин В.В. Три атамана. М.: Звонница-МГ, 2003; Романов А.М. Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова. Иркутск: Отгиск, 2013; Смирнов А.А. Атаман Семенов: последний защитник Империи. М.: Вече, 2005, Он же. Казачьи атаманы. М.: Нева, Олма-Пресс, 2002, и др.

¹⁸ Базаров Б.В. Генерал-лейтенант Маньчжоу-Го Уржин Гармаев. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского науч. центра СО РАН, 2001; Краснощеков А.А. Зигзаги судьбы Ивана Вошило // Белая армия. Белое дело. Истор. науч. – попул. альманах. Екатеринбург, 2015. № 22. С. 79–96; Огневский А. Русский патриот Яков Смирнов // Ежедневные новости. Владивосток, 2002. 20 дек.; Петрушин А.А. «Мы не знаем пошады...»: Известные, малоизвестные и неизвестные события из истории Тюменского края по материалам ВЧК – ГПУ – НКВД – КГБ. Тюмень, 1999; Рыжов И.Л. Последний бой полковника [электронное издание] // Совет директоров. URL: <http://www.bazar2000.ru/index.php?article=4850>; Тимофеев А. Земляки (Материалы для биографического словаря) // Сибирский исторический альманах. Т. 1. Гражданская война в Сибири. Красноярск: Знак, 2010. С. 32–38; и др.

¹⁹ Александров Е.А. Русские в Северной Америке: Биографический словарь. Хэмден: Сан-Франциско; СПб., 2006; Буяков А.М., Крицкий Н.Н. Морские стрелковые формирования Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.). Владивосток: Рея, 2015; Волков С.В. База данных «Участники Белого движения в России» [электронное издание]. URL: <https://погибшие.рф/arhiv/uchastniki-grazhdanskoj-vojny/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii/uchastniki-belogo-dvizheniya-v-rossii-dl-ds.html>; Он же. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003; Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска 1891–1945: Биографический справочник. М.: Русский Путь, Библ. – фонд «Русское зарубежье», 2007; Купцов И.В., Буяков А.М., Юшко В.Л. Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны. Биографический справочник. М.: Кучково поле; Ассоциация «Военная книга», 2011; Хисамутдинов А.А. Российская эмиграция в АТР и Южной Америке: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2000; Шаронова В.Г. Некрополь русского Шанхая. М.: Старая Басманная, 2013, и др.

²⁰ Ганин А.В. Оренбургское казачье войско в Гражданской войне и в эмиграции. 1917–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 8. С. 25–30; Малышенко Г.И. Общественно-политическая жизнь российского казачества в дальневосточной эмиграции (1920–1945 гг.). Омск: Изд-во ОмГАУ, 2006; Сергеев О.И. Из истории политической жизни российской эмиграции в Китае: фашизм и казачество // Вопросы гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке. Владивосток, 1994. С.; Он же. Исход в Китай, исход из Китая: войны первой половины XX в. и российская казачья эмиграция // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России / Под ред. Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С. 256–269; Фомин К.В. Казачья эмиграция в Китае: 1922–1931 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004; Худобородов А.Л. Вдали от Родины: российские казаки в эмиграции. Челябинск, 1997; Он же. Казачья эмиграция в Маньчжурии в период японской оккупации (1932–1945 гг.) // Вестник Челябинского университета. Сер. 10. Востоковедение. Евразийство. Геополитика. 2002. № 1. С. 186–196; Чапыгин И.В. Казачья эмиграция в Китае. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014.

служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАФ), Казачий Союз, Офицерское Собрание и Союз военных инвалидов, Братство Русской Правды²¹.

Антисоветское движение в эмигрантской среде, в значительной мере представленное бывшими военными, и участие эмигрантов в открытой вооруженной борьбе против Советского Союза как и в советский период являются одной из важнейших тем для исследователей дальневосточной ветви Русского зарубежья, опирающихся на значительно более широкую источниковую базу и свободных от идеологических шаблонов в своих интерпретациях, а ставшая в последнее время животрепещущей проблема коллаборационизма в годы Второй мировой войны чаще всего решается отделением эмигрантских антисоветских активистов от коллаборантов²².

В зарубежной историографии русской военной эмиграции²³, деятельность ее дальневосточной ветви нашла некоторое освещение только в трудах, посвященных истории Русского Китая, и в отдельных специальных статьях²⁴.

В целом, принимая во внимание большой вклад отечественных и зарубежных исследователей в изучение русской эмиграции «первой волны», необходимо отметить, что русская военная эмиграция в Китае в качестве самостоятельного и целостного предмета исследования никогда не рассматривалась. Военная эмиграция, как нередко и эмиграция вообще, в работах исследователей за редким исключением предстает в виде конгломерата отдельных организаций, социальных и политических групп, наиболее выдающихся личностей, деятельность которых детерминирована их политическими характеристиками, средой проживания и между-

---

²¹ Аурилена Е.Е. Российская диаспора в Китае. 1920–1950-е гг. Хабаровск: Частная коллекция, 2008; Базанов П.Н. Братство Русской Правды – самая загадочная организация Русского Зарубежья. М.: Посев, 2013; Буяков А.М. Знаки и награды российских эмигрантских организаций в Китае (Дайрен, Тяньцзинь, Харбин, Хуньчунь, Цинаньфу, Шанхай), 1921–1949 гг.: материалы к справочнику. Владивосток: Русский Остров, 2005; Дубаев М.Л. Из истории русской эмиграции в Китае: Харбинское отделение РОВС // Восточный архив. 2002. № 8/9. С. 56–67; Егоров Н.А. Дальневосточный отдел диверсионно-террористической организации «Братство русской правды» // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 4. С. 136–141; Курас Л.В. Российская военно-политическая эмиграция в Маньчжоу-Го (по материалам советской разведки) // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11. № 4. С. 163–173; Терзов А.С. Белая эмиграция в Китае: деятельность Дальневосточного отдела РОВС. URL: <http://srn-fareast.ucoz.ru/> (дата обращения: 15.05.17); Хисамудинов А.А. Русские общественно-военные организации в Харбине // История Белой Сибири: новые подходы и результаты: Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2 (62). Т. 6. С. 303–308; Шаронова В.Г. История русской эмиграции в Восточном Китае в первой половине XX века. М.: СПб., 2015; и др.

²² Аблажей Н.Н. С востока на восток: Российская эмиграция в Китае. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007; Аурилена Е.Е., Кротова М.В. «Лишить японцев белоэмигрантского козыря...». Российская эмиграция в Маньчжурии в период Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 2015. № 4. С. 52–57; Базанов П.Н. Указ. соч.; Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. М.: Кучково поле; Беркут, 2013; Егоров Н.А. Указ. соч.; Кротова М.В. «Оживление деятельности белогвардейцев вызвано... ухудшением международного положения СССР». Русская эмиграция в Маньчжурии: планы вооруженной борьбы с Советским Союзом в 1920-е годы // Военно-исторический журнал. 2014. № 7. С. 64–67; Она же. Синдром антибольшевизма на Дальнем Востоке // Военно-исторический журнал. 2014. № 10. С. 71–77; Курас Л.В. Японская Военная миссия в Маньчжоу-го: подготовка к агрессии // Власть. 2014. № 9. С. 143–147; Куртинец С.А. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е гг. XX в. // Проблемы Дальнего Востока. 2010. № 4. С. 115–125; Ландер И.И. Негласные войны. История специальных служб. 1919–1945: В 2 кн. Одесса: Друк, 2007; Мозохин О.Б. Противоборство. Спецслужбы СССР и Японии (1918–1945). М.: Родина Медиа, 2012; Сонин В.В. Дальневосточная эмиграция в годы Второй мировой войны // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 36–45; Усов В.Н. Советская разведка в Китае. 20-е годы XX века. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; Он же. Советская разведка в Китае: 30-е годы XX века. М., 2007; Хабаровские чекисты. История в документах и судьбах / Автор-сост. А.С. Колесников. Хабаровск, 2011; Ципкин Ю.Н. Маньчжурская эмиграция: раскол и попытки объединения военных кругов // Российская эмиграция на Дальнем Востоке... С. 28–35; и др.

²³ Одной из лучших работ, посвященных истории русской военной эмиграции в Европе, является книга П. Робинсона «Русская Белая армия в изгнании» (Robinson P. The White Russian Army in exile. 1920–1941. Oxford: Clarendon press, 2002).

²⁴ Ван Чжичэн. История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжуна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л.П. Черниковой. М.: Русский путь, 2008; Стефан Дж. Русские фашисты: трагедия и фарс в эмиграции. 1925–1945 / Пер. с англ. Л.Ю. Мотылева. М.: СП «Слово», 1992; Stephan J.J. Russian Soldiers in Japanese service: The Asano brigade // Shikan. The Historical Review. Tokyo, 1977. N 95; Stephan J.J. The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile. 1925–1945. N.Y.: Harper Row Publishers, 1978; Фэн юй фупин: Эго цяолинь цзай Чжунго (Ряска в непогоду: Русские эмигранты в Китае) (1917–1945) / Ли Сингэн, Ли Жэньнянь и др. – Пекин: Чжунъян бяньи чубаньшэ, 1997.

народным контекстом. Незаботанными или почти незаботанными остаются целый ряд проблем, как то роль личностного фактора в деятельности военной эмиграции, сохранение и поддержание корпоративной идентичности внутри военного эмигрантского сообщества, взаимодействие между военными и молодежными организациями, социальная адаптация военных, особенно в ее личностном измерении.

Комплексное исследование русской военной эмиграции в Китае потребовало обращения к широкому кругу исторических источников, к которым относятся опубликованные и неопубликованные документы эмигрантских организаций, воинских подразделений, а также советских спецслужб и дипломатического ведомства; документы личного происхождения; следственные материалы на репрессированных эмигрантов из Китая; материалы периодической печати, прежде всего изданий военных организаций, и другие эмигрантские печатные издания, также многочисленные фотоматериалы, обнаруженные нами в архивных коллекциях, частных собраниях и разнообразных печатных изданиях.

Процесс формирования русской военной эмиграции в различных районах Китая нашел отражение в документах Охранной стражи КВЖД, воинских частей Белой армии, эвакуированных в 1920–1922 гг. на территорию Китая, агентурных сведениях управления Красной армии и советских спецслужб, а также в воспоминаниях отдельных эмигрантов²⁵.

Характеризуя начальную стадию оформления организационных основ военной эмиграции, проблемы жизненного выбора и стратегий его реализации представителями военного сообщества в условиях необходимости адаптации к новой социально-культурной среде, мы обратились как к документам, отражающим институциональную сторону этих процессов (например, документы эмигрантских организаций), так и свидетельствам, демонстрирующим индивидуальный опыт вхождения в новую среду²⁶. Особенно ценными здесь являются документы, синхронно сформировавшиеся с протекавшими событиями, т. е. дневниковые записи. Если источники личного происхождения освещают проблему выбора индивидом той или иной жизненной стратегии, то обращение к материалам массовых источников (пусть и такому специфическому, как следственные дела бывших эмигрантов)²⁷ позволило нам выявить спектр вероятностных стратегий в конкретных исторических условиях.

Важное значение для реконструкции организационной, политической, боевой, благотворительной и других видов деятельности военной эмиграции имеют разнообразные документы организаций бывших военных (протоколы заседаний, докладные и служебные записки, переписка, обзоры и др.). Наиболее крупный комплекс документов и прежде всего официальная и личная переписка руководителей различного ранга относится к дальневосточным подразделениям РОВС, самой массовой военной организации во всех регионах рассеяния русских эмигрантов²⁸. Достаточно много сохранилось документов, отображающих деятельность шан-

²⁵ АВПрФ. Ф. 0100. Рефература по Китаю; ф. 0100б. Рефература по Маньчжурии; ф. 308. Генеральный консул СССР в Харбине; Будберг А.П. Дневник белогвардейца // Архив Русской Революции. Берлин, 1923–1924. Т. 12, 13; ГАРФ. Ф. Р-4325. Управление делами по устройству беженцев, Гензан; ф. Р-4698. Управление начальника снабжения рабочих организаций в Корею; ф. Р-5793. Рябиков П.Ф.; ф. Р-6081. Управление Китайской Восточной железной дороги; ф. Р-6599. Ильин И.С.; ф. Р-9145. Коллекция отдельных документов различных эмигрантских организаций; РГВА. Ф. 7. Штаб РККА; Русская военная эмиграция 20–40-х гг. XX века. Т. 7. Восточная ветвь. 1920–1928 гг. М., 2015. 954 с.; BAR. Vorobchuk (A.P.) Papers; HIA. Petrov (P.P.) Papers; Serebrenikov (I.I.) Papers; и др.

²⁶ Дневник Георгия Ларина – хорунжего Оренбургского казачьего войска // Белая армия. Белое дело. 2015. № 22. С. 145–151; Дневник майора И.И. Штина // Балмасов С.С. Указ. соч. С. 204–231; Дневник полковника А.А. Тихобразова // Балмасов С.С. Указ. соч. С. 232–298; Зубец В.А. На службе в китайской армии // Русская Атлантида. 2009–2013. № 33–46; Ильинский А.А. Записки белогвардейца // Русская Атлантида. 2009. № 31; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 5. Собрание воспоминаний и дневников Морозова В.А. «Записки об эмиграции», и др.

²⁷ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Архивно-следственные дела.

²⁸ ГАРФ. Ф. Р-5826. Русский Общевоинский Союз; ф. Р-5829. Лукомский А.С.; BAR. Russkii Obshche-Voinskii Soiuz (ROVS) Papers; HIA. Golovin (N.N.) Papers; Lukomskii (A.S.) Papers; Petrov (P.P.) Papers; Nedzvetskii (B.) Papers; Museum of Russian Culture. Русские эмигранты на Дальнем Востоке.

хайского Казачьего Союза и Союза служивших в Российских армии и флоте в Шанхае, Союза казаков на Дальнем Востоке, Офицерского Собрания в Шанхае, обществ русских военных инвалидов²⁹. В меньшей степени повезло таким организациям, как китайские подразделения КИАФ, Дальневосточный союз военных и Восточный Казачий союз³⁰. Некоторая информацию, касающаяся объединений военных, отложилась в документах «гражданских» организаций дальневосточной эмиграции – Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи, Харбинского комитета помощи русским беженцам, Антикоммунистического комитета в Тяньцзине³¹.

Отдельные аспекты деятельности военных организаций нашли отражение в эмигрантской периодической печати, особенно в тех изданиях, которые были близки или принадлежали объединениям военных – «Русское слово», «Грядущая Россия», «Армия и Флот», «Часовой», «Друг инвалида»³², и др. Кроме того, обращение к широкому кругу русских периодических изданий Китая помогло нам реконструировать обстановку и атмосферу жизни эмигрантских колоний.

Документы, позволяющие изучить деятельность военных организаций, дополняют, а иногда и восполняют материалы советских спецслужб, прежде всего военной разведки и Иностранного отдела Секретно-оперативного управления ОГПУ. В этих материалах особенно подробно освещается антисоветская деятельность эмиграции. Кроме того, антисоветская деятельность эмигрантского актива, где первенствующую роль играли бывшие военные, представлена, хотя и достаточно фрагментарно, в документах РОВС, БРП и организации сибирских областников³³.

Такой примечательный аспект деятельности русской военной эмиграции, как участие во внутри-китайских вооруженных конфликтах, позволяют осветить документы Русской группы войск Шаньдунской армии, включающие в себя приказы, рапорты, послужные списки, переписку и т. п.; воспоминания бывших военнослужащих Русской группы; агентурные сведения советской разведки; материалы периодической печати³⁴. Служба русских эмигрантов в Шанхайском Волонтерском корпусе получила отражение в документах фонда «Тиме» Бахметьевского архива, периодике и изданной в США в 1984 г. истории русского подразделения ШВК, составленной «летописцем» Русского полка сотником Е.М. Красноусовым. Для описания военной службы русских эмигрантов в армии Маньчжоу-го, а также их участия в военизированных охранных структурах и волонтерских подразделениях в Маньчжурии были привлечены прежде всего многочисленные следственные материалы на эмигрантов, вывезенных из Китая

²⁹ ГАРФ. Ф. Р-5963. Казачий Союз в Шанхае; ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 240; ГАХК. Ф. Р-829. Союз казаков на Дальнем Востоке; ф. Р-1497. Союз русских военных инвалидов в Маньчжу-Ди-Го; Краткая история Союза Русских Военных Инвалидов в г. Шанхае: К 10-летию юбилею его существования. 1926–1936. Шанхай, 1936. 56 с.; Офицерское собрание в Шанхае. 1926–1941. Шанхай, 1941. 65 с.; МРС. Русские эмигранты на Дальнем Востоке. Вых 2, 3.

³⁰ ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2; ГАРФ. Ф. Р-9145. Оп. 1. Д. 235, 241; ГАХК. Ф. Р-1129. Пограничный район Дальневосточного союза военных; НИА. Moravskii Papers.

³¹ ГАХК. Ф. Р-830. Главное БРЭМ. Оп. 1, 3; ф. Р-1127. Отделение БРЭМ в Маньчжу-Ди-Го; ф. Р-1128. Харбинский комитет помощи русским беженцам; НИА. Kharbinskii komitet pomoshchi russkim bezhentsam; Abdank-Kossovskii Papers; Serebrenikov Papers.

³² Армия и Флот. Шанхай, 1926–1933; Голос России. Шанхай, 1932; Грядущая Россия. Харбин, 1934; Друг Инвалида. Шанхай, 1935–1941; Зарубежный казак. Харбин, 1940; Зов казака. Харбин, 1938; Русское слово. Харбин, 1926–1928, 1932–1935; Харбинское время (Время). Харбин, 1934, 1941–1945; Часовой. Париж, 1930–1936; НИА. Ilin (I.S.) clipping collection 1931–1932; и др.

³³ ГАРФ. Ф. Р-5826; BAR. ROVS Papers; НИА. Larin (G.P.) Papers; Moravskii Papers; МРС. Вых 1, 2; Архив св. – Троицкой духовной семинарии. Larin Papers; и др.

³⁴ АВПРФ. Ф. 0100. Оп. 10; ГАРФ. Ф. Р-7043. Штаб Русской группы войск Шаньдунской армии; ф. Р-7044. Штаб 65-й дивизии 3-й армии Мукденских войск; Котляров Я. На службе у маршала Чжан Цзу-чана // Русская жизнь. Сан-Франциско, 1968; Михайлов Д. Русский отряд на службе в китайской армии. 1924–1928 // Русская жизнь. 1968; Политическая история русской эмиграции: Документы и материалы. М., 1999. 776 с.; РГВА. Ф. 25895. Управление Среднеазиатского военного округа; и др.

в СССР в 1945–1946 гг., и хранящиеся сейчас в ряде государственных и ведомственных архивов, а также разрозненные документы из других архивов, материалы периодической печати и воспоминания³⁵.

Анализ взаимодействия военных организаций и молодежных объединений эмиграции, обеспечения военного образования для молодежи, характера межпоколенных отношений, участия русской молодежи в китайских военных конфликтах и антисоветском движении совместно с бывшими военными обеспечивают разнообразные документы и воспоминания участников молодежных организаций, периодическая печать³⁶, агентурные сведения советской разведки, следственные материалы, мемуарная литература.

Завершая вводную часть монографии, хотелось бы отметить, что появление данного исследования было бы невозможно без помощи отдельных крупных специалистов по истории русской дальневосточной эмиграции, краеведов-историков, сотрудников архивохранилищ. Персональную благодарность автор выражает А.М. Буякову (Владивосток), И. Франкьену (Сан-Франциско), А. Шмелеву (Стэнфорд), Т. Чебаторевой (Нью-Йорк), А.А. Краснощекову (Барнаул), В.А. Суманосову (Барнаул).

---

³⁵ АВПРФ. Ф. 01006. Оп. 8. П. 123; Архив УФСБ РФ по Хабаровскому краю. Прекращенные архивно-следственные дела. Д. ПУ-5094; ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2; ГАПК. Ф. 1588; ГАХК. Ф. Р-829; Луч Азии. Харбин, 1943, 1944; Перминов В.В. Наказание без преступления. Чита, 2010. 96 с.; Харбинское время (Время). Харбин, 1943–1945, и др.

³⁶ Вестник. Отдел Национальной Организации Русских Скаутов-Разведчиков в Северном Китае. Тяньцзинь, 1939; ГАРФ. Ф. Р-9145; Голос скаута. Харбин, 1921; Мушкетер. Харбин, 1932, 1936, 1942; Нация. Шанхай, 1937; НИА. Kniazeff (A.N.) Papers; Nedzvetskii (B.) Papers; и др.

Глава 1. «Счастливая Хорватия»: Гражданская война в России и маньчжурская база Белого движения (1917–1919)

К началу XX века огромный и густозаселенный Китай утратил значительную часть своего суверенитета, превратившись в раздираемую державами полуколонию. Русское присутствие в Китае больше всего ощущалось на северо-востоке страны, в Маньчжурии. Азиатская политика С.Ю. Витте принесла России в 1896 г. очень выгодную концессию на строительство железной дороги по китайской территории, которая должна была стать продолжением Транссиба и связать российское Забайкалье с российским Приморьем. Территория вдоль строившейся Китайской Восточной железной дороги была выделена в особую зону – полосу отчуждения КВЖД, где русские осуществляли административные, судебные, охранительные функции [Подробнее см.: Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги].

Для охраны российских объектов и имущества железной дороги, а также для упрочнения российского присутствия на северо-востоке Китая была создана Охранная стража КВЖД, преобразованная после восстания ихэтуней (1901 г.) в части специального Заамурского округа Отдельного Корпуса пограничной стражи со штабом в городе Харбине. В ходе последней реорганизации в 1910 г. войска Заамурского округа составили шесть пехотных и шесть конных полков, железнодорожную бригаду четырех-полкового состава, четыре конно-горные батареи и саперную роту. Военские части были распределены на три отряда с центрами на ст. Бухэду, в Харбине и на ст. Ханьдаохэцзы. Все подразделения округа располагали хорошо оборудованными казармами, стены которых были способны выдержать огонь стрелкового оружия, зданиями Офицерских собраний, складами с большими материальными запасами. Как отмечал в своих воспоминаниях генерал А.И. Деникин, в 1904 г. в бытность свою капитаном служивший начальником штаба 3-й бригады Заамурского округа, «необычные условия жизни в диком краю, в особенности в первое время прокладки железнодорожного пути, выработали своеобразный тип “стражника” – смелого, бесшабашного, хорошо знакомого с краем, часто загуливавшего, но всегда готового атаковать противника, не считаясь с его численностью». Кадры и традиции остались прежними и после преобразования Охранной стражи КВЖД в Заамурский округ пограничной стражи [Деникин], лишь заметно укрепились дисциплина.

В 1915 г. в ходе Первой мировой войны воинские части Заамурского округа были направлены на фронт. В полосе отчуждения остались только одна кадровая сотня и железнодорожная бригада. Место ушедших на фронт подразделений округа заняли ополченческие дружины, гораздо хуже обученные и дисциплинированные. В дальнейшем личный состав этих дружин создал немало проблем администрации КВЖД.

Февральская революция 1917 г. была встречена в полосе отчуждения позитивно. Дело в том, что по своим социально-культурным характеристикам полоса отчуждения являла собой т. н. зону фронта – зону освоения, порубежья с особым режимом социальных отношений [Замятина, 1998; Молодяков, 2006]. За предшествующий период здесь оказалось немало людей предприимчивых, авантюристичных, сочетавших в своем арсенале борьбы за благосостояние как законные, так и не вполне законные методы. Эти люди были настроены весьма демократично и возлагали большие надежды на ослабление прежних порядков. Впрочем, первоначально революция не принесла коренных перемен полосе отчуждения. Практически вся старая администрация во главе с генерал-лейтенантом Л.Д. Хорватом³⁷ (председатель Правле-

---

³⁷ Хорват Дмитрий Леонидович, 1858 г. р. Окончил Николаевское инженерное училище (1878), офицер л. – гв. Саперного батальона. Чиновник для особых поручений при заведующем постройкой Закаспийской железной дороги (1885–1887),

ния КВЖД), получившим теперь полномочия комиссара Временного правительства в полосе отчуждения, сохранила свои позиции. Но уже летом 1917 г. ситуация существенно изменилась. Началось противостояние между администрацией Хорвата и левыми организациями, чьи позиции были наиболее сильны в совете солдатских депутатов, возглавляемом членом РСДРП(б) прапорщиком М.Н. Рютиным. Совет располагал существенной вооруженной опорой в лице расквартированных в Харбине бойцов 559-й и 618-й ополченческих дружин.

В начале декабря 1917 г. большевистский революционный комитет полосы отчуждения потребовал от Хорвата сложить свои полномочия. Однако, будучи человеком большой личной смелости, как это отмечали и друзья и враги генерала, Хорват отказался принять требования [Подробнее см: Мелихов, 1997; Нилус, 2009]. Положение старой администрации спасло лишь вмешательство китайцев.

Китайские власти Маньчжурии умело воспользовались сложившейся ситуацией для постепенного восстановления своего суверенитета в полосе отчуждения. Используя в качестве повода стремление не допустить захвата власти большевиками, китайцы с согласия администрации КВЖД ввели в полосу отчуждения свои войска. С помощью китайских войск в середине декабря 1917 г. бойцы 559-й и 618-й ополченческих дружин были разоружены и начали выводиться в пределы российского Забайкалья. При этом не обошлось без вооруженного столкновения. Личный состав 618-й дружины, помещавшийся в казармах на Офицерской улице, оказал сопротивление китайским частям. В ходе перестрелки погиб командир дружины подполковник Давыдов, застреленный китайским офицером Цао Чжичаном. Вместе с харбинскими ополченческими дружинами разоружению и выдворению из Маньчжурии подлежали и охранные подразделения, располагавшиеся на линии, а также части Заамурской железнодорожной бригады, требовавшие восстановления совета солдатских и рабочих депутатов и вывода китайских войск [Нилус, 2009, с. 27].

Вместо выводимых за пределы полосы отчуждения ополченческих дружин генерал Хорват, заручившись поддержкой со стороны китайских властей, объявил в январе 1918 г. о формировании специальной Охранной стражи для обеспечения безопасности путей и имущества КВЖД, аналогичной той, которая существовала в полосе отчуждения до 1901 г. Набор в подразделения стражи должно было осуществлять вербовочное бюро при штабе еще существовавшего под руководством генерал-лейтенанта М.К. Самойлова Заамурского округа³⁸. В осуществлении набора в Охранную стражу ставка делалась на бывших военнослужащих, особенно офицеров, количество которых в полосе отчуждения к этому времени было весьма значительным³⁹.

Разложение фронта, приход к власти большевиков и развернувшиеся репрессии против офицерства привели к бегству части офицеров на восточную окраину России и в относительно спокойную «Хорватию», как называли полосу отчуждения КВЖД. В Китае в это время сохранялись старые российские дипломатические, административные, хозяйственные учреждения, при российских дипломатических представительствах продолжали работать военные атташе и агенты. Прежде всего на Дальний Восток старались пробраться те офицеры, которые служили здесь еще до войны или имели в полосе отчуждения своих родственников, что в немалой степени относилось к бывшим чинам Заамурского округа пограничной стражи. Тот же генерал Самойлов, служивший в Заамурском округе в 1913–1915 гг., на фронте долгое время коман-

---

сотрудник Закаспийской железной дороги (1887–1895), начальник Восточного участка Южно-Уссурийской железной дороги (1895–1899), управляющий Среднеазиатской железной дорогой (1899–1902), управляющий КВЖД (1902–1918). Генерал-лейтенант (1912).

³⁸ Заамурских округ был окончательно ликвидирован в мае 1918 г.

³⁹ Точное количество офицеров, находившихся в начале 1918 г. в полосе отчуждения КВЖД, определить крайне сложно, поскольку отсутствовала надежная система контроля за прибывающими сюда военными. В документах штаба Охранных войск, хранящихся в ГАРФе, обнаружить подобные сведения не удалось.

довавший 1-й пограничной Заамурской пехотной дивизией, возвратился в Харбин в конце 1917 г. В это же время в Маньчжурию прибыли генерал-майор П.К. Межак, в прошлом командир 2-го Заамурского пехотного полка (1910–1914), на фронте – командир 1-й бригады 1-й Заамурской пехотной дивизии, и генерал-майор Д.Е. Чевакинский, бывший командир 1-го Заамурского конного полка [Купцов, 2011, с. 342, 599]. Несколько тысяч солдат и офицеров прибыли в Забайкалье и на Дальний Восток в составе возвращавшихся с фронта на старые места дислокации воинских частей. Так, в марте 1918 г. в Приморье через полосу отчуждения проследовала Уссурийская казачья дивизия, возглавляемая генерал-майором Б.Р. Хрещатицким. Практически весь штаб дивизии вместе с Хрещатицким остался в Харбине.

В военной среде полосы отчуждения царили неопределенность и растерянность у одних, разложение дисциплины и бесшабашный разгул у других. Прибывший в феврале 1918 г. в полосу отчуждения генерал-лейтенант А.П. Будберг на протяжении последующего года будет фиксировать в своем дневнике важнейшие события, происходившие здесь и на российском Дальнем Востоке, и свое отношение к ним. Взгляд генерала, приверженца строгой дисциплины и законности, весьма негативно отнесшегося к зарождавшемуся Белому движению, несомненно, субъективен, но тем не менее заслуживает внимания⁴⁰.

Будберг называл Харбин не иначе, как «помойницей, в которой гноятся и безвозвратно погибают последние остатки русской молодежи», и отмечал крайне нездоровое состояние обосновавшегося здесь офицерства: «город набит темными авантюристами и очень разболтанными офицерами. Все жаждут хороших штатов и назначений, достойных тех, кто первыми подняли знамя борьбы с большевиками; психология у большинства та же комиссарская, только под другим соусом» [Будберг, 1924, т. 12, с. 278]; «...на улицах шатаются и носятся на извозчиках совсем разболтавшиеся офицеры (очень много в нетрезвом виде); по вечерам это явление усиливается; настроение у этих господ очень воинственное, с готовностью обнажать оружие и стрелять по первому подвернувшемуся под руку поводу...» [Там же, с. 281]. Есть в его дневнике и записи о пьяных драках между офицерами, стрельбе в ресторанах с жертвами и т. п.⁴¹ В дальнейшем часть этих «разболтанных» офицеров оказалась на службе в Охранной страже КВЖД и в различных антибольшевистских отрядах.

Первым подразделением вновь формирующейся Охранной стражи стала 1-я Особая рота, созданная полковником Н.В. Орловым⁴², который в конце 1917 г. наряду с есаулом Г.М. Семеновым⁴³ первым поднял знамя антибольшевистской борьбы на востоке России. В конце января 1918 г. орловская 1-я Особая рота имела в своем составе 4 взвода и пулеметную команду, общей численностью в 138 человек. Личный состав роты был сформирован из офицеров (95 человек), юнкеров, добровольцев и кадет Хабаровского корпуса (14 человек). Временным командиром роты являлся капитан 10-го Сибирского стрелкового полка Янкевич [ГАРФ, ф.

⁴⁰ Кроме всего прочего, дневник генерала Будберга является одним из немногих синхронных источников, описывающих Харбин и полосу отчуждения КВЖД в 1918–1919 гг.

⁴¹ Одной из одиознейших фигур Харбина в описаниях Будберга предстает Георгиевский кавалер, Генерального штаба генерал-майор В.Н. Доманевский, в годы Первой мировой войны начальник штаба 1-го Кавказского кавалерийского корпуса (1916), Русского экспедиционного корпуса в Персии (1917), начальник Штаба Приамурского военного округа (1917), служивший в это время у генерала Хорвата.

⁴² Орлов Николай Васильевич, 1870 г. р. Окончил Одесскую духовную семинарию и Одесское пехотное военное училище (1891). С 1909 г. на службе в Заамурском округе Отдельного Корпуса пограничной стражи. Участник русско-японской и Первой мировой войн, командир 14-го Заамурского пехотного полка (1916–1917). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. В Маньчжурию вернулся осенью 1917 г.

⁴³ Семенов Григорий Михайлович, 1890 г. р., из забайкальских казаков. Окончил Оренбургское казачье училище (1911). Офицер 1-го Верхнеудинского казачьего полка. Имел отношение к перевороту во Внешней Монголии (декабрь 1911 г.) в ходе Синьхайской революции, в результате которого Монголия стала фактически независимой. Участник Первой мировой войны в составе 1-го Нерченского и 3-го Верхнеудинского казачьих полков. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия IV ст. С июля 1917 г. комиссар Временного правительства по формированию добровольческих частей из бурятского населения Забайкалья.

Р-6081, оп. 1, д. 127, л. 4 об – 6]. Вслед за 1-й Особой ротой стала формироваться вторая (командир – полковник Франк, бывший командир 78-го Сибирского стрелкового полка) [Там же, л. 8 об], конный дивизион (сотня) под командованием ротмистра В.В. Врштила (офицер 2-го пограничного Заамурского конного полка) и артиллерийская батарея также заамурца, капитана Н.В. Ломиковского (2-я Заамурская конно-горная артиллерийская батарея). Однако самовольное участие «орловских» частей в неудачном февральском наступлении есаула Семёнова вдоль линии Забайкальской железной дороги привело к исключению бойцов 1-й и 2-й Особых рот из состава Охранной стражи, а полковник Орлов, по приказу генерала Самойлова, был также исключен из списков офицеров Заамурского округа [Там же, л. 7, 22, 28].

Между тем, организация Охранной стражи продолжалась. Были учреждены пять территориальных отделов. Численность стражников предполагалось довести до 9–10 тыс. человек, но Правление КВЖД снизило количественный состав стражи до 4800 человек [Там же, д. 153, л. 6]. По состоянию на апрель 1918 г., 1-й отдел Охранной стражи (штаб – ст. Хайлар) возглавил участник антибольшевистского восстания юнкеров в Иркутске, Георгиевский кавалер генерал-майор В.И. Марковский⁴⁴, 2-й отдел (ст. Фуляэрди) – полковник Шварц, 3-й отдел (Харбин) – генерал-майор Д.Е. Чевакинский, 4-й отдел (ст. Имяньпо) – генерал-майор Л.Г. Подгорецкий, 5-й отдел (ст. Лаошаогоу) – бывший начальник Заамурской железнодорожной бригады, генерал-майор Г.К. Дориан [Там же, д. 16а, л.14; д. 127, л. 10 об]. Личный состав отделов формировался по ротам и сотням, имевшим единую нумерацию. Всего предписывалось организовать 25 рот и 6 сотен: 1-й отдел – 4 роты и 1 сотня, 2-й отдел – 4 роты и 1 сотня, 3-й отдел – 6 рот и 2 сотни, 4-й отдел – 8 рот и 1 сотня, 5-й отдел – 3 роты и 1 сотня [Там же, д. 127, л. 62]. Кроме того, развернулось создание артиллерийской части, возглавляемой полковником С.Н. Тверциным [Там же, л. 249 об].

В отличие от штабов, сформированных достаточно быстро, укомплектование рядовым составом подразделений Охранной стражи, особенно на линии, шло медленно. Нехватка русских охранников компенсировалась приемом на службу китайцев, которых насчитывалось в подразделениях до половины личного состава. Материальная база Охранной стражи оказалась сравнительно неплохой, поскольку в распоряжении командования находились склады (частично уже разворованные) Заамурского округа пограничной стражи. Помимо всех прочих подразделений в ведении штаба стражи находилась школа-приют.

В марте 1918 г. в связи с организацией в Харбине Штаба Российских войск на Дальнем Востоке под командованием генерала от кавалерии М.М. Плешкова⁴⁵ Охранная стража вошла в подчинение этому штабу, в каковом и оставалась до его расформирования в декабре 1918 г. После ухода воинских частей, ранее подчиненных Штабу Российских войск, в Приморье в конце 1918 г. Охранная стража осталась единственным русским вооруженным подразделением в полосе отчуждения.

В конце 1918 г. главный начальник Охранной стражи генерал Самойлов выдвинул инициативу увеличить численность стражи до 22 тыс. человек, сформировав в полосе отчуждения три пехотные бригады трех-полкового состава, кавалерию из четырех сотен и артиллерию в составе артиллерийской бригады (три дивизиона), конно-горного дивизиона и двух гаубичных батарей. Предполагалась набирать стражников не из вольнонаемных, а из военнообязанных,

⁴⁴ В июне 1918 г. генерал Марковский был назначен начальником штаба Охранной стражи, а в августе стал начальником штаба при управляющем военным ведомством генерале В.Е. Флуге в Деловом кабинете Хорвата. Позднее помощник военного министра правительства адмирала Колчака по организационно-инспекционной части и начальник Главного Штаба (январь – май 1919 г.), командующий войсками Красноярского военного района. Начальник штаба войск правительства Приморской областной Земской управы (1920). Эмигрировал в Китай, жил с семьей в Харбине. В середине 1920-х гг. выехал во Францию.

⁴⁵ Плешков Михаил Михайлович, 1856 г. р. Окончил Воронежский кадетский корпус (1874), Николаевское кавалерийское училище (1876) и Николаевскую военную академию (1884). Генерал от кавалерии (1913). Участник Первой мировой войны, командир 1-го Сибирского армейского корпуса. Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия IV ст. Летом 1917 г. выехал на Дальний Восток, жил в Никольск-Уссурийске.

тем самым увеличив численность личного состава и сократив оклады для рядовых и унтер-офицеров⁴⁶.

Возможно инициатива Самойлова имела определенную поддержку в Омске. Так, в начале января 1919 г. Будберг в своем дневнике со слов того же генерала Самойлова указал, что отделы Охранной стражи предполагается развернуть в дивизии [Будберг, 1924, т. 12, с. 276]. В апреле 1919 г. приказом генерала Хорвата, Верховного уполномоченного Омского правительства на Дальнем Востоке, чином Охранной стражи было присвоено окладное содержание чинов Российской Армии. В состав стражи было включено Управление коменданта Харбина, а также городская и линейная милиция [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 153, л. 19].

В июле 1919 г. Омское правительство объявило о восстановлении Заамурского округа пограничной стражи в составе двух дивизий. Для этого в Харбин был направлен Генерального штаба генерал-лейтенант С.Н. Люпов⁴⁷, служивший в 1906–1912 гг. в составе Отдельного корпуса пограничной стражи. Командующим Заамурского округа был назначен все тот же генерал Самойлов. Однако реализовать задачу создания в полосе отчуждения дивизий пограничной стражи не удалось. Катастрофически не хватало личного состава, все мобилизационные компании 1919 года оказались провальными. Единственно, осенью 1919 г. в составе Охранной стражи был создан железнодорожный отдел под руководством генерала Дориана. В его подчинение отошел формировавшийся на базе Отдельной Заамурской железнодорожной роты 1-й Заамурский железнодорожный батальон. Кроме того, был организован Отряд Особого назначения КВЖД [Там же, л. 60, 91].

Китайские власти отнеслись к воссозданию Заамурского округа резко негативно, требуя совместного управления охранными войсками в полосе отчуждения. В результате выросло число эксцессов на линии с участием китайских солдат. В своем докладе Хорвату от 20 сентября 1919 г. генерал Самойлов привел сводку наиболее характерных бесчинств и нарушений порядка китайскими военными служащими в полосе отчуждения – захваты русских казарм и офицерских квартир, стрельба, драки с японскими солдатами, связи с хунхузами [Там же, л. 32]. Все это повышало требования к русским охранным войскам.

По распоряжению генерала Хорвата, в ноябре 1919 г. Генерального штаба генерал-лейтенанту Н.Г. Володченко⁴⁸, являвшемуся в свое время генералом для поручений при Верховном уполномоченном на Дальнем Востоке, было поручено произвести инспекционный осмотр Охранной стражи. Осмотр показал крайне неудовлетворительное состояние подразделений стражи в Харбине. Были выявлены не вызванный ничем сверхкомплект штаба [это была общая проблема всех штабов белого Восточного фронта и его тыла – С.С.], большой недокомплект частей стражи, полная неподготовленность пулеметной команды; дурное состояние вооружения, обмундирования и вообще снабжения; отсутствие занятий со стражниками, плохое несение караульной службы; неудовлетворительное ведение денежной отчетности [Там же, л. 2].

---

⁴⁶ ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 153. Л. 7, 8об, 9об.

⁴⁷ Люпов Сергей Николаевич, 1870 г. р. Окончил Нижегородский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), Николаевскую военную академию (1899) и Офицерскую артиллерийскую школу (1908). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Начальник 104-й пехотной дивизии (1916–1917), командир 49-го армейского корпуса (1917). Генерал-лейтенант (1917). Кавалер Георгиевского оружия и ордена св. Георгия IV ст. В белых войсках Восточного фронта, начальник 3-й стрелковой дивизии, командир 2-го Уфимского армейского корпуса Народной армии Самарского Комуца. С января 1919 г. генерал для особых поручений при Верховном Главнокомандующем.

⁴⁸ Володченко Николай Герасимович, 1862 г. р. Окончил 3-ю С.-Петербургскую военную гимназию (1881), Михайловское артиллерийское училище (1884) и Николаевскую военную академию (1892). Начальник штаба Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи (1905–1914). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир сводного корпуса 3-й армии (1915), 46-го армейского корпуса. Генерал-лейтенант (1915). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. С сентября 1917 г. главнокомандующий Юго-Западным фронтом, член фронтового Комитета спасения Родины и революции. Передал Украинской Раде контроль над тыловыми районами фронта. В декабре покинул Ставку и выехал в Одессу. На Дальний Восток перебрался в 1919 г., состоял в резерве чинов при штабе Верховного Главнокомандующего.

Более того, были обнаружены случаи хищения имущества с артиллерийского склада и неподчинения стражников своему начальству [Там же, л. 1].

Ситуация требовала срочного вмешательства командования Заамурского округа, однако развал Восточного фронта, падение Омского правительства и начавшаяся эвакуация гражданских и военных учреждений из Сибири в полосу отчуждения выдвинули на первый план другие проблемы. В марте 1920 г. китайский Главнначальствующий в полосе отчуждения генерал Бао Гуйцин вынудил администрацию Хорвата уйти в отставку. Было объявлено о ликвидации Охранной стражи КВЖД и передаче ее функций особому Бюро железнодорожной полиции, созданному распоряжением Пекинского Министерства внутренних дел. Официальной датой расформирования Охранной стражи стало 15 июля 1920 г.

Вместо Охранной стражи в бывшей полосе отчуждения КВЖД была создана железнодорожная полиция в составе внешней и внутренней охраны. Первая обеспечивала общественный порядок, а вторая охраняла имущество железной дороги. Начальником Железнодорожного полицейского управления был назначен начальник Харбинской городской полиции Чжан Цзэнцзюй (позднее этот пост занимали генералы Лю Дэцюань и Вэнь Инсин), а его помощником и начальником внутренней охраны – генерал Володченко. В 1921 г. главным инспектором железнодорожной полиции стал генерал-майор А.К. Митрофанов, заамурец, возглавлявший в 1917–1920 гг. в полосе отчуждения военную милицию⁴⁹. В железнодорожной полиции, особенно во внутренней охране, служили в основном русские охранники, часть из которых до этого входила в состав Охранной стражи КВЖД. Численность железнодорожной полиции была определена в 1920 г. в 3375 человек [Там же, л. 4, 5]. Внутренняя охрана КВЖД действовала до начала 1925 г.

Наряду с сохранением административного управления в полосе отчуждения КВЖД в руках противников большевиков, что делало эту территорию островком относительного спокойствия в хаосе расширяющегося в России революционного насилия, другим важным фактором концентрации бывших военнослужащих Российской армии на территории Маньчжурии стало образование здесь одного из наиболее ранних и устойчивых центров антибольшевистского сопротивления, превратившего полосу отчуждения КВЖД в базу Белого движения.

Первыми организаторами антибольшевистского движения в полосе отчуждения стали полковник Орлов, есаул Семенов и подъесаул И.П. Калмыков. Их отряды, Особый Маньчжурский отряд (ОМО) Семенова на ст. Маньчжурия, отряд Орлова в Харбине и Особый Уссурийский казачий отряд (ОКО) Калмыкова на ст. Пограничная, начали формироваться в полосе отчуждения в конце 1917 – начале 1918 гг. Администрация Хорвата, а также российское консульство в Харбине, возглавляемое Г.К. Поповым, первоначально в тайне оказывали этим формированиям поддержку, рассматривая их в качестве инструмента в борьбе против большевизации полосы отчуждения. Однако, как оказалось в дальнейшем, контролировать эти разросшиеся и не желавшие никому подчиняться отряды (это относится, прежде всего, к формированиям объявивших себя атаманами Семенова и Калмыкова) было практически невозможно.

Основой семеновского Особого Маньчжурского отряда стал добровольческий Монголо-Бурятский конный полк, комплектовавшийся в Забайкалье осенью 1917 г. под командованием есаула Семенова. После неудачной попытки захватить Верхнеудинск в конце ноября 1917 г. остатки полка перебрались на ст. Маньчжурия. Как отмечал сам Семенов, первоначально в его распоряжении на ст. Маньчжурия оказалось 35 казаков, 40 харачин и 90 офицеров, но в дальнейшем численность отряда заметно выросла. В январе 1918 г. было объявлено

---

⁴⁹ После увольнения в отставку с должности главного инспектора железнодорожной милиции в 1925 г. генерал Митрофанов выехал в Канаду.

о создании Особого Маньчжурского отряда. Командный состав ОМО формировался из офицеров 1-й Забайкальской казачьей и Уссурийской конной дивизий [Романов, 2013, с. 48, 49], часть из которых, имея более высокие воинские чины, тем не менее признали есаула Семенова командиром отряда. В число комсостава ОМО входили генерал-майор Д.Ф. Семенов, троюродный брат атамана⁵⁰, полковники Г.Е. Мацневский⁵¹, И.Ф. Шильников⁵², Л.В. Вериго⁵³, есаулы барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг, А.К. Токмаков, подъесаул барон А.И. Тирбах, сотники Н.И. Савельев⁵⁴ и В.Л. Сергеев, а также офицер 23-го Сибирского стрелкового полка, подполковник М.М. Лихачев [Сергеев Вс., 1937, с. 36].

«Семеновцы» (особенно в их офицерском составе), также как представители других ранних антибольшевистских формирований, имели ряд характерных черт. Многие из них были людьми удивительной храбрости, кавалерами высоких боевых наград вплоть до ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия, воспитанными и жившими войной, при этом нередко не лучшими представителями русского офицерства⁵⁵. Но главное, большинство из них объединяло крайнее неприятие власти большевиков, не вполне четко очерченного для них, но эмо-

---

⁵⁰ Семенов Дмитрий Фролович, 1871 г. р., из забайкальских казаков. Окончил Иркутское пехотное юнкерское училище (1893) и Офицерскую кавалерийскую школу. Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир 1-го Верхнеудинского казачьего полка (1915–1916), начальник 3-й Забайкальской казачьей отдельной бригады и Урмийского отряда в составе 7-го отдельного армейского корпуса (1916–1918). Кавалер Золотого оружия с надписью «За храбрость» (1904). Вернулся в Забайкалье в феврале 1918 г. в составе бригады, вошел в состав ОМО в апреле 1918 г., помощник командира отряда.

⁵¹ Мацневский Георгий Евгеньевич, 1880 г. р., из забайкальских казаков. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1898) и Николаевское кавалерийское училище (1902). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир стрелкового дивизиона 1-го Верхнеудинского казачьего полка (1914–1916). Ранен и дважды контужен. В отряде Г.М. Семенова с декабря 1917 г.

⁵² Шильников Иван Федорович, 1877 г. р., из забайкальских казаков. Окончил Читинское городское училище (1895), Иркутское пехотное юнкерское училище (1897) и Офицерскую стрелковую школу (1913). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир 1-го Читинского казачьего полка (1916–1917), начальник 2-й бригады 1-й Забайкальской казачьей дивизии (1917). Генерал-майор (1917). Последовательный сторонник сохранения казачества, участник Общеказачьего съезда в Петрограде и 2-го областного казачьего съезда в Чите (1917). Прибыл в составе 1-й Забайкальской дивизии в Забайкалье. Скрывался от красных в окрестностях Читы. На ст. Маньчжурия оказался в марте 1918 г.

⁵³ Вериго Леонид Витальевич, 1879 г. р., приписной казак Амурского казачьего войска. Окончил гимназию в Москве (1897) и Казанское военное училище (1900). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Начальник конвоя при Российском генеральном консульстве в Гирине (1911–1914). Командир Уссурийского казачьего полка (1917–1918). Прибыл на ст. Маньчжурия в составе полка в январе 1918 г., вступил в ОМО, начальник штаба отряда.

⁵⁴ Савельев Николай Иванович, 1892 г. р., приписной казак Уссурийского казачьего войска. Учился в Хабаровском кадетском корпусе, исключен. Окончил Оренбургское казачье училище (1916). Участник Первой мировой войны, сотник. Георгиевский кавалер.

⁵⁵ Например, известно, что будущие «семеновские генералы» сотник Савельев и подъесаул Тирбах были в свое время исключены из Хабаровского кадетского корпуса, один – за ограбление китайской лавки, другой – за пьянство [Обзор деятельности атамана Семенова (1917–1920), составленный генералом Вериго // Марковчин, 2003]. Яркую характеристику барону Унгерну дал в своих «Записках» генерал П.Н. Врангель, командовавший в свое время 1-м Нерчинским казачьим полком, где служил Унгерн. Врангель отмечает выдающиеся боевые способности, беззаветную храбрость, энергичность, железное здоровье барона, но в то же время любовь к спиртному и буйство в состоянии опьянения. Кроме того, по словам Врангеля, это человек, который «живет войной. Это не офицер в общепринятом значении этого слова, ибо он не только не знает самых элементарных уставов и основных правил службы, но сплошь и рядом грешит против внешней дисциплины и против воинского воспитания, – это тип партизана-любителя, охотника-слепопыта из романов Майн-Рида» [Барон Унгерн, 2004, с. 265, 266]. О самом есауле Семенове, полковом адъютанте 1-го Нерчинского казачьего полка в 1915 г., Врангель писал следующее: «Бойкий, толковый, с характерной казацкой сметкой, отличный строевик, храбрый, особенно в глазах начальства, он умел быть весьма популярным среди казаков и офицеров. Отрицательными свойствами его были значительная склонность к интриге и неразборчивость в средствах для достижения цели. Неглупому и ловкому Семенову не хватало ни образования (он окончил с трудом военное училище), ни широкого кругозора и я никогда не мог понять, каким образом мог он выдвинуться впоследствии на первый план гражданской войны» [Врангель, кн. 1]. Еще один «семеновец» войсковой старшина Е.Д. Жуковский, будучи офицером 7-го гусарского Белорусского полка, за пьянство, денежные долги и скандалы под давлением общества офицеров покинул полк и в дальнейшем служил в Амурском казачьем полку в Благовещенске. В 1915 г., уже являясь кавалером Георгиевского оружия, Жуковский в пьяном виде выстрелил в командира Уссурийского казачьего полка полковника А.А. Губина, после чего был разжалован из сотников рядовые [Купцов, 2011, с. 188].

ционально окрашенного олицетворения зла, главную причину развала армии и превращения офицерства в маргиналов, зависимых от произвола новых властей.

Обосновавшись на ст. Маньчжурия, «семеновцы», несмотря на свою малочисленность, приступили к разоружению и вытеснению в Забайкалье, находившихся на западной ветке КВЖД ополченческих дружин и железнодорожных частей [Семенов, 2007]. По приказу Семенова в январе 1918 г. есаул Унгерн был назначен комендантом Хайлара. Новоиспеченный комендант встретил бойкот со стороны находившихся там русских офицеров и местных частей, поддержал Унгерна только штабс-ротмистр Межак, перешедший со своей сотней на сторону «семеновцев». Столкнувшись с неподчинением, Унгерн во главе с несколькими бойцами разоружил Хайларский гарнизон и даже попытался распространить свое влияние на соседнюю станцию Бухэду, но был здесь арестован прибывшими китайскими войсками. Теперь атаману Семенову пришлось договариваться с китайцами [Барон Унгерн, 2004, с. 291]. В результате достигнутой договоренности атаман сохранил контроль над ст. Маньчжурия и сильное влияние в Хайларе.

Формирование Особого Уссурийского отряда началось на ст. Пограничная в марте 1918 г. после того, как 5-й Войсковой круг Уссурийского казачьего войска отказался признать подьесаула Калмыкова войсковым атаманом и тот, опасаясь ареста, был вынужден бежать на территорию Маньчжурии. На ст. Пограничная Калмыков объявил о мобилизации уссурийских казаков для борьбы с советской властью и создании своего отряда. В формировании ОКО вместе с Калмыковым приняли участие хорунжие П.Н. Былков и А.П. Эпов [Савченко]. В июне 1918 г. к Калмыкову присоединился бывший командир взвода 1-й роты полковника Орлова поручик А.А. Осьминкин⁵⁶, возглавивший 1-ю пластунскую сотню ОКО [Буяков, 2015, с. 432]. С мая 1918 г. отряд Калмыкова начал набеги на советскую территорию, в связи с чем советские власти вынуждены были развернуть против калмыковцев т. н. Гродековский фронт.

Отряды Семенова и Калмыкова с самого начала своего создания оказались в сфере внимания представителей союзного (Антантовского) командования на Дальнем Востоке, особенно японцев. Японцы проявили интерес к есаулу Семенову еще в начале 1918 г. По заданию японского Генштаба изучить личность Семенова и его возможности в борьбе с большевиками было поручено подполковнику Куросава Хитоси, начальнику харбинской резидентуры. В ходе встреч Куросавы и забайкальского есаула выяснилось, что Семенов питает надежды на помощь со стороны японцев. Кандидатуру Семенова, в качестве антибольшевистского деятеля, которому стоило бы оказать помощь, поддержали генерал-майор Накадзима Масатакэ, сменивший Куросаву на посту главы харбинской резидентуры, и Нисихара Камэдзо, один из самых влиятельных японских предпринимателей на Дальнем Востоке, тесно связанный с разведкой. К концу февраля 1918 г. правительство Японии приняло решение об оказании помощи Семенову. Вскоре в семеновский штаб прибыли девять японских офицеров, занявших посты советников и инструкторов. Подполковник Куросава лично курировал Семенова в Харбине. Резидент японской разведки Андзэ Дзюньити занимался рекрутированием японцев в ОМО. К апрелю 1918 г. в отряде насчитывалось 346 японских военнослужащих запаса от офицеров до рядовых [Полутов, 2012, с. 75, 76].

Внимание японской разведки к Калмыкову было проявлено благодаря рекомендации японского агента Алексина. В феврале 1918 г. генерал Накадзима пообещал помощь Калмыкову и командировал из Владивостока в Иман капитана Ёко Нориёси, который безуспешно пытался оказать влияние на Войсковой круг Уссурийского казачьего войска в деле избрания

---

⁵⁶ Осьминкин Андрей Александрович, 1890 г. р. Окончил реальное училище и Иркутскую школу прапорщиков (1916). Участник Первой мировой войны в составе 437-го пехотного Сестрорецкого и 32-го Сибирского стрелкового полков, поручик. В ноябре 1918 г. прикомандирован к Учебно-инструкторской школе на о-ве Русский. Командир роты и начальник учебной команды Отдельного батальона Морских стрелков, командир взвода Отдельной морской комендантской роты при командующем Приамурским военным округом (1919). Подполковник. С начала 1920 г. на службе в Охранной страже КВЖД.

Калмыкова войсковым атаманом. В дальнейшем капитан Ёко осуществлял связь с Калмыковым посредством разведывательного пункта Корейской гарнизонной армии на ст. Пограничная [Зорихин, 2015, с. 9]. Нужно отметить, что японские разведывательные органы, в частности Японская военная миссия (ЯВМ), прилагали большие усилия по созданию разведсети из русских сотрудников, вербуя их из числа офицеров и гражданских лиц. В 1921 г. ежемесячные выплаты японским агентам составили более 2 тыс. иен, разовое вознаграждение русским поданным колебалось от 30 до 150 иен. По неполным данным, к 1922 г. численность японских агентов в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке из числа русских, китайцев, японцев и корейцев составляла около 4 тыс. человек [Полутов, 2012, с. 79].

Всем добровольческим антибольшевистским формированиям были присущи некоторые черты, роднившие их с «запорожской вольницей», – отсутствие строгой воинской субординации, не очень высокая дисциплина, не вполне законные реквизиции. Но ведь и само понятие законности было поставлено революцией под сомнение. Несмотря на схожесть черт, каждый из этих отрядов имел свои особенности, свой уровень «вольницы»⁵⁷, что зачастую игнорировалось в оценках некоторых представителей Белого лагеря, не говоря уже о советской пропаганде, усиленно демонизировавшей зарождавшееся антибольшевистское сопротивление. Тот же генерал Будберг, крайне негативно относившийся к «отрядам спасителей родины под фирмами Семенова и Орлова», называл их самыми анархическими организациями, «так как для них не существует никаких законов и слушаются они только тех, кто дает им деньги, и до тех пор, пока дает...», а их командиров – «своего рода винегретом из Стенок Разиных двадцатого столетия под белым соусом», «послереволюционными прыщами Дальнего Востока» [Будберг, 1924, т. 13, с. 197].

И здесь не только личное отношение генерала. В данном случае мы видим обнаружившееся уже в начале Гражданской войны напряжение и даже конфликт между теми военными (преимущественно офицерами), кто по разным причинам встали на путь безоговорочной борьбы с большевиками [Гребенкин, 2015, гл. 13], и теми, кто, не питая к большевикам теплых чувств, тем не менее, были негативно настроены в отношении т. н. «белого большевизма», предпочитали ни во что не вмешиваться и ждать. Как показывают современные отечественные исследования, представителей второй группы было большинство. В конце 1917 – начале 1918 гг. менее 3 % из состава 250-тысячного корпуса офицеров Российской армии приняли участие в противостоянии советской власти [Там же, с. 436].

В феврале 1918 г. в Харбине образовалась политическая организация, громогласно назвавшая себя «Дальневосточным комитетом Защиты Родины и Учредительного собрания». Возглавлял Комитет бывший председатель Исполнительного Комитета полосы отчуждения 1917 года, присяжный поверенный В.И. Александров. Комитет, обещая поддержку и финансирование, сделал попытку объединить антибольшевистские формирования в полосе отчуждения и начать наступление на территорию российского Забайкалья. Возможно члены Комитета не знали, что Хорват «подкармливает» и опекает отряды, возможно хотели перехватить инициативу в руководстве антибольшевистским движением⁵⁸.

---

⁵⁷ Известен единственный случай проявления неправомерных действий со стороны представителей отряда полковника Орлова. Случай убийства бывшими кадетами Хабаровского корпуса, членами отряда Орлова, корпусного преподавателя Уманского в мае 1918 г. Причиной этого убийства стала передача Уманским советским властям информации о кадетях, ушедших к белым в Маньчжурию, в связи с чем, их семьи подверглись репрессиям. Требование привлечь Уманского к судебному разбирательству по этому делу остались без внимания со стороны администрации полосы отчуждения. В отличие от орловцев, деятельность Калмыкова и его соратников стала поводом для следствия, назначенного Временным правительством автономной Сибири. По его результатам в сентябре 1918 г. был подготовлен внушительный «Доклад о беззакониях и насилиях, учиненных Особым Казачьим отрядом атамана Калмыкова».

⁵⁸ Согласно версии самого Хорвата, в начале 1918 г., в то время как он находился в Пекине, в Харбине состоялось совещание политических организаций, выступивших за то, чтобы Хорват, как последний действующий комиссар Временного правительства, взял на себя задачу возглавления борьбы против большевиков до созыва Учредительного собрания. С чем и обратились к генералу. Дальневосточный комитет защиты Родины также поддержал эту инициативу [Луговая, 2012, с. 249]. Таким

Побуждаемый к действиям Дальневосточным комитетом и союзниками отряд есаула Семенова в феврале 1918 г. перешел границу и двинулся по линии Забайкальской железной дороги. Чтобы обезопасить тылы наступающих полковник Орлов силами 1-й Особой роты предпринял разоружение оставшихся на западной ветке подразделений железнодорожной бригады. В дальнейшем 1-я рота совместно с семеновцами приняла участие в боях у ст. Шарасун и понесла первые потери.

Наступление белых оказалось неудачным, пришлось вновь возвратиться на китайскую территорию. Хорват был раздражен «самоволием» Семенова и потерей им значительной части вооружения. Кроме того, разгорелся конфликт между Семеновым и Орловым. Семенов, поддержанный представителями союзников, стремился к единоличному командованию всеми антибольшевистскими отрядами и пытался прибрать к рукам Орловские части, с чем Орлов был категорически не согласен. Произошла размолвка и орловцы возвратились в Харбин. Участие орловцев в боевых действиях в Забайкалье стоило полковнику Орлову и его подчиненным увольнения из рядов Охранной стражи, после чего отряд Орлова стал самостоятельной боевой частью.

В период первого выступления отряда Семенова Комитет защиты Родины и Учредительного собрания объявил об обязательной регистрации всех офицеров, находившихся в полосе отчуждения, и их дальнейшей мобилизации. Данная инициатива вызвала горячее обсуждение на собрании офицеров Харбинского гарнизона, организованном представителями штаба Заамурского округа. При этом офицеры отряда Орлова, активно поддерживавшие идею мобилизации, были подвергнуты критике. Особо резко выступил Генерального штаба подполковник К.К. Акинтьевский⁵⁹, старший адъютант отчетного отдела штаба округа, назвавший офицеров-добровольцев «распродажей торгового дома И.Я. Чурина и К^о». Дело едва не кончилось потасовкой. В итоге приняли весьма обтекаемое постановление: когда генерал Хорват встанет во главе всего движения, офицеры Заамурского округа автоматически вольются в его ряды [Петров].

Мобилизация фактически провалилась и Хорват никоим образом здесь себя не проявил. Впрочем, обладая хорошим дипломатическим чутьем и гибкостью, за что получил от генерала Будберга наименование «двуликого Януса» [Будберг, 1924, т. 12, с. 279], Хорват, несмотря на личное бесстрашие, на роль диктатора не подходил. Даже о возглавлении Белого движения на Дальнем Востоке он так и не объявил. К тому же ему приходилось сдерживать устремления китайцев к возрождению их полного суверенитета в Северной Маньчжурии, не обладая для этого сколько-нибудь значительными вооруженными силами.

Неясная позиция Хорвата в отношении возглавления Белого движения на Дальнем Востоке привела к складыванию новых антибольшевистских отрядов в полосе отчуждения под эгидой Дальневосточного комитета Защиты Родины и Учредительного собрания, создавшего собственный штаб во главе с Генерального штаба подполковником И.Н. Никитиным⁶⁰. Один из таких отрядов был создан на ст. Мулин под командованием штабс-капитана С.Н. Меди и капитана А.Н. Малачиханова. Первоначально этот отряд должен был стать четвертой ротой в

образом, никакого конфликта и не было.

⁵⁹ Акинтьевский Константин Константинович, 1884 г. р. Окончил Орловский кадетский корпус (1902), Константиновское артиллерийское училище (1905) и Николаевскую военную академию (1913). Служил в гвардейских частях. Участник Первой мировой войны, штаб-офицер для поручений, врид начальника штаба 1-го гвардейского корпуса, начальник штаба Особого отряда Юго-Западного фронта (1916–1917). Подполковник (1916). В ноябре 1917 г. командирован в Хабаровск для назначения начальником штаба Приамурского военного округа, отказался вступить в должность. Выехал в Харбин, где поступил на службу в штаб Заамурского округа.

⁶⁰ Никитин Иван Никитич, 1878 г. р. Окончил 1-й кадетский корпус (1898), Московское военное училище (1900), Офицерскую стрелковую школу (1908) и Николаевскую военную академию (1908–1914). Участник Первой мировой войны, штаб-офицер для поручения при штабе 1-го Сибирского армейского корпуса. Кавалер Георгиевского оружия. В декабре 1917 г. принимал участие в свержении власти большевиков в Иркутске.

составе отряда полковника Орлова, но Меди предпочел самостоятельность, что вызвало трения с Орловым, а в дальнейшем перешел под начальство атамана Семенова.

Только в марте 1918 г. Хорват объявил об учреждении в Харбине штаба Российских войск для командования всеми имевшимися отрядами. После чего военный штаб Дальневосточного Комитета Защиты Родины был расформирован⁶¹. Для руководства «всеми воинскими частями, отрядами, штабами, управлениями, учреждениями и заведениями как находящимися ныне, так и вновь формируемыми в полосе отчуждения КВЖД» был приглашен из Никольск-Уссурийска генерал М.М. Плешков [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 16а, л. 4].

Будберг по поводу назначения Плешкова, которого считал «некчемушной пустопорожностью», разразился следующим высказыванием: «Для возглавления всех отрядов сюда выписали Плешкова, но ничего путного от этого не получится; была одна дряблая безхарактерность [намекает на Хорвата – С.С.], а теперь стало их две, схожих еще и в том, что у обоих экстерьер великолепный и внушительный, и что оба в обхождении милы, обворожительны» [Будберг, 1924, т. 13, с. 198]. Впрочем, он был недалек от истины. Более поздние характеристики, данные генералу Плешкову, например, генералом А.С. Лукомским, подтвердят многое из сказанного о нем Будбергом.

При Плешкове стал формироваться штаб Российских войск, соответствовавший штабу корпуса. В его состав вошел целый ряд офицеров бывшего штаба Уссурийской конной дивизии. Генерал Хрещатицкий получил должность начальника штаба, заметное положение заняли служившие до этого в составе Охранной стражи КВЖД полковники А.Е. Маковкин⁶², И.М. Токмаков, А.А. Иконников, М.М. Плешков (сын генерала), а также подполковник Акинтиевский из штаба Заамурского округа. Начальником артиллерии был назначен полковник Н.И. Яковенко-Маринич, начальником Артиллерийского склада – полковник А.В. Эглау⁶³, начальником военных сообщений – полковник Н.С. Всеволожский. Созданный позднее, в июне 1918 г., отдел речных операций штаба возглавил старший лейтенант В.В. Безуар⁶⁴.

Наряду с главным штабом шла работа по организации штабов подчиненных подразделений, не имевших своих войск, о чем не преминул упомянуть вездесущий генерал Будберг: «в штабах этих войск больше народу, чем во всех строевых их частях; есть полки по 50 солдат, а в батареях по два номера на орудие, зато штабные должности переполнены и всюду еще толпы прикомандированных; все начальство обзавелось стадами личных адъютантов; по городу носятся автомобили с супругами, содержанками и ординарцами высокого начальства и разных кандидатов в атаманы» [Там же, с. 205]. Когда уже позднее, в августе 1918 г., Будберг

⁶¹ В апреле 1918 г. подполковник Никитин был арестован орловцами вместе с Генерального штаба полковником А.В. Сулавко (имел отношение к штабу отряда полковника Орлова и обвинялся в передаче организации Сибоблдумы двух орудий и какого-то количества винтовок). Позднее Никитин и Сулавко находились в Сахалине, где Никитин участвовал в формировании Амурского белопоповстанческого отряда (командир – атаман И.М. Гамов, начальник штаба – Никитин). В сентябре 1918 г. отряд принял участие в освобождении Благовещенска от большевиков вместе с частями чехословацкого корпуса. После освобождения Благовещенска подполковник Никитин был назначен Временным Амурским правительством главнокомандующим войсками Амурской области. На этой должности Никитин оставался до начала ноября, потом был заменен полковником С.А. Мунгаловым, которого, в свою очередь, сменил полковник И.Я. Шемелин, ставленник атамана Семенова.

⁶² Маковкин Александр Евплович, 1876 г. р. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1894) и Николаевское кавалерийское училище (1896). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Полковник (1916). Командир 1-го Нерчинского казачьего полка (1917), командир бригады. Кавалер Георгиевского оружия. Генерал-майор (1919).

⁶³ Эглау (фон) Александр Викторович, 1877 г. р. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1895) и Александровское военное училище (1897). С 1904 г. на службе в Заамурской округе Отдельного Корпуса пограничной стражи, командир 4-й Заамурской конной горной батареи. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Кавалер Георгиевского оружия. Полковник.

⁶⁴ Безуар Василий Викторович, 1887 г. р. Окончил Морской корпус (1906) и Минный офицерский класс (1910). Участник Первой мировой войны, старший минный офицер крейсера «Память Меркурия» (1913–1917), начальник дивизиона сетевых заградителей Черноморского флота (1917). Старший лейтенант (1916). В составе миссии адмирала Колчака находился в США, в мае 1918 г. прибыл с Колчаком в Харбин.

задал вопрос одному из начальников старшего штаба, «зачем они так раздувают формирование высоких штабов... для дела ненужных, он ответил (он очень прям и откровенен): “сие нужно для флага и для получения содержания: надо же как нибудь кормиться”» [Там же, с. 239]. Для большинства офицеров борьба за выживание, обеспечение собственных семей были гораздо важнее, нежели борьба против большевиков. Нежелание участвовать в гражданской войне заставляло многих офицеров искать должности в тылу, подальше от фронта.

Штаб Российских войск так и не объявил мобилизацию в полосе отчуждения, ставка делалась на уже существовавшие отряды и формирования из китайцев. Нужно отметить, что весной 1918 г. отряды Орлова и Семенова существенно выросли. У Орлова имелись три стрелковые роты, конный дивизион, две артиллерийские батареи, инженерная рота, автомобильный и санитарный отряды, пулеметная команда, служба связи, нестроевая и музыкальная команды, общей численностью до двух тысяч человек. Начальником штаба отряда являлся Георгиевский кавалер, полковник В.В. Ванюков (офицер 3-го пограничного Заамурского пехотного полка), командиром 1-й роты – полковник Рахильский, 2-й роты – полковник Франк, позднее – полковник Гуляев, 3-й роты – полковник Меньшов. Конный дивизион возглавлял ротмистр Вращиль, 1-ю и 2-ю артбатареи – капитаны Ломиковский и Карпенко. Финансирование отряда, поступавшее от хорватовской администрации, по воспоминаниям Орлова, было вполне приличным⁶⁵.

7 марта 1918 г. в Харбине на Соборной площади состоялся военный парад с участием отряда Орлова. Принимал парад начальник харбинской резидентуры японского Генштаба генерал-майор Накадзима в сопровождении консула Попова. Японец остался доволен состоянием отряда и распорядился о снабжении его японским оружием и боеприпасами со складов в Чанчуне, а также об отправке в отряд инструкторов для обучения бойцов стрельбе из японских пулеметов. Но в дальнейшем отношения между Орловым и японцами не заладились. Видимо, по некоторым вопросам он, также как позднее и адмирал Колчак⁶⁶, был весьма несговорчив.

Особый Маньчжурский отряд атамана Семенова в апреле 1918 г. по некоторым данным составил около четырех тысяч человек и имел следующую структуру. Штабной отряд (начальник штаба – полковник Н.Г. Нацвалов, позднее – полковник Л.Н. Скипетров), 1-й Монголо-Бурятский конный полк (командир – полковник Мациевский), 2-й Даурский конный полк (командир – есаул Почекунин); 1-й Семеновский пеший полк (командир – подполковник Лихачев), 2-й Маньчжурский пеший полк (командир – капитан Малачиханов); пулеметная команда (командир – полковник Е.Б. Краузе); две отдельные офицерские роты; артиллерия в 15 орудий (командир – полковник Д.В. Загоскин⁶⁷); дивизион бронепоездов (командир – штабс-капитан Шелковый), авторота поручика Подгорецкого и санитарно-эвакуационная часть (начальник – полковник А.В. Кобылкин) [Романов, 2013, с. 92–95]. Семеновское командование в значительной мере контролировало часть западной ветки КВЖД от ст. Маньчжурия до Хайлара, имея здесь свои гарнизоны и назначая своих комендантов. Это вело к постоянным трениям со штабом Охранных войск.

⁶⁵ По словам Орлова, «обыкновенно, на ежемесячное содержание отряда, кроме жалованья, выдавалось по 2 рубля в сутки на человека и по 4 рубля на лошадь Романовскими деньгами. Даже по тогдашним временам, в Харбине этого хватало на продовольствие с избытком» [Петров].

⁶⁶ Оказывая поддержку Белому движению на востоке России, японцы стремились получить от России определенные дивиденды на Дальнем Востоке вплоть до некоторых территориальных уступок. Те русские политические и военные деятели, которые готовы были обсуждать данный вопрос, пользовались наибольшей поддержкой со стороны японских кругов. Однако нужно учитывать, что в японских политических кругах не существовало единой точки зрения на действия в отношении России. Многие из японских политиков выступали против военного вмешательства в российские дела и поддержки антибольшевистских сил на Дальнем Востоке [Подробнее см.: Молодяков, 2004].

⁶⁷ Загоскин Дмитрий Владимирович, 1872 г. р. Окончил 1-й кадетский корпус и Александровское военное училище (1891). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Офицер 14-го мортирного артиллерийского дивизиона. В составе ОМО с января 1918 г., начальник артиллерии.

Итак, антибольшевистские отряды не только выросли, но и стали вполне самостоятельными боевыми единицами со своими начальниками, и подчиняться приказам штаба Российских войск о реорганизации они не спешили, а Плешков не очень-то и настаивал. Дело ограничилось приказом о разворачивании подразделений Орловского отряда в более крупные части. Предполагалось на базе орловской пехоты создать Егерскую бригаду в составе четырех батальонов, конницу ротмистра Враштыля развернуть в Конно-егерский полк, артиллерию – в Отдельный артиллерийский дивизион [Петров]. Одновременно полковник Маковкин получил приказ о наборе китайских добровольцев в 10-й Пластунский полк, а подполковник П.Д. Макаренко – о формировании Отдельной батареи на ст. Эхо. Самой деликатной задачей для Плешкова стало достижение договоренности с есаулом Семеновым.

В начале апреля 1918 г. Семенов предпринял очередное самостоятельное наступление на Забайкалье и быстро продвинулся до реки Онон. В разгар наступления генерал Плешков во главе своего штаба нанес визит атаману и в ходе обсуждения сложившейся обстановки любезно предложил помощь при наступлении на Нерчинск подразделениями отряда полковника Орлова. Тому ничего не оставалось делать, как подчиниться. В Особый отряд, выдвинувшийся в рейд на Нерчинск, были выделены конница, батарея капитана Ломиковского, инженерная полурота, четыре грузовые машины и санитарный отряд. Возглавил Особый отряд ротмистр Враштыль.

Инициатива Плешкова окончилась крайне неудачно. Орлов потерял грузовики и имущество инженерной полуроты, отошедшие Семенову. Штабс-капитан Квятковский⁶⁸, командир инженерной полуроты, перешел к атаману со значительной частью своих людей. Те, кто не хотел служить у Семенова, всеми правдами и неправдами стремились возвратиться в Харбин [Петров]. Но самое главное, Семенов предпочел сохранить самостоятельность и не подчинился Плешкову. Не помогло здесь и производство слишком самостоятельного есаула приказом генерала Хорвата в очередное звание войскового старшины. В дальнейшем столь же безуспешными будут попытки штаба Российских войск подчинить себе атамана Калмыкова. «Плешкова никто и ни в чем не слушает, – писал в апреле 1918 г. Будберг, – но, судя по его настроению, сие мало его беспокоит, он вообще принадлежит к разряду людей, не любящих беспокоиться» [Будберг, 1924, т. 13, с. 199].

Неспособность генерала Плешкова подчинить своему командованию антибольшевистские отряды и наладить нормальную работу штаба Российских войск заставили Хорвата назначить в мае 1918 г. новым Главнокомандующим Российскими войсками в полосе отчуждения вице-адмирала А.В. Колчака, оказавшегося в Китае по инициативе англичан и российского дипломатического корпуса.

Новое назначение мало изменило ситуацию, объединить отряды Колчаку также не удалось. Адмирала признали только орловцы. Ни атаман Семенов, ни Калмыков не желали ему подчиняться. Колчак в дальнейшем считал, что здесь не обошлось без влияния японцев. В конце мая 1918 г. отношения между Колчаком и Семеновым настолько обострились, что едва не произошло вооруженного столкновения между подчиненными им отрядами. Инцидент был разрешен вмешательством японцев, которые заявили, что в случае столкновения применят военную силу [Петров].

В этой ситуации Колчак обратился к Хорвату с просьбой об отставке. Хорвата, по-видимому, такой вариант устраивал. Дело в том, что Колчак так и не смог наладить отношения со штабом Плешкова. Здесь все были недовольны планом адмирала сосредоточить войска на ст. Пограничная и оттуда начать наступление на Владивосток. Против Колчака начались интриги, особенно со стороны генерала Хрещатицкого. Не уступал ему и генерал Самойлов, обиженный

---

⁶⁸ Штабс-капитан Квятковский в годы Первой мировой войны служил в 1-м Сибирском понтонном батальоне [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 127, л. 4об].

слишком прямым и вспыльчивым адмиралом. К тому же, Колчак, став главнокомандующим Российскими войсками в полосе отчуждения, практически сразу вступил в трения с Японской военной миссией, возглавляемой генералом Накадзимой [Луговая, 2012, с. 255].

В дело с отставкой Колчака вмешалось командование Орловского отряда и консул Попов, выступившие в поддержку адмирала. Стремясь лишить Колчака опоры, 1 июня 1918 г. отряд полковника Орлова был выдвинут на раз. Эхо для дальнейшего перемещения на ст. Пограничная, что соответствовало колчаковскому плану подготовки наступления на Приморье. После этого Хорват предпринял попытку восстановить генерала Плешкова в должности главнокомандующего, а Колчака назначить командующим войсками восточной группы [Там же, с. 266]. Колчак отказался выполнить приказ Хорвата.

Вероятно, отсутствие у Колчака надежной вооруженной опоры заставило его начать формирование в июне 1918 г. нового подразделения – морской роты. Созданием роты руководил старший лейтенант В.В. Безуар, прибывший в Китай с Колчаком из Северной Америки, а непосредственным командиром роты был назначен подполковник Л.М. Карамышев. Рота состояла из четырех взводов: трех стрелковых и одного минно-подрывного. На начало июля численность роты составляла более ста человек, из них более двадцати – офицеры, главным образом сухопутные. В июле морская рота получила в свое распоряжение два мобилизованных у российских граждан из Харбина катера – «Талисман» и «Рыболов», и осуществила первую боевую операцию на одной из протоков Амура, в ходе которой был захвачен красный пароход «Сретенск» [Буяков, 2015, с. 91–93].

Трения между Колчаком и Хорватом были прекращены благодаря «посредничеству» японцев, предложивших Колчаку на некоторое время выехать в Японию, откуда он осенью 1918 г. уехал в Омск.

Японское командование, которое адмирал Колчак не устраивал своим нежеланием идти на определенные уступки в будущем после победы антибольшевистских сил при поддержке Японии, делало свою ставку в объединении отрядов в полосе отчуждения на атамана Семенова⁶⁹. По воспоминаниям полковника Орлова, известно, что летом 1918 г. его посещал подполковник Куросава, курировавший атамана Семенова. Куросава добивался того, чтобы Орлов передал свой отряд под командование атамана, но своей цели не достиг [Петров]. Тогда, по-видимому, направляемые японцами китайские власти, уже давно стремившиеся ликвидировать все русские вооруженные отряды в полосе отчуждения, потребовали расформирования орловского отряда, к большому удовольствию генерала Самойлова, у которого Орлов со своими бойцами был, как кость в горле. Ко всеобщему, казалось бы, удовлетворению отряд Орлова будет расформирован в середине июля 1918 г.⁷⁰, но до этого произойдет еще ряд важных событий.

В начале июля, получив известия о свержении власти большевиков во Владивостоке чехословацкими частями под командованием Генерального штаба генерал-лейтенанта М.К. Дитерихса⁷¹, штаб Российских войск выехал на ст. Пограничная, чтобы оттуда развернуть свою

⁶⁹ В то же время нужно учитывать, что определенные японские политические круги были не единственной заинтересованной результатами гражданской войны в России силой на Дальнем Востоке. Свои интересы здесь имели англичане, французы и особенно американцы, не желавшие допустить чрезмерного усиления Японии в этом регионе.

⁷⁰ Генерал Будберг по этому поводу напишет в своем дневнике: «Отряд Орлова расформирован... Как обидно, что вовремя не произведено такой же операции и с другими отрядами...» [Будберг, 1924, т. 13, с. 230].

⁷¹ Дитерихс Михаил Константинович, 1874 г. р. Окончил Пажеский корпус (1894) и Николаевскую военную академию (1900). Участник русско-японской войны, обер-офицер для особых поручений при штабе 17-го армейского корпуса. Штаб-офицер для поручений и старший адъютант штаба Киевского военного округа (1909–1913). Участник Первой мировой войны. Штаб-офицер для поручений при Управлении генерал-квартирмейстера штаба Юго-Западного фронта, и.о. генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии, генерал-квартирмейстер штаба Юго-Западного фронта (1914–1916). Командующий экспедиционным корпусом в Салониках, начальник объединенной Франко-русской дивизии (1916–1917). Кавалер Георгиевского оружия. Генерал-лейтенант (1917). Начальник штаба 3-го Конного корпуса, генерал-квартирмейстер Ставки Верховного Главнокомандующего, начальник штаба Ставки. С конца ноября 1917 г. начальник штаба Чехословацкого корпуса.

деятельность на территории Приморской области и помочь чехам во взятии Никольск-Уссурийского.

В это же время, 10 июля, после долгих уговоров генерал Хорват объявил себя Временным Правителем России «до тех пор, пока не будет восстановлена русская национальная верховная власть и созвано Учредительное собрание», и начал формировать свое правительство – «деловой кабинет»⁷². Хорват надеялся на поддержку союзников, намереваясь утвердиться во Владивостоке, но реальной поддержки не получил, впрочем, как и Временное правительство Автономной Сибири (ВПАС) эсера П.Я. Дербера⁷³. Не получив поддержки со стороны командования интервентов, совет министров ВПАС поручил «управление всеми делами» Приморской области Областной земской управе под председательством А.С. Медведева, но фактически правительство Автономной Сибири продолжало действовать под прикрытием земской управы. По соглашению с генералом М.К. Дитерихсом (начальник штаба союзническими войсками), полковнику С.С. Толстову⁷⁴, командующему вооруженными силами ВПАС, было предложено возглавить все вооруженные сухопутные и морские силы Приморской области. Толстов согласился и начал формирование своего штаба, начальником которого был назначен Генерального штаба полковник П.Г. Бурлин⁷⁵ [Симонов, 2010, с. 253].

В это время генерал Хорвата со своим «правительством» и штабом оказался блокирован на ст. Гродеково. Дело даже дошло до вооруженной стычки между русскими и чехами, не улучшившей положение хорватовского штаба. Началось т. н. «гродековское сидение», обусловленное в том числе и отсутствием у Хорвата надежной вооруженной опоры, с которой стоило бы считаться. В июле 1918 г. в подчинении Временного правительства находился ОМО атамана Семенова (до 6 тыс. чел.), отряд полковника Орлова (1 тыс. чел.), отряд атамана Калмыкова (500 чел.), отряд полковника Маковкина (650 чел.), 3-й Туземный полк (до 700 чел.), конный полк полковника Враштия⁷⁶ (500 чел.), отряд атамана Гамова (700 чел.) и Охранная стража КВЖД.

В реальности отряд полковника Орлова был расформирован, на базе его пехотных частей планировалось создать Егерский им. полковника Орлова полк, но уже без Орлова. Устранение любимого командира было воспринято многими орловцами весьма негативно, но Орлов не стал затевать смуту, сложил свои полномочия и уехал в Харбин⁷⁷. Атаманские отряды Семенова, Калмыкова и Гамова Хорвату практически не подчинялись, а части, созданные в основ-

⁷² Главой военного ведомства в составе «делового кабинета» стал генерал от инфантерии В.Е. Флуг. Генерал Самойлов был назначен главным начальником Заамурского военного округа. Ему подчинялись Охранная стража, управление по ремонту войск, все тыловые управления, учреждения и заведения, вся гражданская часть [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 16а, л. 38, 38 об].

⁷³ Находясь с весны 1918 г. с членами своего правительства в Харбине, П.Я. Дербер предложил Хорвату войти в состав этого правительства. Однако Хорват, которому личность Дербера внушила подозрения своими невысокими моральными качествами, отказался. В июне 1918 г. незадолго до выступления чехов Временное Сибирское правительство тайно перебралось во Владивосток.

⁷⁴ Генерал Будберг охарактеризовал полковника Толстова как, «хитрого, пронырливого, водянисто болтливое, но неумного честолюбца, из рожденных революцией аспирантов в политические и военные деятели» [Будберг, 1924, т. 13, с. 242]. Генерал Флуг оценивал полковника Толстова, как «человека без твердых убеждений и незначительного по характеру» [Симонов, 2010, с. 252].

⁷⁵ Бурлин Петр Гаврилович, 1879 г. р., из оренбургских казаков. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1901) и Николаевскую военную академию (1914). Участник русско-японской и Первой мировой войн, помощник старшего адъютанта и старший адъютант разведывательного отделения отдела генерал-квартирмейстера штаба 3-й армии (1916–1917). Полковник (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. На Дальний Восток прибыл, по-видимому, в начале 1918 г.

⁷⁶ В дальнейшем Конно-егерский полк Враштия наряду с Приморским драгунским полком (командир – полковник В.С. Семенов) вошел в состав Уссурийской отдельной конной бригады, возглавляемой генерал-майором А.Е. Маковкиным.

⁷⁷ После отстранения от командования отрядом полковник Орлов проживал в качестве частного лица в Харбине. В конце 1918 г. он принял предложение генерала Марковского возглавить вновь формируемый в Канске 32-й стрелковый полк, выехав на место назначения с 25 своими бывшими офицерами. Орлов находился в Канске до конца 1919 г. и сумел в дальнейшем возвратиться в Харбин, где жил, совершенно отойдя от политической деятельности, вплоть до своей смерти в 1944 г.

ном из китайцев (Туземный полк), в конце июля взбунтовались и их пришлось выводить в тыл для переформирования⁷⁸. После этого случая было решено отказаться от широкого привлечения в регулярные части китайских добровольцев, среди которых попадалось немало хунхузов. Стремясь сохранить связь с атаманом Семеновым, Хорват произвел его в начале августа 1918 г. в полковники с переименованием, по занимаемой должности, в зауряд-генерал-майоры. Через две недели новым приказом Семенов был назначен Забайкальским областным комиссаром [MCR, box 2].

«Гродековское сидение» правительства Хорвата вызывало немало зубоскальства в Харбине. Генерала называли «Дмитрием I, самодержцем всея Гродековская станция и ея запасных путей» [Будберг, 1924, т. 13, с. 235]. В самом Приморье очень немногие высказались в поддержку Хорвата. В основном к Хорвату тяготели офицеры Владивостокского гарнизона, не желавшие подчиняться земской управе, возглавляемой эсерами.

В августе была предпринята попытка выйти из политического тупика путем переговоров между Временным правительством Автономной Сибири и «деловым кабинетом» при участии союзников. Генерал Плешков был выдвинут в качестве общего командующего Российскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, что было встречено очень позитивно со стороны офицеров Владивостокского гарнизона. Полковник Толстов не возражал против объединения русских войск на Дальнем Востоке, но отказался подчиняться Плешкову, по-видимому, под влиянием эсеров. Тогда 23 августа 1918 г. Плешков, находившийся во Владивостоке, объявил о включении вооруженных сил Приморья в состав Российских войск Дальнего Востока под своим командованием. Толстов был отстранен от должности, новым командующим вооруженными силами Приморской области и комендантом Владивостокской крепости был временно назначен полковник Бурлин, возглавивший т. н. Владивостокскую группу Российских войск Дальнего Востока.

Руководители городского и областного самоуправления не признали полномочий Плешкова, ситуация грозила перерасти в вооруженное противостояние и была спасена только вмешательством иностранных держав. Военные представители держав на совещании 25 августа во Владивостоке под председательством генерала Накадзима, заявив о непризнании полномочий генерала Плешкова и нежелательности его присутствия во Владивостоке, потребовали, чтобы части Владивостокского гарнизона сложили оружие и перешли в распоряжение атамана Семенова или полковника Толстова. Полковник Толстов был восстановлен в своей должности [Симонов, 2010, с. 260].

Плешков немедленно ретировался из города, отправившись, по словам Будберга, с каким-то срочным поручением на «Даурский фронт» [Будберг, 1924, т. 13, с. 246], а полковник Бурлин был вынужден подчиниться требованиям интервентов. Переговоры между ВПАС и «деловым кабинетом» провалились. Сибирское правительство объявило Хорвата узурпатором, а Плешков назвал «сибиряков» изменниками.

В сентябре 1918 г. представители держав, стремясь «загладить» свою ошибку, возвратили оружие русским войскам Приморской области, но почти сразу после этого удалили части Владивостокского гарнизона в полосу отчуждения КВЖД. Вывезенные в Харбин 1-й и 2-й Сибирские стрелковые полки и 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка вскоре были перемещены на ст. Ханьдаохэцзы, где до декабря 1918 г. составляли местный гарнизон под командованием полковника Бурлина [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 16а, л. 42]. Вместе с Владивостокской группой войск в полосу отчуждения КВЖД были перемещены и части т. н. Уссурийской группы Российских войск Дальнего Востока, которой командовал генерал Хрещатицкий. Ядро этой группы, Отдельная Уссурийская бригада под командованием полковника Маков-

⁷⁸ С теми же самыми проблемами сталкивалось и руководство ОМО, в составе которого было много наемников из китайцев и монголов [Романов А.М. Указ. соч. С. 97, 98].

кина, составило на некоторое время гарнизон на ст. Эхо [Там же, л. 45]. Сам Хрещатицкий получил назначение начальником штаба к генералу Плешкову [Там же, л. 35].

На протяжении сентября во Владивостоке шла грызня за место главнокомандующего, на которое помимо полковника Толстова претендовали генерал Плешков, представитель атамана Семенова полковник Л.Н. Скипетров⁷⁹ и чешское командование генерала Р. Гайды. Более того, Гайда, командующий войсками Восточного фронта, даже попытался распространить свою власть на полосу отчуждения, назначив сюда в сентябре 1918 г. в качестве главноначальствующего своего представителя – полковника Э. Кадлеца. Это назначение вызвало протест со стороны российского дипломатического корпуса и администрации КВЖД, а также заявления китайских властей и японцев о нарушении суверенных прав Китая. Командующий войсками Гиринской провинции генерал Мэн предписал приостановить выполнение приказов Гайды и предложил сформировать новую бригаду для охраны железной дороги⁸⁰. В сложившейся ситуации полковнику Кадлецу ничего не оставалось делать как покинуть Харбин.

Ситуация более или менее стабилизировалась в октябре после достижения договоренности между Временным Сибирским правительством (П.В. Вологодского) в Омске и Хорватом о признании последним полномочий Сибирского правительства и принятии должности Верховного уполномоченного этого правительства на Дальнем Востоке. Вскоре свои полномочия в пользу Временного Всероссийского правительства («Уфимской директории») сложило ВПАС, после чего директорию признал и Хорват. В начале октября командующим сухопутными и морскими силами Приморской области с правами командира корпуса был назначен полковник Х.Е. Бутенко [Симонов, 2010, с. 269].

Осенью 1918 г. деятельность антибольшевистских вооруженных формирований, некогда базировавшихся в полосе отчуждения КВЖД, окончательно переместилась на российскую территорию, Гражданская война запылала с новой силой. С этого времени больше чем на год полоса отчуждения стала далеким тылом Восточного фронта Белого движения. Штаб Российских войск в полосе отчуждения уже практически не играл никакой роли и в октябре 1918 г. генерал Флуг предложил ликвидировать все штабные структуры, но не был в этом поддержан Хорватом, который не хотел обижать генерала Плешкова. В это время в распоряжении штаба Плешкова находилась Отдельная Уссурийская бригада, расквартированная на ст. Раздольная, и Владивостокская группа войск генерал-майора Бурлина на ст. Ханьдаохэцзы. В состав Уссурийской бригады входили: 1-й Егерский полк, 2-й Пластунский полк, Конно-егерский полк, 1-й легкий артиллерийский дивизион, Отдельная гаубичная батарея, инженерная рота и подразделения связи. Всего 289 офицеров и 1646 солдат. Возглавлял бригаду генерал-майор Маковкин, начальником штаба являлся Генерального штаба капитан Я.Я. Смирнов [Там же, с. 279, 280]. Численность Владивостокской группы войск (1-й и 2-й Сибирские стрелковые полки, 3-й дивизион 1-го Сибирского артиллерийского полка, Артиллерийский склад) составляла 199 офицеров и 140 солдат. Кроме того, Плешкову подчинялась Морская рота, несколько судов Отдела речных операций, бронепоезд, сводный запасной полк (82 офицера) [Там же, с. 280] и Охранная стража КВЖД.

Несмотря на всю свою неэффективность, штаб Российских войск продолжал предпринимать определенные усилия по созданию новых воинских частей для антибольшевистского фронта. Так, генерал Хрещатицкий предложил идею организации смешанных русско-япон-

---

⁷⁹ Вновь приведем характеристику генерала Будберга, данную полковнику Скипетрову. Будберг называет Скипетрова знаменитым скандалистом, пьяницей, семеновским опричником [Будберг, 1924, т. 13. С. 253].

⁸⁰ События, связанные со скандальной инициативой генерала Гайды, стали, по-видимому, одной из важных причин учреждения китайским правительством в Маньчжурии должностей Главного военного инспектора Трех Восточных провинций и Главного начальника Государственной обороны. На должность Главного военного инспектора был назначен мукденский дущэнь Чжан Цзолинь, а Главным начальником Государственной обороны Маньчжурии стал цичикарский дущэнь Бао Гуйцин [Нилус, 2010, с. 37].

ских частей, желая, по мнению Будберга, обставить в этом англичан⁸¹. Будберг крайне негативно описывал инициативу Хрещатицкого: «Хрещатицкий совсем ушел в японское лоно и родил проект подъяпоненной русской армии, где в каждом полку одна рота будет японской (на случай усмирения), а при каждом штабе будет японский комиссар». При этом Будберг, опираясь на слухи, указывал, что у Хрещатицкого есть и личный к этому интерес, связанный с провозом во Владивосток контрабандного спирта, а оттуда в Маньчжурию – опиума, за что железнодорожники прозвали генерала «спиртовозом»⁸² [Будберг, 1924, т. 13, с. 261].

По-видимому, японские круги выделили под реализацию проекта Хрещатицкого определенные деньги, поскольку, по словам того же Будберга, «у причастных к формированию [русско-японских частей] лиц прежде в карманах была аравийская пустыня, а сейчас они швыряются пачками пятисотрублевков» [Там же, с. 266].

В ноябре 1918 г. Омским правительством адмирала Колчака было принято решение о роспуске с 1 декабря «делового кабинета» Хорвата и расформировании штаба Российской войск в полосе отчуждения и всех подчиненных ему штабов, управлений и частей. Из подлежащих расформированию воинских частей было решено создать 9-ю Сибирскую стрелковую дивизию, части которой размещались на территории Приморья. Временно и. д. начальника дивизии, приказом Хорвата, был назначен генерал-лейтенант П.А. Кордюков⁸³, начальником штаба – подполковник Я.Я. Смирнов⁸⁴. Отдел речных операций Российских войск был реорганизован в Амурский флот, базой которого стал Владивосток. Туда же перебазировалась Морская рота [Буяков, 2015, с. 99].

После роспуска «делового кабинета» генерал Хорват до июля 1919 г. продолжал выполнять функции Верховного уполномоченного Омского правительства на Дальнем Востоке⁸⁵. Генерал Плешков получил новую, ни к чему не обязывающую должность, став русским Главноначальствующим в полосе отчуждения, а Хрещатицкий был назначен инспектором иностранных формирований русской службы, каковым являлся до августа 1919 г.

Осенью 1918 г., в связи с переходом под контроль белых сил Урала, Сибири и Дальнего Востока, основная масса желающих принять участие в борьбе против большевиков покинула полосу отчуждения. Однако в Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке еще осталось много не находившихся на военной службе офицеров. В декабре, согласно поступившему из Омска приказу, Хорват объявил о мобилизации всех офицеров в возрасте до 43 лет, не состоявших в войсках и резерве. К 1 января 1919 г. они должны были явиться к комендантам городов и ближайшим воинским начальникам для назначения в ряды войск. Мобилизация оказалась не очень успешной. Как отмечал в своем дневнике Будберг, в Харбине «гоняются за подлежащими призыву офицерами, ловят их и отправляют в Никольск, а тамошнее строевое начальство чертыхается, так как не знает, что с присланными делать, так как у него нет ни

---

⁸¹ В декабре 1918 г. при непосредственном участии Британской военной миссии во Владивостоке, на о-ве Русский, была создана учебно-инструкторская школа для подготовки и повышения квалификации для офицерского и унтер-офицерского состава русской армии, получившая наименование Школа Нокса.

⁸² После личного знакомства с Хрещатицким Будберг оставил в своем дневнике весьма не лестную характеристику генерала, называя его «многоглаголивой и сладкоглаголивой бестией, по своему содержанию замечательно подошедшей к Харбинскому болоту...; ловким и жадным пронырой, сладеньким, вкрадчивым, внешне отлично вылощенным, а внутри химически чистым от принципов порядочности...» [Будберг, 1924, т. 13, с. 264, 265].

⁸³ Генерал Кордюков с марта 1918 г. являлся генералом для поручений при начальнике войск полосы отчуждения КВЖД, начальником гарнизона Харбина. С августа 1918 г. был прикомандирован к штабу Главноначальствующего в полосе отчуждения.

⁸⁴ Смирнов Яков Яковлевич, 1890 г. р. Окончил Псковский кадетский корпус, Елисаветградское кавалерийское училище (1910), военную школу летчиков-наблюдателей (1916) и ускоренный курс Николаевской военной академии 1-й очереди (1917). Участник Первой мировой войны, командир Отдельного конного партизанского отряда (1915–1916). Ротмистр.

⁸⁵ С августа 1919 г. после упразднения должности Верховного уполномоченного генерал Хорват занял пост Главноначальствующего в полосе отчуждения, сохранив за собой должность директора-распорядителя КВЖД.

войск, ни солдат, ни казарм... Среди взбаламученного офицерства волна недовольства» [Будберг, 1924, т. 13, с. 275].

Впрочем, качество офицеров, находившихся в это время в полосе отчуждения, также оставляло желать лучшего. Вполне естественно, что в этом глубоком тылу стремились осесть те, кто не желал принимать участия в гражданской войне и по идейным и по шкурным соображениям. Например, в дневнике все того же генерала Будберга за октябрь 1918 г. можно увидеть оценку, данную полковником В.А. Волковым (в свое время один из руководителей Офицерской организации Владивостока, командир Владимиро-Александровского отряда) после посещения им ст. Эхо тамошним офицерам. Эховским гарнизоном в это время командовал полковник Маковкин. По словам Волкова, «3/4 молодых офицеров распушены и развращены до полной невозможности их исправить, а некоторые из них готовые уже преступники, опасные для общества и государства, ибо за деньги на все способны» [Там же, с. 261].

В качестве альтернативы фронту многие офицеры предпочитали устраиваться в Охранную стражу КВЖД, где даже младшими офицерами рот служили полковники и подполковники⁸⁶, или в части атамана Семенова. Согласно заметкам Будберга от февраля 1919 г., «семеновские вербовщики шныряют всюду, пытаются сманивать к себе кадровых офицеров; предлагают двойные против здешних оклады и высокие должности... Много харбинских военных потянуло в Читу, за последний приезд Семенова им куплено здесь немало ждавших, кто даст выгодную цену» [Там же, с. 285, 286]⁸⁷. Крайне негативное отношение Будберга к «оберхунхузу» Семенову и другим атаманам переносится в его записях и на тех офицеров, которые выбрали службу в атаманских частях⁸⁸. Данные Будберга⁸⁹ о деятельности семеновского вербовочного бюро подтверждаются сведениями контрразведки в полосе отчуждения от октября 1919 г. [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 38, л. 6].

Мобилизация в ряды Белой армии русского и туземного населения проводилась и в еще одном регионе Китая, в Синыцзяне.

В отдельных районах Синыцзяна, особенно в Илийском (Кульджийском) округе еще до революции стали формироваться русские общины из бежавших в Китай старообрядцев, торговцев и их семей. Численность выходцев с территории России существенно выросла в 1916–1918 гг. Особенно много здесь было казахов. Весной – летом 1918 г. в Илийский округ прибыло несколько групп военных беженцев-казаков – отряд полковника М.Е. Ионова, войскового атамана Семиреченского казачьего войска, группа хорунжего Грязнова и др. В дальнейшем часть из них возвратилась в Россию и приняла участие в боях против большевиков [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 28, 29].

Потребность пополнения боевых частей на фронте заставила белое командование весной 1919 г. организовать в Илийском округе мобилизационные мероприятия. От генерала

⁸⁶ В сентябре 1918 г. в составе Охранной стражи КВЖД насчитывалось 173 офицера, включая штаб стражи [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 127, л. 249–259].

⁸⁷ Деятельность семеновских вербовщиков в полосе отчуждения не имела законных оснований. Вообще отношения между Хорватом, при всей его дипломатичности и «двуликости», и атаманом Семеновым трудно назвать безоблачными. Например, в декабре 1918 г. Хорват поддержал инициативу Колчака по отстранению Семенова от командования, так и не реализовавшуюся из-за вмешательства японцев. В дальнейшем, в марте 1919 г. Хорват предупредил генерала Плешкова, по словам Будберга, «слишком заигрывающего с Семеновым», об отстранении от дел, в случае если он не прекратит попыток неуместного сближения с атаманом. В январе 1920 г., после объявления атаманом Семеновым себя преемником адмирала Колчака в возглавлении Российской Восточной окраины, Хорват в пику Семенову издал приказ о принятии на себя всей полноты государственной власти в отношении русского населения и русских учреждений полосы отчуждения.

⁸⁸ В одной из своих записей Будберг отмечает: «...Сегодня в собрании [Охранной стражи] перечисляли Харбинских офицеров, отбывших по найму к Семенову; чуть ли не поголовно все – или удаленные по суду офицеров, или судимые за растраты, или находящиеся под следствием, или замаранные в спекуляциях» [Будберг, 1924, т. 13, с. 293].

⁸⁹ Генерал Будберг в марте 1919 г. выехал в Омск, где был назначен главным начальником снабжения и инспекции при Верховном Главнокомандующем, позднее помощником начальника штаба Верховного Главнокомандующего, военным министром Омского правительства (август – октябрь 1919 г.). Отчислен от должности по болезни. Начальник штаба Приамурского военного округа (ноябрь 1919 – январь 1920 г.). С апреля 1921 г. в США.

Ионова на территории округа работал полковник Сапожников, сформировавший конный полк. Из Омска были присланы генерал-майор Карцев и полковник Брянцев. Генерал Б.В. Анненков также отправил в Кульджу своего представителя – полковника П.И. Сидорова. Формирование подразделений шло медленно и в постоянных склоках. В конце концов, в сентябре 1919 г. удалось выставить возглавляемую Брянцевым Особую Кульджийскую стрелковую бригаду в составе Текесского кавалерийского и Кольджатского пластунского казачьих полков. Кроме того, имелся отряд полковника Сидорова [Там же, л. 30–32; Крах белой мечты, 2016, с. 45, 102].

После ряда успешных боев в Джарткенском районе «кульджийцы» в январе 1920 г. потерпели сокрушительное поражение. Остатки частей бригады под командованием полковника Сидорова прошли по практически непроходимым зимой перевалам Джунгарского Алатау и присоединились к Семиреченской армии генерала Анненкова [Крах белой мечты, 2016, с. 102].

Таким образом, в первые послереволюционные годы ситуацию в Китае, и особенно в полосе отчуждения КВЖД, для российских военнослужащих нужно считать достаточно благоприятной. Здесь наряду с российскими дипломатическими представительствами сохранились некоторые воинские структуры и военные учреждения. До лета 1920 г. в полосе отчуждения действовала подчиненная только русскому руководству Охранная стража численностью до четырех тысяч человек. Будучи тылом белого Восточного фронта полоса отчуждения являлась местом проживания семей части офицеров, служивших в Приморье, Приамурье и даже в Забайкалье. Главный контингент военных, нашедших себе пристанище в Китае и оставшихся здесь после осени 1918 г., составили те, кто не желал участвовать в гражданской войне, избегая различными способами любых мобилизаций.

Падение Омского правительства адмирала Колчака, уход бывших союзников (за исключением японцев) с российского Дальнего Востока и из полосы отчуждения КВЖД открыли для китайского правительства возможность ликвидировать ранее сохранявшиеся у русских в Китае привилегии. Весной 1920 г. для бывших российских подданных были отменены экстерриториальность, собственные судебные учреждения, упразднялись дипломатические представительства и другие российские структуры, включая Охранную стражу КВЖД. Бывшие российские подданные, оказавшиеся на территории Китая, превратились в эмигрантов.

Глава 2. Эвакуация частей Белой армии в Китай в 1920 году и попытки сохранения русских воинских контингентов

Массовый исход русский военных в сопредельные с Россией регионы Китая – Маньчжурию, Сынцзян, Внешнюю Монголию – развернулся с начала 1920 года после разгрома белого Восточного фронта и гибели Омского правительства, а позднее – падения семеновского Забайкалья.

В начале 1920 г. в Маньчжурию, и прежде всего в Харбин, из Сибири начали прибывать эшелоны с ранеными и больными, а также тысячами беженцев, среди которых было немало офицеров. В массе своей это были офицеры и чиновники военного времени из крайне раздутых штабных и тыловых служб Омского правительства. По подсчетам Е.В. Волкова, изучавшего офицерский корпус армии адмирала А.В. Колчака, в ее рядах насчитывалось около 30 тыс. офицеров, при этом на фронте находилось не более 12 тысяч [Волков Е., 2005, с. 47]⁹⁰. Значительная часть этих людей погибла и попала в плен во время отступления на восток и знаменитого Сибирского Ледяного похода. Из многотысячной колчаковской армии в Забайкалье пробилось около 25 тыс. солдат и офицеров, назвавших себя «каппелевцами» в честь умершего в период отступления главнокомандующего войсками Восточного фронта генерала В.О. Каппеля, одного из кумиров Белого движения на востоке России. Таким образом, в начале 1920 г. в Маньчжурию помимо части вывезенных из Сибири больных и раненных военнослужащих прибыли в основном офицеры и чиновники штабных и тыловых учреждений, среди которых было много тех, кто всеми правдами и неправдами не желали оказаться на фронте. В дальнейшем большинство из них не приняли участия в продолжавшейся на Дальнем Востоке Гражданской войне.

Другими районами, откуда в Маньчжурию перемещались отдельные воинские отряды и группы, являлись Приамурье и Приморье, вышедшие из-под контроля белой администрации. Так, в связи с переходом власти во Владивостоке в руки Приморской земской областной управы командующий войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенант С.Н. Розанов (начальник штаба – генерал Будберг) с частью своего штаба покинул город, выехав в Японию. Неудачную попытку уйти в Китай после того, как Никольск-Уссурийский оказался в руках левых сил, предприняло командование Уссурийской отдельной конной бригады. Большая часть состава бригады перешла на сторону левых, а оставшиеся с генералом Маковкиным и полковником Вращилем бойцы не были пропущены на китайскую территорию местными казаками [Ципкин, 2012, с. 144]. В дальнейшем полковник Вращиль и большая часть офицеров Конно-егерского полка будут зверски убиты красными партизанами на реке Хор.

---

⁹⁰ В 1930 г. генерал Дитерихс, составлявший доклад для штаб-квартиры РОВС, четко обозначил резкое разделение военной массы в армии адмирала Колчака на фронтовую и тыловую, «взаимно не доверявших друг другу и осуждавших друг друга в различных отношениях: тыл обвинял фронт в безграмотности в военном деле (что было в значительной степени справедливо, так как степень военного кругозора большинства из высших начальников строевых частей фронта не превышала кругозора командира полка, а то и меньше), в самочинности в отношении снабжения и в игнорировании правильной службой тыла фронта. Фронт же обвинял тыл в политиканстве, в поглощении на различные тыловые учреждения, ставки, Управления Военного Министерства, органы снабжения, окружные управления громадные массы офицерства и нижних чинов (что тоже было справедливо, так как в одной Ставке, по штату, состояло 1.500 офицеров), в неоказании помощи фронту предметами снабжения из-за канцелярской волокиты, в формировании негодных в боевом отношении новых частей, во взяточничестве, измене Верховному правителю и т. п. И когда разразилась катастрофа с Адмиралом Колчаком, то фронт, хотя и сильно ослабленный великим Сибирским походом, все же сохранил свою организацию и боеспособность и остался в Забайкалье для продолжения борьбы с советской властью, а тыл и составил ту военную категорию, которая хлынула в Маньчжурию при второй эмигрантской волне» [MRC, box 3, f. Дитерихс. 1930 —].

В середине февраля 1920 г. сформированный на добровольческих началах Особый Уссурийский отряд атамана Калмыкова, насчитывавший более 600 человек (казаки, офицеры, добровольцы, кадеты, моряки под командованием старшего лейтенанта И.Э. Вуича и морские стрелки Амурской речной флотилии), покинул Хабаровск с намерением вступить в бой с красными партизанами. Командование Хабаровским гарнизоном Калмыков временно передал Генерального штаба полковнику М.А. Демишхану⁹¹, начальнику штаба Хабаровского воинского района. Осознавая, что его отряд не сможет противостоять красным, Калмыков отказался от открытого столкновения и приказал своим подчиненным уходить в Китай.

Переход был очень тяжелым – часть бойцов отряда погибла от обморожения, ампутации нередко приходилось делать подручными средствами. В начале марта отряд был разоружен китайцами в Фугдине (Фуцзине), атаман Калмыков, генерал Суходольский и капитан 1-го ранга Безуар были арестованы. Ситуация для «калмыковцев» складывалась крайне неблагоприятно – китайцы готовы были их всех передать красным. Около 200 бойцов в самом деле были выдворены на советскую территорию, где их сразу уничтожили. Напряжение было настолько велико, что генерал Суходольский скончался от острого психического расстройства. Калмыкова спасло от выдачи, возможно, то обстоятельство, что он объявил китайцам о спрятанных им 37 пудах золота, местонахождение которого было известно лишь ему [Кручинин, 2014, с. 36, 40, 48]. Калмыков и Безуар были отправлены в Гирин. В сентябре 1920 г., согласно официальной версии, Калмыков при попытке к бегству был убит, а Безуар благодаря ходатайству Русского Морского Агента в Японии и Китае контр-адмирала Б.П. Дудорова получил свободу [Военная мысль, 1920, 27 сент.].

Помимо группы старшего лейтенанта Вуича в Маньчжурию в начале 1920 г. прибыло еще несколько небольших групп моряков: группы капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина и контр-адмирала Старка из Омска, группа капитана 1-го ранга Б.К. Шутова из Благовещенска и группа из Приморья.

В начале февраля 1920 г. в Харбине в связи с большим наплывом военных был организован «Комитет по разработке вопросов об устройстве, службе и довольствии офицеров, прибывших в полосу отчуждения из мест захваченных большевиками» под председательством генерала Плешкова [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 153, л. 116]. Впрочем, комитет не обладал достаточными денежными средствами и практически не имел жилищного фонда.

Большинство беженцев первые месяцы пребывания в Харбине жили в железнодорожных вагонах, размещавшихся на запасных путях Харбинского вокзала. Как отмечал в своем дневнике полковник И.С. Ильин⁹², прибывший с семьей в Харбин в начале февраля 1920 г., «наш вагон стоит в длинном ряду других вагонов, в которых все такие же беженцы, как и мы...» [Там же, ф. Р-6599, оп. 1, д. 8, л. 7]. Стоимость гостиничных номеров и сдаваемых в наем квартир была невероятно высока, местные домовладельцы стремились нажиться на вновь прибывших.

⁹¹ Демишхан Модест Александрович, 1888 г. р. Окончил Одесское горное училище (1905), Одесское пехотное юнкерское училище (1908), Главную гимнастическо-фехтовальную школу (1911), офицерский класс Военно-автомобильной школы (1915), ускоренный курс Николаевской военной академии (1917). Служил в 49-м пехотном Брестском полку и в Отдельном Корпусе пограничной стражи. Участник Первой мировой войны в составе 6-го Финляндского стрелкового полка. Капитан (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта, командир 25-го Екатеринбургского горных стрелков полка (1918), старший адъютант штаба 6-й Уральской горных стрелков дивизии, командир 21-го Челябинского горных стрелков полка (1919). Принимал участие в весеннем наступлении 1919 г., боях под Уфой, Златоустовской и Челябинской операциях. С августа 1919 г. начальник штаба Хабаровского военного района. После ухода Калмыкова Демишхан вскоре передал свои полномочия Хабаровской городской управе и тайно скрылся из города.

⁹² Ильин Иосиф Сергеевич, 1885 г. р. Окончил Морской корпус (1907) и Михайловское артиллерийское училище (1908). Участник Первой мировой войны. После ранения в 1914 г. служил в тыловых частях и преподавал в 1-й школе прапорщиков Юго-Западного фронта. Капитан. Член партии кадетов. В белых войсках Восточного фронта, штаб-офицер для поручений при управляющем военным ведомством Комуча, офицер для поручений при генерале Розанове, инспектор артиллерии в Семипалатинске, преподаватель артиллерийского училища в Омске. Ильин являл собой яркий пример той тыловой части офицерства, которая не принимая большевистского режима и сопротивляясь ему, тем не менее, не готова была умирать за это на фронте.

Даже номер гостиницы Офицерского гарнизонного собрания стоил 2–3 иены, что составляло около 300 сибирских рублей [Там же, л. 1]. Контр-адмирал М.И. Федорович, бывший командующий морскими силами на Дальнем Востоке, следовавший во Владивосток, но из-за случившегося там переворота застрявший в Харбине, устроил в своем вагоне, стоявшем на запасных путях в т. н. «Адмиральском тупике», общежитие для морских офицеров, оказывая материальную помощь особо нуждавшимся из тех скромных денежных средств, которыми располагал сам [Жемчужин, 2005, с. 149, 150].

Чтобы помочь выжить офицерам и их семьям командование Охранной стражи охотно брало офицеров на службу. Жалование простого стражника составляло 42 китайских (мексиканских) доллара в месяц [ГАРФ, ф. Р-6599, оп. 1, д. 8, л. 2]. Иногда к частям Охранной стражи прикомандировывались отдельные воинские подразделения. Например, в феврале 1920 г. к 1-му Заамурскому железнодорожному батальону было прикомандировано Управление воздушного флота Восточного фронта в составе пяти офицеров и одного классного чиновника (начальник – полковник П. Самойло) [Там же, ф. Р-6081, оп. 1, д. 153, л. 131].

Между тем, дни самой Охранной стражи были сочтены. 16 марта китайские солдаты захватили Главный штаб стражи в Харбине, сорвав с крыши здания российский флаг. На линии начались захваты китайскими войсками казарм и имущества Охранной стражи. Генерал Самойлов, обратившись с запросом к Хорвату о дальнейших действиях, получил указание подчиниться китайской администрации [Там же, д. 126, л. 73]. Вскоре Пекинское Министерство внутренних дел объявило о создании особого Бюро железнодорожной полиции.

Весной 1920 г. на территорию китайского Синьцзяна начали прибывать русские воинские части, отступавшие из Семиречья. Это были подразделения Отдельной Семиреченской армии генерал-майора Б.В. Анненкова (заместитель – генерал-майор А.И. Бакич), в состав которой входили и части бывшей Отдельной Оренбургской армии атамана А.И. Дутова, а также разрозненные небольшие отряды.

Первыми на китайскую территорию в районе города Чугучак 27 марта 1920 г. вышли части под командованием генерала Бакича (Северная группа Семиреченской армии): 1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии и Отдельная Сызраньская Егерская бригада, составлявшие в Семиречье Отряд им. атамана Дутова. Численность отступавших исчислялась в 1814 офицеров и военных чиновников, 8039 солдат и казаков, 785 членов семей военнослужащих и около пяти тысяч гражданских беженцев из Оренбургской и Уфимской губерний. Обязательным условием интернирования, выдвинутым китайскими властями, стала сдача практически всего оружия, включая револьверы и шашки офицеров. Было разрешено оставить лишь по четыре винтовки на часть для охраны денежных ящиков [Ганин, 2004, с. 111, 112].

Интернированные русские части и беженцы были размещены в 10-верстовой зоне на правом берегу реки Эмиль в 40 верстах от Чугучака. Первым делом беженцы стали обустриваться на месте, поскольку здесь не было никакого жилья. Строили бараки, шалаши, землянки. Китайскими властями были выделены для размещения беженцев сто юрт. Также были сооружены столовые и церковь. Вскоре на берегу Эмили сформировался своеобразный беженский город с правильной планировкой и русским комендантом.

Бакичу было разрешено сохранить в отряде прежнюю организацию и управление. В условиях неминуемого разложения командование отрядом стремилось поддерживать дисциплину, в отряде существовал военно-полевой суд, чем китайцы были весьма недовольны. Важным средством поддержания дисциплины и улучшения отношений с китайскими властями являлось соглашение Бакича с китайцами о возможности ареста любого чина отряда за оставление лагеря без особого разрешения и наказания провинившихся «без всякого снисхождения» [Там же, с. 113].

Практически одновременно с частями Бакича на китайскую территорию в районе Кульджи перешла Южная группа Семиреческой армии под командованием генерал-майора Н.П. Щербакова, последнего атамана Семиреченского казачьего войска, а также отряд полковника П.И. Сидорова, имевший самостоятельное управление и державшийся ранее в районе Хоргоса и Кольджата [Шулдяков, 2004, с. 72]. По другой версии, приводимой в воспоминаниях сотника В.Н. Ефремова, небольшая группа семиреченских казаков во главе с генералом Щербаковым и полковник Сидоров с несколькими офицерами Отдельной Кульджийской стрелковой бригады ушли в Китай вместе с отрядом атамана Дутова [Крах белой мечты, 2016, с. 36].

Партизаны генерала Анненкова совместно с несколькими оренбургскими казачьими частями численностью более четырех тысяч человек первоначально обосновались у перевала Сельке в горах Джунгарского Алатау недалеко от русско-китайской границы, сформировав лагерь, получивший название «Орлиное гнездо», с намерением развернуть партизанскую войну против красных [Шулдяков, 2004, с. 87]. Вынужденное полуголодное сидение в горах вело к быстрому разложению анненковских частей. Вскоре между анненковцами и оренбуржцами разгорелись распри, поводом для чего стало жестокое уничтожение анненковцами нескольких семей оренбургских казаков. Оренбуржцы расправились с насильниками, после чего в конце апреля 1920 г. Орлиное гнездо покинул 1-й Оренбургский казачий полк, возглавляемый войсковым старшиной Н.Е. Завершинским. В конце мая оставшиеся под командованием Анненкова около 1,5 тыс. человек (бывшие лейб-атаманцы, кирасиры, личные конвойцы, артиллеристы и личный оркестр генерала) покинули Орлиное гнездо и перешли китайскую границу в районе села Джимпань [Шулдяков, 2004, с. 91].

Генерал Бакич, узнав об интернировании анненковцев, обратился с просьбой к китайским властям не размещать их ближе чем на сто верст от лагеря на реке Эмиль, в противном случае такое соседство грозило эксцессами и столкновениями. Китайцы сочли за лучшее разместить Анненкова и его людей на берегах реки Боротала, значительно южнее Чугучака. Здесь был создан еще один русский лагерь, вскоре получивший название «Веселый» [Наземцева, 2013, с.20].

В мае 1920 г., преодолев практически непроходимый в это время года высокогорный перевал Кара-Сарык, русско-китайскую границу пересек небольшой отряд под командованием атамана Дутова (около 300 человек). Дутов после передачи в начале 1920 г. командования армией атаману Анненкову выполнял в Семиречье формальные функции гражданского губернатора и не имел под своим началом войск. Оренбургский атаман и часть его людей были размещены в Суйдине (40 км к северо-западу от Кульджи), где они заселились в оставшихся незанятыми китайскими войсками казармы на территории бывшего русского консульства. Часть беженцев расположилась в китайских поселках поблизости – Мазаре и Чимпанцзы. Вскоре к Дутову присоединились Оренбургский казачий полк Завершинского (разместился в Мазаре) и отдельные группы оренбуржцев.

Летом 1920 г. под руководством атамана Дутова сосредоточилось более тысячи человек. Генерал Щербаков и полковник Сидоров со своими людьми перебрались в Кульджу. Однако Дутов, несмотря на поступавшие ему предложения, в Кульджу переезжать отказывался, будучи крайне негативно настроенным против местных притонов и разгула, которому предавались некоторые беженцы [Ганин, 2006а, с. 348].

Положение военных беженцев, оказавшихся в Синьцзяне, было очень тяжелым. Найти работу было практически невозможно, денежные средства и продовольственные припасы, которыми располагало руководство русскими воинскими частями, были крайне невелики. В этой ситуации в мае 1920 г. генерал Бакич конфисковал в Чугучаке все серебро бывшей Семиреченской армии (243 пуда), а также реквизировал скот (8 тыс. баранов), закупленный кол-

чаковским правительством на нужды армии⁹³. Эти действия были вполне оправданными, но Бакич не поделился серебром с другими отрядами, о чем ему мягко выговорил в одном из писем атаман Дутов [Ганин, 2006а, с. 350]. Некоторые средства поступали беженцам от русских консульств⁹⁴ и из Забайкалья от атамана Семенова через представителя Оренбургского казачьего войска в Забайкалье генерал-майора Н.С. Анисимова. Однако кардинально это ситуацию не меняло, а отсутствие перспектив на будущее подталкивало людей к возвращению на родину. Свою лепту в разложение беженской массы вносили и большевистские агитаторы, проникавшие в беженские лагеря.

Первоначально Бакич, имевший в своем подчинении самый крупный воинский контингент, пытался препятствовать уходу беженцев, но уже в мае отказался от этих попыток. Возвращавшихся в Россию провожали всем лагерем с молебнами и клятвами не поднимать оружия против своих братьев, оставшихся в эмиграции. В результате массовой репатриации к концу лета 1920 г. в лагере на реке Эмиль осталось только 6746 человек, из них 1468 офицеров и 3557 солдат [Ганин, 2004, с. 119]. Часть офицеров, имея разногласия с Бакичем, были откомандированы из отряда или ушли сами, с целью пробраться в Маньчжурию⁹⁵. Отток беженцев наблюдался и из «Веселого» лагеря генерала Анненкова, где к августу 1920 г. осталось 670 человек [Шулдяков, 2004, с. 91].

Разложение и распыление белых частей в Сынцзяне существенно снижали шансы на продолжение антибольшевистской борьбы. Между тем, часть военных руководителей рассматривали пребывание в Китае, как временную передышку, накопление сил для нового витка противостояния. Наиболее деятельное участие в подготовке нового антибольшевистского выступления принимал атаман Дутов. Попытки наладить связь с востоком оказались неудачными. Для этой цели в Забайкалье еще в конце декабря 1919 г. был командирован генерал И.Ф. Шильников (командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса). Однако атаман Семенов не принял прибывшего в начале мая 1920 г. в Читу Шильникова, предписав ему покинуть Забайкальскую область в течение 48 часов. Семенов, видимо, не забыл конфликта с Шильниковым в июне 1918 г. и соперничества за пост Войскового атамана Забайкальского казачьего войска⁹⁶. После неудачи своей миссии Шильников остался на ст. Маньчжурия. В фев-

⁹³ Действия генерала Бакича вызвали возмущение русского дивизиона в Пекине во главе с князем Кудашевым, который даже обратился к китайским властям с просьбой конфисковать серебро у генерала.

⁹⁴ После закрытия русских консульств китайскими властями весной 1920 г. их высокопоставленные сотрудники были вынуждены выехать в Пекин. Так, в мае 1920 г. Сынцзян покинул много сделавший для белых кульджийский консул В.Ф. Люба, в ноябре – чугучакский консул В.В. Долбежев. В то же время часть сотрудников консульств остались на местах старой дислокации, поддерживая связи с белыми и нередко работая на иностранные разведки.

⁹⁵ Например, из отряда еще до отступления на китайскую территорию был удален генерал-майор И.Н. Никитин, командир Отдельной Сызранской Егерской бригады. В дальнейшем он с другими офицерами пытался пробраться в Маньчжурию через территорию Монголии, здесь был мобилизован в части генерала Унгерна, а позднее оказался в Приморье, где служил в войсках Временного Приамурского правительства (командир Отдельного Амурского стрелкового отряда, с 1 мая 1922 г. – помощник командира 3-го корпуса). Участвовал в Хабаровском походе. В сентябре 1922 г. – первый заместитель командующего Поволжской группой войск, генерал-лейтенант. В мае 1920 г. в Маньчжурию выехали адъютант Бакича А. Афанасьев и подполковник С.И. Цветков. Весной 1920 г. в Маньчжурию был отправлен в сопровождении доктора генерал-майор Н.М. Комаровский (начальник Отдельной егерской бригады Оренбургского казачьего войска), потерявший еще в конце 1919 г. в результате ранения ногу.

⁹⁶ Конфликт между Семеновым и Шильниковым, тогда членом Временного Правительства Забайкальской области, в июне 1918 г. разгорелся якобы в связи с приказом Шильникова о введении выборного начала в полковых судах. Но главной причиной, по мнению С.А. Таскина, также члена Временного Правительства, являлась личность самого Шильникова, которого он характеризовал, как «человека резкого и неуживчивого, мелочного и желчного; постоянно и в резкой форме критиковавшего работу членов отряда [ОМО]». Шильников был отстранен от своей должности и формально выехал в отпуск на ст. Хайлар [Романов, 2013, с. 134, 135]. В октябре 1918 г. генерал был подвергнут аресту в Чите по обвинению в «социалистических взглядах», но вскоре освобожден, после чего выехал в Иркутск. Возглавлял 4-ю Иркутскую конную бригаду, осуществлявшую успешные боевые действия против партизан на территории Минусинского уезда. В августе 1919 г. прикомандирован к штабу атамана Дутова, чрезвычайный уполномоченный командующего Оренбургской армией по охране общественного спокойствия и государственного порядка в Тургайской области. С ноября 1919 г. командир 1-го Оренбургского казачьего корпуса, участник Голодного похода Оренбургской армии.

рале 1920 г. Дутов отправил в Маньчжурию и Пекин специальную военно-дипломатическую миссию во главе с генерал-майором И.М. Зайцевым. Эта миссия также закончилась безрезультатно, генерал Зайцев осел в Шанхае.

Не имея большой надежды на поддержку с востока, Дутов установил связи с несколькими подпольными офицерскими организациями в Семиречье, наиболее известной из которых была организация в Верном, возглавляемая войсковым старшиной С.Е. Бойко⁹⁷. Существовали контакты и с басмачами Ферганы. В августе 1920 г. Дутов издал приказ об объединении всех русских воинских частей в Илийско-Тарбагатайском крае в составе Отдельной Оренбургской армии под своим командованием и потребовал подчинения себе со стороны командиров отдельных отрядов [Ганин, 2004, с. 129]. Однако атаман Анненков к этому времени уже договорился с китайцами о переброске его отряда в Маньчжурию, а генерал Бакич, считая план Дутова поднять восстание в Семиречье утопичным и не желая терять самостоятельности, отказался подчиниться. Острый конфликт разгорелся между Дутовым и генералом Щербаковым, который провел около месяца в китайской тюрьме якобы по доносу оренбургского атамана. Дело дошло до того, что Щербаков вызвал Дутова на дуэль и тот ответил согласием. Впрочем, благоразумие восторжествовало и было решено перенести поединок до возвращения на родину [Ганин, 2006а, с. 359]. По-видимому, наиболее деловые отношения у Дутова установились с полковником Сидоровым, чей отряд периодически делал вылазки на советскую территорию⁹⁸.

Несмотря на первые неудачи подчинить себе командиров самостоятельных отрядов, Дутов не сложил руки и занялся реорганизацией находившихся под его командованием частей. К концу 1920 г. отряд Дутова состоял из 1-го Оренбургского казачьего полка (Мазар), Семиреченского пластунского батальона численностью в 80 человек (Суйдин), кадрового пластунского батальона (Чимпанце, 2 сотни), атаманской батареи, конвойной и особой сотни, инженерной и комендантской команд. Существовали отрядный суд чести и гауптвахта [Там же, с. 355].

Летом 1920 г. китайские власти Тарбагатайского уезда, стремясь добиться распыления русских воинских частей, приложили немало сил, чтобы уговорить генерала Анненкова перебраться в Пекин, а его части перевести вглубь китайской территории. В конце концов, Анненков дал согласие на перемещение своих бойцов в район Урумчи. В середине августа три эшелона с анненковцами двинулись вглубь Китая [Наземцева, 2013, с. 31].

В Урумчи китайцы развернули работу по разложению отряда, добившись ухода части анненковцев в Россию. В феврале 1921 г. была достигнута договоренность о продолжении перемещения русских подразделений. Эшелоны с офицерами и бойцами были направлены в Гучен, где китайские власти, узнав, что русские незаконно сохранили у себя много оружия, отказались от дальнейшего их снабжения продовольствием. В ответ на это анненковцы взяли город в осаду. Достичь перемирия удалось только в апреле в обмен на сдачу русскими оружия (кое-что из оружия все-таки вновь удалось спрятать). После возобновления снабжения русские части двинулись дальше на восток. Но после отбытия первых эшелонов с лейб-атаманцами и кирасирами из Гучена Анненков был арестован китайцами и водворен в тюрьму в Гучене, позднее переведен в Урумчи, где находился до января 1924 г. [Там же; НИА. Serebrenikov Papers, box 21, f. 21.6].

Сначала оставшиеся без командира анненковские части хотели возвратиться в Гучен и отбить атамана силой, но не все поддержали эту идею. Два месяца лейб-атаманцы и кирасиры находились в Хами, после чего решили следовать дальше на восток. По требованию китай-

⁹⁷ Согласно точке зрения В.А. Шулякова, большая часть т. н. белого подполья в Семиречье была плодом деятельности ЧК, которая стремилась таким образом репрессировать оставшиеся на этой территории и отказавшиеся от дальнейшей борьбы офицерские кадры и разгромить контрреволюционные центры в эмиграции.

⁹⁸ В конце 1920 г. отряд полковника Сидорова совершил крупный рейд по территории Семиречья, но поднять население на восстание не удалось. Прорвавшись с потерями из Семиречья, отряд возвратился в Китай.

ской стороны продвижение разрешалось только небольшими группами по 20–30 человек по маршруту Аньсичжоу – Ланьчжоу – Гуйхуачен – Баотоу – Пекин – Тяньцзинь. Весь конный состав анненковцами был продан, поэтому до Баотоу добирались на арбах, далее до Пекина – по железной дороге [Шулдяков, 2004, с. 107].

Часть Лейб-атаманского полка во главе с полковником П.Д. Иллариным в апреле 1922 г. прибыла в Южное Приморье, где анненковцы присоединились к 3-му «капеллевскому» корпусу Дальневосточной армии⁹⁹. Атаманский конвой (40 человек), возглавляемый начальником штаба Анненкова полковником А.Н. Денисовым, остался в Гучене, надеясь на скорое освобождение атамана. Другие части расплылись по китайской территории [Наземцева, 2013, с. 32].

Осенью 1920 г. очень тяжелое положение сложилось в отряде генерала Бакича. Бойцы практически не имели работы. Скучное финансирование, плохое снабжение продовольствием постоянно создавали угрозу голода, особенно большие опасения вызывала приближающаяся зима. Тяжелые условия способствовали дальнейшему разложению отряда. Некоторые офицеры уехали в Монголию, обосновавшись в Урге. Участь многих из них была трагичной – одни были убиты китайцами, другие – мобилизованы на службу в Азиатскую конную дивизию генерала Унгерна¹⁰⁰ и погибли в монгольских степях. Часть ушедших из отряда Бакича военнослужащих объединялись в банды, действовавшие в районе Чугучака. По некоторым данным, осенью 1920 г. у Бакича осталось менее трех тысяч человек, около половины из которых являлись офицерами. Из оружия в распоряжении бойцов имелось лишь 108 винтовок [Ганин, 2004, с. 133].

В середине осени 1920 г. к поредевшему отряду генерала присоединились повстанцы, отступившие через Монголию в район Чугучака с территории Алтайской и Семипалатинской губерний. Один из отрядов возглавлял есаул Сибирского казачьего войска Д.Я. Шишкин. Всего под его командованием было около 800 человек. Повстанцы имели в своем распоряжении некоторое количество оружия [Там же].

Китайские власти, первоначально настроенные дружелюбно в отношении Бакича, постепенно стали проявлять все большее недовольство действиями разлагающегося русского воинства и недоверие к русскому военному руководству, особенно после обнаружения нескольких складов оружия и боеприпасов, закопанных у границы. Бакич отрицал принадлежность оружия его бойцам, сваливая все на анненковцев, но китайцы ему не поверили. Окончательно настроила китайские власти против белых русских военная авантюра генерала Унгерна в Монголии, предпринявшего в начале 1921 г. попытку создания независимого монгольского государства¹⁰¹.

Кроме того, отношения между генералом Бакичем и атаманом Дутовым продолжали оставаться очень напряженными. Нежелание Бакича признать верховенство Дутова и готовить совместное вторжение на советскую территорию заставили атамана в январе 1921 г. объявить об отстранении Бакича от командования и назначить новым начальником отряда генерал-майора А.С. Шеметова, а начальником штаба – полковника С.И. Кострова [Там же, с. 138, 139]. Бакич приказу не подчинился. Ситуация грозила перерасти в более серьезное противостояние, но в начале февраля 1921 г. атаман Дутов был убит агентами-чекистами в его штаб-квартире в Суйдине. Ликвидация атамана стала частью развернувшейся еще осенью 1920 г. активной

---

⁹⁹ В Приморье полковник Илларинов сформировал Анненковский дивизион, который осенью 1922 г. состоял из 287 человек. Дивизион отличился в столкновениях с красными летом – осенью 1922 г. В октябре 1922 г. Анненковский дивизион был включен в сводный отряд генерала Ястребцова в составе Поволжской группы генерала Молчанова, с которой и перешел границу Китая в районе Хуньчуна.

¹⁰⁰ Захватив Ургу, войска генерала Унгерна освободили из китайской тюрьмы несколько десятков русских офицеров, часть из которых была мобилизована Унгерном в свои войска.

¹⁰¹ В начале 1921 г. барон Унгерн предпринял попытку присоединить к своим частям корпус Бакича. К Бакичу был направлен полковник Оренбургского казачьего войска В.Н. Доможиров с целью организовать переброску войск Бакича в район Урги. Однако наладить связь не удалось. Бакич не принял идеи Унгерна о создании теократического государства в Монголии и устранился от ведения совместных боевых действий.

борьбы ЧК с белым вооруженным подпольем в Семиречье и эмиграции. Чекисты имели своих агентов в ближайшем окружении Дутова, Бакича и других белых руководителей. Известно, что на Семиреченскую ОблЧК работала гражданская жена Бакича, А.М. Ишимова, отец которой М.П. Поверяев являлся секретным сотрудником ЧК, имевшим задание способствовать разложению белой эмиграции [Ганин, 2011, с. 71].

После гибели Дутова его отряд возглавил полковник Т.В. Гербов, начальником штаба стал подполковник П.П. Папенгут¹⁰². Однако Гербов продержался недолго. В отряде разгорелись интриги, не последнюю роль в которых играл главный отрядный священник – игумен Иона¹⁰³, поддерживавший в борьбе за лидерство начальника хозяйственной части отряда подесаула А.Я. Арапова. Важным было и то, что игумен Иона имел доступ к отрядным деньгам, хранившимся в Кульдже¹⁰⁴. В конце концов, Иону удалось командировать в Китай с докладом о тяжелом положении беженцев в Сынцзяне¹⁰⁵.

После гибели атамана Дутова генерал Бакич предпринял попытку поставить во главе дутовского отряда своего ставленника генерал-майора Н.П. Карнаухова, но потерпел неудачу. Тем не менее, в апреле 1921 г. полковник Гербов сложил свои полномочия в пользу войскового старшины А.З. Ткачева, в прошлом штаб-офицера для поручений при Походном атамане всех казачьих войск [Ганин, 2006а, с. 382]. Вскоре Ткачев избавился от своего конкурента в лице есаула Арапова, обвинив того в подготовке вооруженного выступления совместно с полковником Сидоровым и добившись заключения Арапова в Куринскую тюрьму, где тот провел полгода [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 34].

В отряде Бакича, который после смерти Дутова был переименован в Отдельный Оренбургский корпус, ситуация тоже была беспокойной. Часть офицеров высказывала недовольство конфликтом Бакича с атаманом Дутовым и выступала за смещение Бакича и присоединение к дутовцам. В роли главных «раскольников» выступили полковник Е.Д. Савин, командир Атаманского полка, неоднократно пытавшийся уйти со своими людьми к Дутову, но так и не получивший разрешения Бакича, есаулы Остроухов и Шишкин. При помощи китайской администрации генерал Бакич все же сумел нейтрализовать заговорщиков, они были арестованы и помещены в китайскую тюрьму [Ганин, 2004, с. 141].

В начале мая 1921 г. в лагерь на реке Эмиль прибыла очередная партия отступивших с российской территории повстанцев – «Народная армия» подхорунжего С.Г. Токарева, насчитывавшая более двух тысяч человек. Повстанцы имели достаточно оружия, включая четыре

¹⁰² Папенгут Павел Петрович, 1894 г. р. Окончил Ташкентский кадетский корпус и Михайловское артиллерийское училище (1914). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Член подпольной Туркестанской военной организации. В войсках атамана Дутова, офицер 1-го Егерского батальона Южной армии. Штаб-капитан. Штаб-офицер для поручений при атамане Дутове. Подполковник. Семьи не имел.

¹⁰³ Игумен Иона (в миру В.И. Покровский) имел ученое звание кандидата богословия и являлся приват-доцентом Казанской духовной академии. С началом Первой мировой войны о. Иона добровольно отправился на фронт (по другой версии, в 1917 г.), служил бригадным священником во 2-й армии Западного фронта, позднее главным священником 11-й армии. В 1918 г. был арестован большевиками, едва избежал гибели. В годы Гражданской войны занимал должность главного священника Оренбургской армии. Был одним из наиболее последовательных антибольшевиков и активно способствовал деятельности атамана Дутова по подготовке вооруженного выступления в Семиречье. Оказался замешан в деле убийства Дутова, так как именно он познакомил атамана с К.Г. Чанышевым, сотрудником ОГПУ, возглавившим операцию по ликвидации Дутова.

¹⁰⁴ Впоследствии полковник Гербов выдвинул против о. Ионы обвинение в присвоении им части отрядных сумм, впрочем никаких твердых свидетельств этого не было. Мнение о присвоении части войсковых средств о. Ионой придерживается, в частности, и А.В. Ганин [Ганин, 2005б, с. 155–157].

¹⁰⁵ Перед отъездом из Сынцзяна игумен Иона направил открытое прощальное письмо к отряду Дутова, где он, в частности, указал, что поездка в Пекин являлась волей покойного атамана и начала готовиться еще при его жизни. Иона надеялся попасть в Пекин в конце мая, но путешествие из-за китайских проволок продлилось девять месяцев, а изменившаяся к тому времени ситуация в Сынцзяне сделала задачу поездки о. Ионы неактуальной. В Пекине игумен Иона был принят на службу в Российскую Духовную миссию и возведен в сан архимандрита, а в сентябре 1922 г. – епископа Тяньцзиньского и Ханькоуского. Центром деятельности епископа Ионы стала ст. Маньчжурия, где он развернул активнейшую благотворительную деятельность и одновременно поддерживал тесные связи с антибольшевистскими силами.

пулемета. Токарев принял главенство Бакича и был произведен в полковники, а его «армия» включалась в состав Оренбургского корпуса в качестве 1-й Сибирской дивизии [Там же, с. 144].

Появление в лагере на Эмили «токаревцев» подтолкнуло китайские власти Тарбагатайского округа к принятию решения о ликвидации отряда Бакича. Для этого было заключено соглашение с красным командованием Туркестанского фронта, получившим возможность ввести свои войска на территорию округа для разгрома белых. У Бакича оставалась одна возможность – уйти на восток. Первоначально планировалось захватить Чугучак, чтобы обеспечить себя оружием. Но сосредоточение большого количества советских войск у границы, заставило отказаться от этой затеи и отступить с тем оружием, которое имелось.

В конце мая красные вошли в Чугучак и устроили здесь настоящую охоту за белыми офицерами, но лагерь на Эмили был уже пуст. Отряд Бакича численностью около 8,5 тыс. военных и гражданских беженцев в это время продвигался в глубь китайской территории навстречу пустыне Гоби. В результате тяжелейшего похода от голода, болезней и боевых потерь в столкновениях с красными до китайского Алтая добралась только половина беженцев [Там же, с. 149]. В июле 1921 г. корпус Бакича захватил крупный город Шарасумэ, центр китайского Алтая. Здесь генерал установил связи с Русско-инородческим отрядом Горного Алтая есаула А.П. Кайгородова.

Небольшой отряд Кайгородова обосновался на границе русского и китайского Алтая в начале 1921 г. (местечко Оралго), образовав что-то вроде «Алтайской сечи» [Серебренников, 1936, с. 128]. Первоначально в отряде было очень мало офицеров, но вскоре их количество увеличилось за счет беженцев. Начальником штаба есаула Кайгородова в марте 1921 г. стал бежавший с семьей из Кобдо во время резни русских монголами полковник В.Ю. Сокольников¹⁰⁶. В конце весны 1921 г. в ходе наступления войск генерала Унгерна на Кяхту и Троицкосавск, втянувшего в свою орбиту целый ряд белых отрядов в Монголии и на китайской Алтае, отряд Кайгородова захватил Кобдо. В июне кайгородовцы выступили в «поход на Россию», намереваясь пробиться в Сибирский Алтай. Однако успешные действия красных частей против войск Унгерна и выдача самого барона его же взбунтовавшимися бойцами красным¹⁰⁷, привела к изменению планов. Отряд Кайгородова, к которому в августе присоединился партизанский отряд атамана И.Г. Казанцева [Там же, с. 162], развернул боевые действия против красных в районе Кобдо.

В августе 1921 г. китайские провинциальные власти заключили новое соглашение с советским командованием об открытии границы для красных войск. Их целью являлось уничтожение частей генерала Бакича. В свою очередь, Бакич 4 сентября объявил приказ о выступлении своих войск в Россию. В это время в составе его корпуса (1-я и 2-я Оренбургские казачьи дивизии, 1-я Сибирская (Народная) дивизия, Сызраньская дивизия, конвой) находилось 2250 человек [Ганин, 2004, с. 164]. Через несколько дней корпус Бакича и отряд Кайгородова (800–900 бойцов) соединились у занятого красными монастыря (хурэ) Сарыл-гун.

Попытка захвата хурэ штурмом окончилась для белых неудачей. Не принесла успехов и последующая осада. Все это очень негативно сказалось на настроениях бойцов Кайгородова и

¹⁰⁶ Сокольников Владислав Юльевич. Окончил Константиновское артиллерийское училище (1904). Участник Первой мировой войны. Полковник Туркестанского стрелкового артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта, дежурный штаб-офицер штаба Верховного Главнокомандующего (1919), начальник штаба Партизанского инородческого отряда войск Горно-Алтайской области (1920).

¹⁰⁷ Остатки унгерновской Азиатской конной дивизии, возглавляемые полковником Островским и войсковым старшиной А.П. Костроминым, двинулись на восток, к Маньчжурии. Осенью 1921 г. территории Маньчжурии достигли лишь несколько сотен человек. Сдав оружие китайским властям в Хайларе, они частью расплылись, частью были переброшены в Приморье, где влились в Гродековскую группу генерала Глебова. Несмотря на обещание Глебова сохранить «унгерновцев» в качестве самостоятельного подразделения, они были рассредоточены по имевшимся частям. Причинами чего являлись их крайне низкая дисциплина и постоянное пьянство [Барон Унгерн, 2004, с. 482–487; Серебренников, 1936, с. 126]. Часть «унгерновцев», оказавшихся в Харбине, были арестованы китайскими властями. Те из них, кто был причастен к «активной деятельности», получили тюремные сроки [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 23086, л. 27].

Бакича. Целые группы, выйдя из подчинения командирам, покидали осаждаемый монастырь. В конце сентября часть распавшегося отряда Кайгародова¹⁰⁸ перешла под руководство полковника Сокольниковского и расположилась в Кобдо. В октябре казаки из 1-го и 2-го Оренбургских дивизионов Бакича (сформированы из Оренбургских дивизий) оставили своего начальника и ушли в Кобдо к Сокольниковскому [Серебренников, 1936, с. 137]. Во главе этой группы стояли полковник Д.В. Кочнев и войсковой старшина Эпов [Ганин, 2006, с. 167]. Бакич снял осаду Сарыл-гуна и с остатками своего отряда попытался пробиться в Россию, но был разбит и сдался монголам. Монголы выдали Бакича, Токарева и еще 20 руководителей отряда красным [Шулдяков, 2004, с. 338].

В конце октября 1921 г. отряд полковника Сокольниковского эвакуировался из Кобдо и двинулся на юг к китайскому Туркестану. В отряде находилось 670 человек, из «которых бойцов было 488 человек, сбитых в четыре сотни и пулеметную команду; около 100 человек было нестроевых и раненных и около 80 женщин и детей» [Серебренников, 1936, с. 183]. Добравшись с большим трудом до территории Китая, отряд в начале декабря был интернирован и размещен в лагере на реке Булугун [Там же, с. 192]. Начальником лагеря был назначен подъесаул И.А. Вошило [Краснощеков, 2015, с. 88]. В дальнейшем отряд партиями начали переводить в район Гучена. Последним туда в ноябре 1922 г. прибыл штаб Сокольниковского. В конце ноября 1922 г. своим последним приказом полковник Сокольниковский ликвидировал отряд. На протяжении декабря 1922 – февраля 1923 г. члены отряда были вывезены во Внутренний Китай, где осели в основном в Пекине, Тяньцзине и других населенных пунктах Северного Китая [Серебренников, 1936, с. 196, 197].

После разгрома Бакича единственным крупным руководителем антибольшевистского движения в Синьцзяне оставался полковник Сидоров. Осенью 1921 г. полковник перешел к строгой конспирации. Распустив слух о своей смерти, он жил в Кульдже и работал под вымышленным именем в одной из небольших кузниц¹⁰⁹. Возможно, Сидоров имел связи с генералом Щербаковым, которого агентура Туркестанского фронта считала председателем тайного военного совета, готовившего вооруженное вторжение на советскую территорию [Наземцева, 2013, с. 99]. В сотрудничестве с китайским генералом У Тайчжи, бывшим командиром Маньчжурской бригады Семиреченской армии, Сидоров разрабатывал план нового партизанского рейда в Семиречье. Однако в августе 1922 г. советским агентам, среди которых находился и один из бывших сослуживцев Сидорова, прапорщик К. Мухамедов, удалось заманить полковника на конспиративную квартиру, где он был убит [Крах белой мечты, 2016, с. 131, 132].

Гибель Сидорова заставила генерала Щербакова покинуть Кульджу с семьей и небольшим отрядом семиреченских казаков. Материальную помощь Щербакову оказал губернатор Синьцзяна Ян Цзэнсинь, передав ему через своих людей четыре тысячи китайских долларов серебром. Во время путешествия генерал заболел тифом и умер в сентябре 1922 г. в городе Сучжоу, где и был похоронен. Семья Щербакова и часть его офицеров добрались до Тяньцзина, откуда впоследствии выехали в США [BAR. Vorobchuk Papers, box 2]. Часть семиреченских казаков из окружения генерала обосновались в Шанхае.

Осенью 1920 г. белые воинские подразделения Забайкалья, находившиеся под общим командованием атамана Семенова, потерпели окончательное поражение и были вынуждены эвакуироваться на территорию Маньчжурии. В общей сложности китайскую границу перешли 8511 офицеров и 16289 солдат из «семеновских» и «каппелевских» частей [Фомин, 2000, с. 36]. В ноябре 1920 г. на ст. Цицикар генерал-лейтенант Г.А. Вержицкий, командующий Даль-

---

¹⁰⁸ Сам есаул Кайгародов погиб позднее в одном из столкновений с красными на советской территории.

¹⁰⁹ По информации советской разведки, в Кульдже и Урумчи у белых имелись свои кузницы для ремонта старого и производства нового оружия, и набивки патронов [Наземцева, 2013, с. 101].

невосточной армией, издал приказ, объявлявший войну с большевиками законченной и переводивший армию на трудовые начала [Ципкин, 2012, с. 163]. В январе 1921 г. было достигнуто соглашение с представителями Приморского областного управления о размещении частей бывшей Дальневосточной и Семеновской армий в Гродеково, Никольск-Уссурийском, ст. Раздольная и Владивостоке. Более 18 тыс. человек из подразделений этих армий были переброшены по железной дороге в Приморье. Первыми были отправлены 2-й и 3-й «каппелевские» корпуса. Из «семеновского» 1-го Забайкальского корпуса в Приморье перебрались 2300 человек, т. е. примерно половина личного состава. Остальные во главе с генерал-майором Г.Е. Мациевским осели в Трехречьи и районе Хайлара. На основе частей 1-го корпуса и других подразделений, сосредоточенных на западной линии КВЖД, стали формироваться новые белые соединения, которые атаман Семенов планировал использовать для возобновления боевых действий в Забайкалье.

Однако для многих офицеров и солдат, даже перебравшихся в Приморье, гражданская война казалась оконченной. Покинуть армию не воспрещалось, поэтому многие оставляли военную службу и переходили к мирной жизни. Это одинаково относилось и к офицерам и к нижним чинам. Так, например, генерал-лейтенант В.А. Кислицин, бывший начальник 1-й Сводной Маньчжурской дивизии 1-го Забайкальского корпуса¹¹⁰, после нескольких дней пребывания на ст. Маньчжурия оставил военную службу и уехал с женой в Харбин [Кислицин, 2010, с. 13].

Во время следования через полосу отчуждения целые подразделения Дальневосточной армии оставались в Харбине. Например, большая часть «уральцев» из состава Урало-Алтайского конного полка (3-й и 4-й эскадроны и пулеметная команда) после расформирования полка и распродажи лошадей на ст. Маньчжурия отказалась следовать в Приморье и осела в Харбине. В Харбине остался практически весь драгунский полк из состава Отдельной Волжской бригады [Восточный фронт, 2004, с. 607]. Иногда сами командиры частей стремились убрать из своих подразделений непригодный для продолжения антибольшевистской борьбы «материал» и побуждали тех, у кого были родственники в полосе отчуждения, оставить военную службу. По воспоминаниям бывшего штабс-капитана В.А. Морозова, являвшегося в то время офицером Сибирского казачьего полка, командир полка полковник Ф.Л. Глебов, узнав, что у Морозова есть родственники в Харбине, настоял на том, чтобы Владимир Александрович, юрист по образованию, офицер военного времени, уволился из части и уехал в Харбин [РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 17, л. 60].

Большую активность в разложении остатков Дальневосточной армии проявили большевики. Опираясь на обещание советского правительства о прощении участникам Белого движения, они агитировали военнотружущих Белой армии возвращаться на родину. Благодаря большевистской пропаганде в конце 1920 г. в Харбине под руководством полковника М.Г. Смыслина (бывший помощник командира Добровольческого Егерского отряда) при участии харбинских коммунистов была создана «Главная комиссия по реэвакуации бывших белых армий на родину». Руководство комиссии в результате переговоров с представителями правительства ДВР на ст. Маньчжурия достигло соглашения о гарантиях неприкосновенности возвращающимся на родину офицерам и солдатам. Вскоре подкомиссии по реэвакуации были

---

¹¹⁰ Кислицин (Кислицын) Владимир Александрович, 1879 г. р. Окончил Холмскую гимназию (1897), Одесское пехотное юнкерское училище (1900) и ускоренный курс Офицерской кавалерийской школы (1908). Служил в Отдельном Корпусе пограничной стражи. Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир Стрелкового полка 11-й кавалерийской дивизии. Полковник (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. С 1918 г. в армии гетмана П.П. Скоропадского, командир конной бригады, корпуса. В 1919 г. прибыл на Северный фронт, откуда перебрался в армию адмирала Колчака. Командир 2-й бригады 2-й Уфимской кавалерийской дивизии, помощник командира дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник 1-й отдельной кавалерийской бригады, затем начальник 1-й Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии 1-го Забайкальского корпуса. В сентябре 1920 г. был отстранен от командования дивизией по причине оставления ее 1-й бригадой боевых позиций и причислен ко 2-му корпусу Дальневосточной армии.

созданы на нескольких станциях КВЖД. Они вели регистрацию военнослужащих и членов их семей. Первая партия бывших белых в количестве 236 человек выехала в ДВР в конце декабря 1920 г. Всего удалось реэвакуировать около полутора тысяч человек. Большая часть из них сразу по возвращению в Россию были репрессированы – расстреляны или направлены на принудительные работы [Ципкин, 2012, с. 35–37]. Подлость большевиков способствовала сплочению оставшихся в рядах Белой армии бойцов и активизации антисоветской борьбы [Последние бои, 2005].

В мае 1922 г. Военный совет Народно-революционной армии ДВР создал «Комиссию по эвакуации военнопленных и добровольно перешедших белоармейцев», которая должна была развернуть широкую агитацию по возвращению русских военнослужащих на родину и разработать план по их эвакуации в ДВР и Советскую Россию. Уполномоченные Комиссии работали как на фронте, так и на линии КВЖД, согласовывая свои действия с политорганами НРА, подпольщиками Харбина и партизанами. За период своей деятельности до сентября 1922 г. Комиссия организовала выезд в ДВР 3400 солдат и офицеров Белой армии [Ципкин, 2012, с. 231].

Сохранение старых и формирование новых воинских подразделений из белых русских в бывшей полосе отчуждения КВЖД было возможным только благодаря давлению на китайские власти японцев, заинтересованных в сохранении своих позиций на российском Дальнем Востоке. Согласно сведениям советской стороны (впрочем, относится к ним нужно с известной долей осторожности), к организации новых белых отрядов в полосе отчуждения имели отношение бывший командующий Дальневосточной армией генерал-лейтенант Н.А. Лохвицкий, являвшийся до 1923 г. представителем белых в Харбине¹¹¹, и ряд офицеров Генштаба, направленных в Маньчжурию из Гродеково, где располагались штаб и части бывшей Семеновской армии (командующий до сентября 1921 г. – генерал-лейтенант Н.И. Савельев, бывший командир 1-го Забайкальского корпуса). Как сообщают документы штаба РККА, в районе пос. Маньчжурия генералом Мациевским и полковником Хребтовым был сформирован из оставшихся 560 татар Уфимской стрелковой дивизии 2-й Маньчжурский стрелковый полк. Этот полк включался в состав формирующейся в Цицикаре 2-й Маньчжурской дивизии наряду с Цицикарским стрелковым полком. Здесь же располагалась 1-я Забайкальская пехотная дивизия [РГВА. ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 5]. На участке от ст. Маньчжурия до Хайлара шло формирование охранной стражи [вероятно, имеется ввиду внутренняя охрана железнодорожной полиции – С.С.], на начало 1921 г. была набрана тысяча. По сообщениям информатора, «ожидался наплыв людей армии противника, поступивших в распоряжение «Домов Трудолюбия», где насчитывалось до 4 тысяч офицеров и солдат, вооруженных огнестрельным оружием, которое скупается белогвардейцами не только в Маньчжурии, но и в Приморье. Помимо этого в Хайларе, видимо, существует целая артбаза, которая снабжает также белогвардейцев в Монголии» [РГВА, ф. 7, оп. 2, д. 544, л. 5].

На февраль 1921 г. боевое расписание штаба РККА давало сведения о нескольких белых отрядах, располагавшихся на западной линии КВЖД. Отряд Сербиновича на тракте Сахалин – Цицикар в 700 человек, отряд Шильникова на Далай-Норе в 50 человек, отряд А. Погадаева в пос. Маньчжурия в 400 человек, отряд Комаровского в Ван-Курене, отряд Галинова на реке Ульдза в 200 человек и отряд Топхаева в Кирылуне в 60 человек [Там, л. 8]. Существовали связи между белыми отрядами в Западной Маньчжурии и войсками барона Унгерна в Монголии. В качестве представителей Унгерна в Маньчжурии некоторое время работали есаул А. Погадаев и войсковой старшина А.П. Костромин [Барон Унгерн, 2004, с. 104, 628].

¹¹¹ В одном из писем Моравскому генерал-майор Б.П. Васильев (в 1920 г. помощник начальника Сводно-Маньчжурской стрелковой атамана Семенова дивизии) сообщает, что в распоряжении генерала Лохвицкого якобы имеется 3 млн. золотых рублей и «на этом он строит какие-то комбинации» [НИА. Moravskii Papers, box 10, f. 32].

В Харбине к формированию нового Забайкальского корпуса летом 1921 г. был привлечен генерал Кислицин. Находившийся в это время в Гродеково атаман Семенов назначил его корпусным командиром [Кислицин, 2010, с. 13]. Начальником Забайкальской казачьей бригады в составе корпуса был назначен генерал-майор Т.И. Артамонов [Купцов, 2011, с. 30].

В это же время, также как в 1918 г., в Харбине стали появляться организации, призывавшие к объединению эмигрантов-патриотов для дальнейшей борьбы против большевиков. Одна из таких организаций – Военно-Народный Национальный Союз – была учреждена в марте 1921 г. пятью находившимися не у дел генералами: П.А. Бобриком, А.Н. Вагиным, Е.К. Вишневым, С.М. Изергиным и Н.В. Лебедевым. Целью создания Союза объявлялось «оказание посильной помощи делу Национального возрождения России, широкого объединения антикоммунистических сил, создания единой Народной армии на подлинно национальных началах, армии, скованной единым стремлением отдать себя на бескорыстное служение Народу и Родине» [MRC. Varguin Papers, box 1, f. 1.13]. Однако в условиях крайнего падения популярности Белого движения в Харбине и полосе отчуждения КВЖД подобного рода организации не могли рассчитывать на серьезную поддержку со стороны общественности. Вскоре один из учредителей Союза генерал Вишневыский уехал в армию в Приморье, генерал Бобрик переехал в Тяньцзинь и организация прекратила свое существование, практически и не начав ее.

Также нужно учитывать, что в белом лагере существовали глубокие противоречия, крайне негативно сказывавшиеся на перспективах продолжения вооруженной борьбы против советской власти. Особенно напряженными были отношения между семеновцами и каппелевцами. Каппелевцы после прихода в Забайкалье хотя и признали главенство атамана Семенова, как преемника адмирала Колчака, но тем не менее считали атамана одной из главных причин крушения Восточного фронта, а его попытки начать переговоры с правительством ДВР восприняли как предательство и после перемещения в Приморье заявили о своем полном разрыве с Семеновым.

Постоянные междоусобицы и крайне неблагоприятное материальное положение стали причинами ухода части офицеров с военной службы в Приморье¹¹². Так, например, один из наиболее выдающихся кавалерийских командиров, генерал-лейтенант К.П. Нечаев¹¹³ (командир Сводной кавалерийской бригады Южно-Уссурийского района), весной 1921 г. уволился из армии и уехал в Харбин, где вместе с женой занялся извозным промыслом [Купцов, 2011, с. 372].

В результате майского 1921 года военного переворота во Владивостоке, организованного семеновскими частями под руководством генерал-майора Д.А. Лебедева¹¹⁴, к власти в Приморье пришло Временное Приамурское правительство братьев Меркуловых. Не желая расста-

¹¹² Тяжелое положение белых частей в Приморье иллюстрируют воспоминания, представленные в сборнике «Последние бои на Дальнем Востоке» (М., 2005).

¹¹³ Нечаев Константин Петрович, 1883 г. р. Окончил кадетский корпус (1902) и Тверское кавалерийское училище (1904). Участник Первой мировой войны в составе 5-го драгунского Каргапольского полка. Полковник (1917). В белых войсках Восточного фронта. Командир 1-го Казанского кавалерийского полка Народной армии Самарского Комуча, командир Волжской кавалерийской бригады 1-го Волжского армейского корпуса. Генерал-майор, кавалер ордена св. Георгия IV ст. (1919). Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир Волжского драгунского полка, начальник гарнизона Читы, начальник 1-й Сводной Маньчжурской дивизии. Генерал-лейтенант (1920).

¹¹⁴ Лебедев Дмитрий Антонович, 1883 г. р. Окончил Сибирский кадетский корпус (1900), Михайловское артиллерийское училище (1903) и Николаевскую военную академию (1911). Участник русско-японской и Первой мировой войн, штаб-офицер для поручений генерал-квартирмейстера при Верховном Главнокомандующем, старший адъютант штаба 24-го армейского корпуса. Полковник (1917). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. Участвовал в выступлении генерала Л.Г. Корнилова, формировании и боевых действиях Добровольческой армии на Юге России. Направлен в качестве представителя Добровольческой армии в Сибирь. Принял участие в Омском перевороте в пользу адмирала Колчака. Врио начальника штаба Ставки Верховного Главнокомандующего и военный министр Омского правительства. Генерал-майор (1919). После провала Челябинской наступательной операции снят с должностей, командующий Степной отдельной группой войск. По мнению генерала Будберга, Лебедев был одним из главных виновников поражений армии Колчака. Участник Сибирского Ледяного похода. С февраля 1920 г. директор Русского Восточного кадетского корпуса во Владивостоке.

ваться с властью в пользу атамана Семенова, Меркуловы оперлись на каппелевцев, запретив, в конце концов, Семенову въезд в Приморье¹¹⁵. Семеновская Гродековская группа войск, подчинявшаяся только Главнокомандующему всеми вооруженными силами Российской Восточной окраины, осенью 1921 г. была вынуждена признать новое правительство¹¹⁶.

Падение влияния атамана Семенова в Приморье негативно сказалось на положении его частей, располагавшихся в бывшей полосе отчуждения КВЖД. Генерал Кислицин после отбытия Семенова из Гродеково отказался от попыток сформировать корпус в Харбине и окончательно отошел от дел [Кислицин, 2010, с. 13]. Часть находившихся в его подчинении офицеров выехала в Приморье. Приамурское правительство, стремясь контролировать вооруженные формирования на западной линии КВЖД, объявило их Забайкальским фронтом и поставило во главе фронта своего представителя генерала Шильникова, известного антагониста атамана Семенова. По советским данным, численный состав белоповстанцев в конце лета – начале осени 1921 г. составлял около двух тысяч человек [Фомин, 2000, с. 38].

Приамурское правительство возлагало на Забайкальский фронт большие надежды, стремясь поднять антибольшевистское движение в Забайкалье. В этих целях Шильников разделил Забайкальскую и Прибайкальскую (Бурятия) области на оперативные районы, во главе которых стояли организаторы. Из документов, перехваченных советской разведкой, известно, что организатором Сретенско-Нерчинско-Удинского оперативного района являлся некто Богатырев, Акшинского – Топорков, Верхнеудинского – Вольдемаров, Селенгинско-Чикойского – Марков. В эти районы для развертывания подпольной деятельности со ст. Маньчжурия тайно направлялись офицеры. Особое внимание уделялось работе в среде бывших красных партизан, недовольных приказом главнокомандующего Народно-революционной армии ДВР В.К. Блюхера о роспуске партизанских отрядов. При этом подчеркивалось, что ни о каком воскрешении семеновщины не может идти и речи, фигура атамана Семенова также не приемлема для белоповстанцев, как и для красных партизан и населения. Антибольшевистское выступление в Забайкалье планировалось осуществить летом 1922 г. [Соловьев].

Вместе с тем, положение генерала Шильникова, как командующего Забайкальским фронтом, было весьма непрочным. Те казаки-эмигранты, которые ориентировались на атамана Семенова, не особо поддерживали его. В январе 1922 г. атаман Семенов назначил своего командующего Забайкальским фронтом – генерал-майора Ф.К. Мыльников [Шильников и Мыльников – нарочно не придумаешь! – С.С.], штаб которого располагался в Хайларе. Здесь же в Хайларе с конца 1920 г. размещался особоуполномоченный атамана генерал-майор С.А. Бирюков. Даже подчинение Шильникову приказом Приамурского правительства в мае 1922 г. войскового атамана Забайкальского казачьего войска Г.М. Семенова и Войскового правления в лице генерал-лейтенанта А.П. Бакшеева¹¹⁷, а также наделение правом призывать в войска

¹¹⁵ Временное Приамурское правительство обвинило атамана Семенова в разграблении казны, гибели армии и поражении национального дела, в наличии у него планов отторжения части государственной территории «в пользу одной из иностранных держав». Некоторое время Семенов находился в Гродеково, потом со своим ближайшим окружением выехал в Корею, оттуда в Японию и, наконец, на некоторое время остановился в Шанхае. В начале 1922 г. в Тяньцзине состоялась встреча («съезд») Семенова с представителями Совета уполномоченных организаций Автономной Сибири (СУОАС), где был подписан договор о вхождении атамана в состав автономного сибирского правительства «немедленно по освобождении всего Дальнего Востока и Восточной Сибири» [Аблажей, 2003, с. 29, 30].

¹¹⁶ Глава Гродековской группы войск генерал-лейтенант Ф.Л. Глебов в ноябре 1921 г. был отстранен от занимаемой должности и предан военному суду за невыполнение распоряжений высшего военного руководства. В феврале 1922 г. он был осужден к временному заключению в крепости на срок в 1 год и 4 месяца, но уже в марте в связи с изменившейся обстановкой был освобожден и восстановлен во всех своих правах и привилегиях.

¹¹⁷ Бакшеев Алексей Проклович, 1873 г. р., из забайкальских казаков. Окончил Читинское городское училище (1895), Иркутское военное училище (1899) и Офицерскую стрелковую школу (1908). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Войсковой старшина, командир 1-го Верхнеудинского полка (1917). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. В годы Гражданской войны в составе ОМО, командир 1-го Троицкосавского полка, начальник 1-го военного района Забайкальской области. С 1919 г. заместитель атамана Семенова по должности войскового атамана Забайкальского казачьего войска, председатель Войскового правления. Генерал-майор (1919).

как беженцев, находившихся на территории Китая, так и население в самом Забайкалье, мало изменили ситуацию.

По-видимому, главной опорой Шильникова в белоповстанческой среде являлся фельдшер Забайкальского казачьего войска З.И. Гордеев. Шильников и Гордеев знали друг друга еще по службе в Читинском казачьем полку до Германской войны. Гордеев был фигурой весьма популярной и имел достаточно широкие связи на территории Забайкалья и Прибайкалья. По приказу Шильникова, Гордеев весной 1922 г. создал в Чите подпольную организацию, руководил которой на месте полковник Т.Г. Васильев. Для организационных целей Гордеев, согласно советским данным, получил от Шильникова девять тысяч иен [Между Первой и Второй мировыми войнами].

В конце июня 1922 г. отряд Гордеева перешел советскую границу и двинулся по Витимскому тракту. Рейд оказался неудачным, поднять, как планировалось, население Забайкалья против советской власти не удалось. Не получил Гордеев и обещанной Шильниковым поддержки из Маньчжурии. Дело в том, что Шильников под давлением МИДа ДВР был арестован китайскими властями в августе 1922 г. и помещен в тюрьму. Чекисты при поддержке китайского дипломатического комиссара на ст. Маньчжурия сумели заполучить секретные документы, принадлежавшие генералу [Чепик, 2015, с. 272]¹¹⁸. Преследуемый милицией и чоновцами отряд Гордеева в августе прорвался в долину реки Онон и ушел в Монголию, откуда перебрался в Китай [Соловьев]. Советские органы, в свою очередь, развернули активную борьбу по уничтожению белого подполья в Забайкалье и Прибайкалье¹¹⁹.

В октябре 1922 г., в условиях агонии белого Приморья, руководство Забайкальского фронта (Шильников к этому времени был освобожден из тюрьмы) приняло решение выступить всеми имевшимися военными силами в Забайкалье. Выступление должны были поддержать своими действиями на советской территории партизаны Гордеева и есаула Токмакова, стоявшие у советской границы.

Опасаясь китайского вмешательства, Шильников вывел свои подразделения с линии КВЖД. Штаб Забайкальского фронта, возглавляемый полковником Е.Л. Трухиным¹²⁰, располагался в это время в долине реки Ган. Фронт включал в себя две войсковые группы – Хайларскую и Маньчжурскую. Штаб Хайларской группы размещался в районе Хайлара, возглавлял группу генерал Мациевский. Группа была сформирована из двух бригад, составленных отдельными отрядами. В состав 1-й бригады (Аргуньская группировка, командир – полковник Зимин) [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 26] входили отряды полковников А.Д. Размахнина¹²¹, Шадрина, Гладышева и сотника Ивачева. Общая численность белых партизан доходила до 50 штыков и 755 сабель. В состав 2-й бригады (Хайларская группировка, командир – генерал-майор П.А. Федосеев¹²²) входили отряды сотника Аникаева, полковников Малкова и Сорокина, генерала Богатырева, численностью в 540 штыков и 90 сабель. Кроме того, Хай-

¹¹⁸ Эту и еще целый ряд других акций осуществила группа Иностранного отдела Полпредства ГПУ на Дальнем Востоке Е.С. Лежавы.

¹¹⁹ По свидетельствам советских источников, известно, что только в январе – марте 1922 г. в Прибайкалье было ликвидировано пять банд, задержано 317 человек, убито 63, выявлено 29 колчаковских офицеров [Гладких, 2010, с. 25].

¹²⁰ Трухин Евангел Логинович, из забайкальских казаков. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1907). Участник Первой мировой войны. Есаул. В августе 1918 г. Трухин возглавил казаков стан. Титовская (из этой станицы происходил и сам Трухин и генерал Шильников) и предпринял попытку захвата Читы. Казаки были отбиты, но красные, опасаясь окружения, покинули город, после чего казаки Трухина заняли Читу. В Чите под командованием Трухина был сформирован Титовский казачий полк. В 1919–1921 гг. – начальник штаба 1-й Забайкальской казачьей дивизии. Полковник.

¹²¹ Размахнин Андрей Д., 1892 г. р., из забайкальских казаков. Окончил Сибирский кадетский корпус (1910), Николаевское кавалерийское училище (1912) и курсы Николаевской военной академии 4-й очереди (1919). Участник Первой мировой войны. Подъесаул. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба Отдельной Забайкальской казачьей бригады (1921). Полковник.

¹²² Генерал Федосеев являлся начальником 1-й Забайкальской казачьей дивизии в Гродековской группе войск до ноября 1921 г., в дальнейшем был отчислен от должности и предан военно-полевому суду. В июне 1922 г. освобожден.

ларской группе были приданы отряды полковника Углова в районе Цицикара (150 штыков), и хорунжего И.С. Вагина в районе пос. Якеши (50 штыков) [Фомин, 2000, с. 41].

Маньчжурская группа с центром на ст. Маньчжурия находилась под командованием генерал-майора А.Г. Сабеева¹²³ и была представлена 3-й бригадой (комбриг – генерал-майор М.Е. Золотухин¹²⁴). В состав бригады входили отряды капитана Брагина, штабс-капитана Бондарева, прапорщика Зябликова, полковников Сабанова, Топоркова и Савицкого. Всего в Маньчжурской группе насчитывалось 430 штыков и 770 сабель [Фомин, 2000, с. 41]. Кроме того, в Харбине полковником Д.Ф. Карловым был сформирован отряд в 200 человек добровольцев для отправки в Приморье. Однако из-за начавшейся эвакуации Приморья он остался не у дел [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 24, 25].

Таким образом, численность личного состава подразделений Забайкальского фронта едва превышала три тысячи человек. По другим сведениям, белые боевые группы в Маньчжурии насчитывали 4667 бойцов. В подразделениях остро ощущалась нехватка оружия и денежных средств. Вместо требовавшихся 30 тыс. рублей повстанцы получили из Приморья только 5 тысяч [Ципкин, 2012, с. 230].

Намеченное выступление Забайкальского фронта так и не состоялось. Не последней причиной этого стала деятельность китайских властей, по-видимому, координировавших свои действия с большевиками. Китайцы провели ряд арестов, взяв под стражу генерала Шильникова (находился в тюрьме до начала 1925 г.), полковника Трухина, сотника Пальшина и др. Генерал Золотухин, его жена (являлась сестрой генерала А.Е. Маковкина, также участвовавшего в белоповстанческом движении) и брат были убиты советскими агентами на ст. Маньчжурия [Голдин, 2010, с. 280]. Убийство генерала Золотухина было организовано столь тщательно, что разведка НРА ДВР даже не знала о том, кто осуществил эту операцию, подозревая в убийстве руководителей отдельных белопартизанских отрядов – Токмакова, Фролова, Колтунова [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 46]. Заместитель Шильникова генерал А.Н. Вагин¹²⁵, получив приказ начальника «коней в табуны, оружие и патроны в землю», выехал в Харбин, откуда, находясь под угрозой ареста, вместе с семьей перебрался в Японию, а позднее – в США [MRC. Varguin Papers, box 6, f. 11]. Аресты также производились в Хайларе и близлежащих поселках. Известно, например, что в 1923 г. в лагере города Цицикара находилось 140 русских офицеров и солдат, среди которых были генералы Мациевский и Евсеев, полковник Евтин и др. [НИА. Petrov Papers, box 1, f. 7] Отряды, входившие в состав Забайкальского фронта, рассыпались. Даже такие известные партизанские вожаки, как Гордеев и Размахнин, были вынуждены временно отказаться от активных действий.

Еще один крупный белоповстанческий центр располагался в районе китайского Сахаляна. Здесь в начале 1921 г. был создан штаб Амурской военной организации (АВО), поддерживавший связи с антибольшевистскими силами на территории советской Амурской области. Возглавлял организацию заместитель войскового атамана Амурского казачьего войска, генерал-майор Е.Г. Сычев¹²⁶. Первоначально АВО ориентировалась на атамана Семенова, но

¹²³ В октябре 1920 г. генерал Сабеев являлся командиром 1-й Забайкальской казачьей отдельной бригады в составе корпуса генерала Мациевского. С февраля 1922 г. – командующий Забайкальской казачьей дивизии в Приморье, в июне 1922 г. от должности отстранен.

¹²⁴ Генерал Золотухин в марте 1921 г. был отстранен от командования 2-й бригадой 2-й Забайкальской дивизии, жил в Маньчжурии, являлся атаманом Забайкальского казачьего войска (1922). В июле 1922 г. сдал должность атамана генералу Бакшееву.

¹²⁵ Согласно сведениям, приводимым самим Вагиным в конце 1940-х гг., он прибыл в Харбин в феврале 1920 г. из Иркутска, где являлся начальником штаба Иркутского военного округа. В начале октября 1922 г. он был вызван письмом генерала Шильникова на западную линию КВЖД и получил предложение стать помощником командира белоповстанческого корпуса и заместителем Шильникова. Вагин, будучи знаком с генералом еще по Оренбургской армии, согласился [MRC. Varguin Papers, box 6, f. 11].

¹²⁶ Сычев Ефим Григорьевич, 1879 г. р., из амурских казаков. Окончил Нерчинско-Заводское горное училище и Иркутское пехотное юнкерское училище (1899). Служил в л. – гв. Сводно-казачьем полку (1906–1915). Участник Первой миро-

в 1922 г. стала сотрудничать с правительством Приморья. Представителем Сычева во Владивостоке являлся генерал-майор Р.А. Вертопрахов.

По предположениям советской стороны, Амурская организация планировала крупное восстание на апрель 1921 г., но силы повстанцев советские агенты чрезмерно завышали. В июне того же года, по некоторым данным, на верхнем Амуре под командованием генерала Сычева сосредоточилось более двух тысяч человек и оружейная батарея [Абеянцев, 2005]. Белоповстанцами была предпринята попытка прорыва на советскую территорию, окончившаяся неудачей. Отступивших бойцов Сычева китайские власти интернировали в Чикаде, а позднее разместили в Цицикаре. В марте 1922 г. бойцы отряда были отправлены во Владивосток [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 34728, л. 19].

На протяжении 1922 г., согласно документам советской стороны, несколько белоповстанческих отрядов (отряды Телина, Новикова, Рязанцева, Сараева и Сапожникова) вторгались на советскую территорию из района Сахалина, но были уничтожены [Абеянцев, 2005]. Одной из причин неудач в работе АВО являлось наличие в ее рядах большевистских агентов (в частности, Брагина) [Филимонов, 2005, с. 714]. Это позволило чекистам осуществить ряд дерзких акций на китайской стороне. Так, в декабре 1921 г. сотрудники государственно-политической охраны красных захватили в Сахалине и тайно переправили в Благовещенск есаула Бетенева, одного из руководителей белоповстанческих групп [Чепик, 2015, с. 271].

Несмотря на ряд неудач, генерал Сычев в конце 1922 г. сумел сохранить АВО от распада. В это время в его распоряжении находилось около 500 штыков и 170 сабель при шести пулеметах и трех орудиях [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 39]. Партизаны снабжались продовольствием и обмундированием, иногда даже получали денежное довольствие. Известно, что в ноябре 1922 г. Сычеву через Китайский банк были переведены 16 тыс. рублей, которые он распределил между бойцами. Для того, чтобы не иметь формальных трений с китайскими властями, всем членам отряда было предписано выправить для проживания китайские охранные листы [Там же, с. 45].

Падение белого Приморья в конце 1922 г. для подавляющей части участников Белого движения стало показателем несостоятельности дальнейшей борьбы против большевистского режима вооруженным путем и поставило на повестку дня вопрос репатриации или приспособления к новой среде.

вой войны, командир 1-го Амурского казачьего полка (1916–1917), командир 2-й бригады Забайкальской казачьей дивизии (1917). Полковник (1915). Кавалер Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта. Командир Забайкальской казачьей бригады, Амурской отдельной бригады, начальник Иркутского военного района и Иркутской военно-инструкторской школы. Генерал-майор (1919). В Забайкалье в распоряжении командующего Восточным Забайкальским фронтом генерала Мациевского. Заместитель войскового атамана Амурского казачьего войска. Генерал-лейтенант (1921).

Глава 3. Последний исход: отступление белых частей Приморской Земской Рати в Китай и их рассеяние

В октябре – ноябре 1922 г. в связи с крахом последнего белого правительства Дальнего Востока – правительства Приамурского Земского края, возглавляемого генералом М.К. Дитерихсом, состоялся последний крупный исход русских военных в Китай.

Неудачные боевые действия частей Земской рати против красных на юге Приморья летом – осенью 1922 г. показали со всей очевидностью необходимость эвакуации войск и семей военнослужащих за границу. 17 октября 1922 г. генерал Дитерихс издал знаменитый приказ № 68, окончательно решивший судьбу Земского края. Эвакуация войск предполагалась двумя путями. Сушей – на ст. Пограничная (Сибирская группа генерал-майора И.С. Смолина¹²⁷ и Дальневосточная казачья группа генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова) и, пересекая реку Суйф-энь, к Новокиевску (Поволжская группа генерал-майора В.М. Молчанова и Сибирская казачья группа генерал-майора В.А. Бородина). Морем – из Владивостока в порт Посъет на стыке границ России, Китая и Кореи.

В связи с образовавшимся вакуумом власти сибирские областники во главе с А.В. Сазоновым попытались взять власть во Владивостоке в свои руки, поддержанные некоторыми генералами. Главную роль в военном обеспечении переворота должны были сыграть генерал Д.А. Лебедев (бывший помощник воеводы Земской рати) и генерал Глебов, нарушивший приказ Дитерихса о выводе находившейся под его командованием Дальневосточной казачьей группы в район ст. Пограничная. Вместо этого он привел своих людей во Владивосток.

О своей поддержке областникам высказались и военные в Мукдене. Еще в сентябре 1922 г. тесно связанный с областниками полковник П.И. Блукис писал из Мукдена Сазонову, «что в данное время здесь все русские, как старожилы, так и недавно прибывшие сюда инструкторы-офицеры на нашей стороне» [НИА. Moravskii Papers, box 7, f. 41]. В городе от имени Сибирского правительства действовал Комитет оказания помощи беженцам. В него, в частности, входили бывший помощник Российского военного агента в Китае полковник В.В. Блонский, генералы В.Л. Томашевский и Н.Ф. Петухов, подполковник Е.В. Грегори¹²⁸, являвшийся в то время наиболее доверенным лицом из русских при генерале Чжан Цзолине. Блукис заявлял, что с Дитерихсом здесь никто разговаривать не будет (намекая на Мукденское правительство), а Чжан Цзолинь больше всего интересуется флотом, поэтому адмиралу Старку теперь не остается ничего как связать себя с Сибирским правительством [НИА. Moravskii Papers, box 7, f. 41].

¹²⁷ Смолин (Муттерпер) Иннокентий Семенович, 1884 г. р., из караимов. Окончил Якутское реальное училище и Иркутское военное училище (1905). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка (1917), подполковник. Кавалер Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта. Командир Отряда особого назначения в Зауралье. Командир 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка (1918), начальник 4-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (1919–1920), командир 3-го Степного Сибирского армейского корпуса Южной группы войск. Генерал-майор (1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. (1920). Начальник Омской стрелковой бригады (дивизии), командир 2-го стрелкового корпуса. Участник Хабаровского похода.

¹²⁸ Грегори Евгений Виллиамович. Окончил Псковский кадетский корпус (1900), Константиновское артиллерийское училище (1902) и китайско-маньчжурское отделение Восточного института (1910). Поручик 1-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (1909). С 1910 г. драгоман военно-статистического отделения штаба Приамурского военного округа, в 1913 г. – в командировке в Северной Маньчжурии. В 1918 г. в чине капитана состоял в 3-м Туземном полку Российских войск в полосе отчуждения КВЖД, в октябре 1918 г. он был отчислен в резерв чинов при штабе Российских войск [ГАРФ. Ф. Р-6081. Оп. 1. Д. 16а, Л. 50]. Позднее Грегори, уже в звании подполковника, участвовал в походе войск барона Унгерна в Монголию. После взятия Урги он был направлен бароном в качества его представителя в Пекин [Барон Унгерн в документах и материалах... С. 631].

В самом деле, при попытке октябрьского переворота во Владивостоке контр-адмирал Ю.К. Старк, командующий Сибирской флотилией и ответственный за проведение эвакуации из Владивостока, склонился в сторону областников. Кроме того, Сибирское правительство поддерживали начальник штаба Сибирской флотилии, капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин¹²⁹, прибывший из Мукдена атаман Сибирского казачьего войска П.П. Иванов-Ринов, представитель Уссурийского казачьего войска генерал Н.И. Савельев. Однако, не получив никакого отклика со стороны местного населения и, самое главное, со стороны японцев, несостоявшиеся заговорщики 22–24 октября покинули со своими частями Владивосток на кораблях эскадры Старка [Аблажей, 2003, с. 37–44].

18 октября 1922 г. китайскую границу у ст. Пограничная первыми перешли бойцы Сибирской группы генерала Смолина. В состав Сибирской группы входили следующие подразделения. Западно-Сибирский отряд (командир – полковник А.Г. Аргунов¹³⁰, начальник штаба – полковник Волков) в составе Томской (бывший 6-й добровольческий стрелковый полк, командир – полковник В.Б. Урняж) и Омской (бывший 4-й Омский стрелковый полк, командир – полковник Шильников) пеших дружин. Восточно-Сибирский отряд (командир – полковник М.Г. Ктиторев, начальник штаба – полковник Б.И. Попов) в составе Иркутской (бывший 3-й Иркутский стрелковый полк, командир – полковник С.Г. Золотарев) и Красноярской дружин. Сибирская артиллерийская дружина (Воткинская и добровольческая артдружины), Сибирская инженерная дружина (бывший 2-й Сибирский инженерный дивизион), а также отряд Пограничной стражи (командир – полковник Мейер). Численность группы составляла около двух тысяч человек [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 31, 37].

На ст. Пограничная располагался штаб командующего войсками Суйнинского военного пограничного округа Трех Восточных провинций генерала Чжан Цзунчана, поддерживавшего хорошие отношения с белыми (с весны 1922 г. на ст. Пограничная находился представитель Приамурского правительства подполковник В.А. Чехов). Китайцы приняли от русских оружие и военное снаряжение, выплатив командованию Сибирской группы часть суммы, в которую было оценено сдаваемое имущество. Часть конного состава и эвакуированного имущества были проданы русскими военными служащими здесь же на базаре ст. Пограничная [Зубец, 2009, № 33, с. 23; Русская военная эмиграция, т. 7, с. 32]. Снабжение группы было налажено крайне плохо, интендантство почти не имело муки и другого продовольствия. Солдаты и офицеры голодали.

Неясность дальнейшего положения Сибирской группы и необходимость договариваться с китайскими властями вызвали проведение совещания на ст. Пограничная с участием генерала Лохвицкого и ряда офицеров из Харбина. Возможно, тогда возникла идея усилить за счет смолинцев части Забайкальского фронта генерала Шильникова, для чего было необходимо перебросить их на западную линию КВЖД [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 35].

По приказу главноначальствующего в полосе отчуждения генерала Чжан Хуансяна, русских военных стали перевозить на западную ветку КВЖД, а тех, кто выразил желание возвратиться на родину, направлять в Забайкалье. Последними ст. Пограничную покинули крас-

---

¹²⁹ Фомин Николай Юрьевич, 1888 г. р. Окончил Морской корпус (1908). Участник Первой мировой войны в составе Черноморского флота, флаг-капитан по оперативной части, начальник 1-го оперативного отделения морского Генерального штаба. Ст. лейтенант. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба Волжской флотилии Народной армии Самарского Комуча, начальник управления по оперативной части морского министерства Омского правительства адмирала Колчака, начальник штаба речной боевой Камской флотилии. Капитан 1-го ранга (1919). С 1920 г. в Харбине и Мукдене, входил в окружение атамана Семенова. С мая 1921 г. начальник штаба Сибирской флотилии.

¹³⁰ Аргунов Афиноген Гаврилович, 1886 г. р. Окончил Иркутское военное училище (1907) и ускоренный курс Николаевской военной академии 1-й очереди (1917). Участник Первой мировой войны, начальник штаба 3-й Гренадерской дивизии, полковник (1917). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба 4-й Сибирской стрелковой дивизии (1919), начальник Омской стрелковой дивизии (1920). В Приморье командир Сибирской стрелковой бригады, 2-го повстанческого отряда. Участник Хабаровского похода.

ноуфимцы и омичи [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 48]. К началу декабря на Пограничной не осталось ни одной организованной части за исключением нескольких сотен человек, которые сумели заручиться поручителями из местных жителей или испросили у китайских властей право на жительство в полосе отчуждения. Известно, например, что по заданию начальника контрразведки Сибирской группы полковника Изотова, подпоручик Б.И. Порошенков оформил при помощи русского полицейского ст. Пограничная Сергиенко двадцать китайских паспортов для отдельных офицеров группы [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 40789, л. 62].

Полковник Аргунов, опасаясь высылки в Россию или заключения в Цицикарском лагере, организовал из остатков своей Западно-Сибирской группы отряд в 250 человек и нанялся на работы на лесную концессию. Отряд имел на вооружении винтовки и один пулемет [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 44].

Стремясь как можно быстрее избавиться от новых русских военных беженцев, из-за которых нередко случались эксцессы по причине широкого пьянства в частях, китайцы не стали обременять себя тщательной сортировкой их на желающих и нежелающих возвращаться в Россию и решили всех направить на советский 86-й разъезд. Возможно, здесь был сговор с советской стороной, так как советские источники с сожалением отмечали, что три эшелона со смолинцами дошли до советской территории с 30–40 % составом [Там же, с. 60].

По сообщению генерала И.И. Попова¹³¹, работавшего по заданию Сибирского правительства на западной линии, один из эшелонов смолинцев на ст. Чжаланьтунь взбунтовался после того, как офицеры были отделены от солдат и пронесся слух, что всех солдат вывезут в Забайкалье [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 48]. Взбунтовавшихся силой поместили в вагоны, но удержать русских под контролем не удалось. Большая часть рядовых чинов из подразделений Сибирской группы различными способами покинули перевозившие их эшелоны и рассеялись по территории Маньчжурии. Офицеры Сибирской группы были размещены в лагере для интернированных в Цицикаре, откуда в дальнейшем группами разъехались по различным местам Китая. Генералу Смолину было запрещено оставаться в Маньчжурии, поэтому он выехал в Пекин [Серебренников, 1936, с. 213], а позднее обосновался в Циндао.

24 октября основная часть Земской рати (штаб рати, группы генералов Молчанова и Бородина) во главе с генералом Дитерихсом, и гражданские беженцы в общей сложности около 9 тыс. человек сосредоточились в Новокиевске¹³² (недалеко от порта Посъет). Поволжская группа генерала Молчанова состояла из двух пехотных отрядов: Прикамского (бывшая Ижевско-Воткинская бригада, командир – полковник А.Г. Ефимов) и Приволжского (бывшая Поволжская бригада, командир – генерал-майор Н.П. Сахаров), Московского конного отряда (бывшие 1-й и 2-й кавалерийские полки и Анненковский конный дивизион, командир – генерал-майор А.М. Хрущев), Поволжской артиллерийской дружины (бывший 3-й стрелковый артиллерийский дивизион, командир – полковник С.С. Смольянинов) и Поволжской инженерной дружины (бывший 3-й отдельный инженерный дивизион). Сибирская казачья группа генерала Бородина включала в себя Оренбургский (бывшая Оренбургская казачья бригада) и Сводный (бывшая Сводная казачья бригада) отряды, Восточно-Сибирскую артиллерийскую дружину и Уральскую казачью сотню.

Огромная скученность войск и гражданских беженцев на крохотной территории сразу привела к ряду инцидентов. За мародерство, отбирание седел и лошадей Отряд Пограничной

¹³¹ Возможно, это Попов Иван Иванович, 1888 г. р. Окончил Иркутское военной училище (1909) и Николаевскую военную академию. Участник Первой мировой войны. Полковник. В белых войсках Восточного фронта, начальник штаба 2-го Сибирского армейского корпуса, командующий войсками Барнаульского и Бийского районов. Участник Сибирского Ледяного похода. Позднее в эмиграции в Австралии.

¹³² Согласно сведениям, направленным генералом П.П. Петровым в Российское консульство в Сеуле, всего перешло китайскую границу 8649 человек, из них женщин – 653, детей – 461, инвалидов, больных и раненных – 375, здоровых, трудоспособных мужчин – 7160. При группе имелось 2810 лошадей (ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 24).

стражи под командованием подполковника Г.К. Эльснера был расформирован, а его командира хотели привлечь к военно-полевому суду. За самовольное изъятие лошадей чинами партизанского отряда генерала Савельева (заместитель – генерал-майор Тирбах) командир отряда был отстранен от командования и получил приказ первым катером отправиться во Владивосток, а бойцов отряда включили в состав Анненковской конной дружины [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 90].

В тот же день, 24 октября, в Посыет прибыла первая партия из Дальневосточной казачьей группы генерала Глебова. Около 300 человек с лошадьми были высажены на берег. На следующий день в порт вошла основная часть флотилии адмирала Старка. На 25 кораблях размещалось более 7 тыс. человек военных и гражданских беженцев. Наиболее крупными соединениями являлись Дальневосточная группа генерала Глебова (около 2500 человек вместе с семьями) и Урало-Егерский отряд генерала Лебедева (около 1200 человек). Дитерихс своим приказом запретил высаживать на берег людей Глебова и Лебедева по причине неисполнения ими приказа об отступлении и поддержки сазоновского Сибирского правительства. В дальнейшем Сибирской флотилии было предписано направиться в Гензан, а оттуда в Инкоу. 28 октября эскадра Старка вышла из Посыета, взяв курс на корейский Гензан [Аблажей, 2003, с. 78].

С прибытием русских беженцев в Новокиевск начались переговоры с китайскими властями. В конце октября с разрешения китайской администрации из Новокиевска в Хуньчуньскую долину были отправлены раненные и больные (около 4 тыс. человек), а также женщины и дети. В начале ноября к ним присоединились интернированные солдаты и офицеры Земской рати. Согласно приказу Дитерихса, воинские части были переименованы в беженские группы: Приволжская, Прикамская, железнодорожная, артиллерийская, Московская, Оренбургско-Уральская, Сибирско-Енисейская, Забайкальская беженские группы, семьи Сибирской беженской группы генерала Смолина. Также в состав лагеря входили санитарная часть, управление и комендатура. В декабре 1922 г. русские интернированные и беженцы начали переводиться из необорудованного для проживания большого количества людей Хуньчуньского лагеря в район города Гирина (Цзилинь). Здесь сформировались четыре беженских лагеря – Западный, Восточный, Северный и Южный, просуществовавшие до осени 1923 г. Численность русских беженцев в Гириных лагерях насчитывала до 10 тыс. человек [Серебренников, 1936, с. 211].

Отдельные лица, не желая оставаться в Гирином лагере, пробирались в Чанчунь, Мукден и даже в Харбин. Но в Харбине власти арестовывали беглецов и выдворяли из города под конвоем. По сообщениям генерала Попова, из находившихся в Чанчуне русских треть оказалась размещена в японских казармах и устроилась хорошо, остальные – в двух китайских гостиницах, «где они перепились и теперь отношение к ним резко ухудшилось» [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 48]. Позднее, в середине 1923 г., комендантом всех русских военнослужащих, проживавших в Чанчуне и на ст. Куанчэнцзы, был назначен генерал-майор М.Ф. Ястребцов, бывший комендант Восточного лагеря¹³³, который сумел здесь наладить надлежащий порядок. Ястребцов находился на этой «должности» вплоть до своей скорострительной смерти в июне 1924 г. [Купцов, 2011, с. 639; Русское слово, 1934, 7 июня].

В Мукдене, столице Трех Восточных провинций, в декабре 1922 г. сосредоточилось около 400 беженцев. Среди них находилось 97 кадет и офицеров-воспитателей с их семьями из состава Хабаровского кадетского корпуса, переброшенные сюда из Гензана. Возглавлял группу полковник А.А. Иванов. В состав офицеров-воспитателей входили полковники Б.А. Шкапский, А.Д. Кузнецов, подполковники Л.А. Сейфуллин, А.А. Балицкий, В.И. Шеффер, поручики Гребенщиков, Кирьяков и др. «Хабаровцы» были размещены в железнодорожных казар-

---

¹³³ Восточный лагерь генерала Ястребцова был одним из наиболее хорошо организованных. В лагере была своя баня, прачечная, библиотека-читальня, гарнизонная церковь.

мах вместе с бойцами из группы генерала Лебедева. По воспоминаниям кадет, «кормили плохо и жить приходилось в тесноте. Бани не было... На дворе мусор, грязь и всякие отбросы валялись перед бараками, где копошились китайцы». Помощь кадетам оказал бывший помощник Российского военного агента в Мукдене полковник Блонский. Воспитанников корпуса стали особо снабжать продовольствием, а позднее отвели отдельный барак. Несмотря на тяжелые условия беженского существования, занятия в корпусе продолжали идти своим ходом, строго поддерживалась дисциплина. В июле 1923 г. «хабаровцы» во главе с полковником Грудзинским были вывезены японцами в Шанхай. Семь преподавателей и сотрудников корпуса уволились из корпуса и остались в Мукдене (подполковники В.И. Иванов, Теляковский, Шкапский, Зеленой, есаул Еремеев, поручики Кирьяков и Мефодеев) [Хабаровский кадетский корпус, с. 99, 202].

Первоначально функции управления воинскими беженскими группами находились в руках бывшего штаба Земской рати. Дитерихс считал, что необходимо сохранить личный состав Рати от распыления по территории Китая, а также поддерживать тесную связь между офицерами и солдатской массой. Это было одним из необходимейших условий для быстрого восстановления боеспособности бывших подразделений Земской рати в случае возобновления вооруженной борьбы против советской власти. Дитерихс предписал «на ближайшее время всем начальникам задачу: забота о занятии людей и приискании и организации работы. Поэтому во главе групп беженцев “старшими” должны быть поставлены бывшие начальники, пользующиеся популярностью среди определенной массы людей и обладающие способностями по организации работы, занятий, развлечений» [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 52 об].

Сохранение компактного контингента русских военных на китайской территории вызвало недовольство большевиков, обвинявших белых в вынашивании планов возобновления гражданской войны. Советская сторона стремилась внести разложение в ряды Рати (в лагеря с ведома китайских властей засылались большевистские агитаторы) и оказывала давление на китайскую администрацию. Сами китайцы, как это было и в случае с предшествующими волнами русской военной эмиграции, также стремились расчленить бывшие русские воинские формирования. Для этого в январе 1923 г. в лагерях было проведено анкетирование с целью выявить желающих возвратиться в Россию. Китайская миссия, в состав которой входил подполковник Грегори, была встречена военными беженцами с большим раздражением и генералу Дитерихсу даже пришлось издать обращение, в котором разъяснялась задача миссии и указывалось, что ее члены (в частности, Грегори) не имеют никакого отношения к большевикам [НИА. Petrov Papers, box 1, f. 7].

Дитерихс полагал, что в условиях изменения характера антибольшевистской борьбы после поражения в открытой войне необходимо освободиться от случайного элемента в рядах антибольшевиков. Поэтому обращался к старшим начальникам не препятствовать желающим уйти. «Организация наша для дальнейшего будущего должна очиститься, выбросить из своего состава все, что представляет мало-мальски несознательное, неидейное, а следовательно для нас совершенно не нужное в будущем», – писал Дитерихс генералам Лохвицкому и Смолину [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 52].

В конце января 1923 г. китайские власти стали перемещать военных беженцев из гиринских лагерей в другие города. Дитерихс добился включения русских представителей в состав распределяющих структур и предписал офицерам выезжать на новые места пребывания вместе с солдатами. Но добиться желаемого оказалось очень сложно. Уже первая партия переводимых в другое место бывших военных, состоявшая из казаков, была проигнорирована офицерами, что, по словам Дитерихса, подрывало авторитет офицерства в среде простых казаком и показывало «недостаточную жертвенность командного состава в трудный период нашей жизни» [НИА. Petrov Papers, box 1, f. 7].

Беженская масса, практически не обладая материальными средствами, не имея возможности устроиться на постоянную, а зачастую и временную работу, не видя перспектив дальнейшего существования, стала очень быстро морально разлагаться. Разлагающийся, обольщивающийся (словами Дитерихса) элемент изгоняли из подразделений, но эти люди по-прежнему оставались в расположении лагерей, негативно влияя на еще «здоровых» бойцов. Нередко безысходность положения бывших военных прорывалась в пьянстве и дебоше, с чем китайская администрация всемерно боролась, используя меры дисциплинарного воздействия вплоть до угрозы выдворения в Советскую Россию [Ibid].

Русское руководство лагерей интернированных делало все возможное в поисках работы для беженцев. В феврале 1923 г. по приказу генерала Дитерихса был создан русский комитет помощи беженцам Земской рати, сотрудничавший с представителями Американского Красного Креста¹³⁴. Но административных полномочий и финансовых средств у бывшего штаба Земской рати было крайне немного. Помощь беженцам оказывало Особое совещание Красного Креста, представители которого работали в Харбине и на линии КВЖД. Так, в Чанчуне с конца декабря 1922 г. постоянно находился санитарный поезд, который распределял хлебные пайки, горячую пищу, белье, обувь; оказывал помощь амбулаторную, стационарную и банную [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 47 об].

В знак признательности за большие расходы, понесенные в благотворительных целях для русских беженцев Красным Крестом, Дитерихс передал безвозмездно Красному Кресту два принадлежавших ему автомобиля. Кроме того, для маршала Чжан Цзолина, его сына и начальника штаба Михаил Константинович отправил в подарок четырех чистокровных кобыл, японский карабин, шашку и два автоматических револьвера [Там же, л. 64, 70].

В начале апреля 1923 г. Дитерихс обратился с приказом к комендантам беженских лагерей всем чинам Земской Рати снять погоны на все время нахождения в пределах Китая в соответствии с международными законами. Бывшим военным разрешалось носить гражданскую одежду. В то же время, чтобы не смешиваться с русскими гражданами, признавшими советскую власть, устанавливался специальный значок «для ношения при всякой одежде на левой стороне груди»: четырехконечный равносторонний белый крест на желтом квадратном поле, окаймленном черной тесьмой. Право выдачи удостоверения на ношение знака принадлежало бывшим командующим группами. При этом лица нетрезвого поведения лишались возможности получить знак [Там же, л. 60].

Генерал Дитерихс, считавший, что борьба против большевиков не окончена, но лишь приобрела новую форму, стремился сохранить для этой борьбы военный контингент, объединенный единой идеей. Будучи человеком глубоко религиозным, Дитерихс отдавал приоритет духовному единству, основанному на «братстве во Христе». В своей программной статье «Что делать?», написанной в апреле 1923 г., он указал то, что необходимо для победы над советской властью в России: «Чтобы ныне победить советскую власть – надо победить идеи коммунизма, надо победить дух антихриста. Победить его может только воскресшее с новой силой стремление народной массы к объединению в сильнейшей по духу идее – России Христа, с принятием принципами своего объединения: стремление оградить чистоту Православной Церкви и возрождение братьев борцов за историческую отцовскую Христианскую веру... Возрождение братьев-борцов за отцовскую веру требует принятия на себя ответственного служения честному Кресту Господнему в путях исторического Российского Государственного строительства и личной жертвенности от каждого брата, в Святой великой задаче пробуждения сознания России, что она есть прежде всего Россия Христа» [НИА. Petrov Papers, box 1, f. 7].

¹³⁴ В то же время Дитерихс был настроен весьма критически в отношении иностранной и особенно американской помощи. Он считал, что американцы способствуют разложению военных беженских структур и «добровольной» реэвакуации беженцев в Россию [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 57 об].

Духовные искания Дитерихса были восприняты даже людьми из его близкого окружения как душевный надлом, уход в мистицизм, мешавший генералу трезво оценивать сложившуюся обстановку. Все это привело к усилению уже имевшегося разлада в руководстве бывшей Земской рати и изоляции бывшего главнокомандующего.

В мае 1923 г. по приказу китайских властей из гириных лагерей были удалены Дитерихс, Вержбицкий (являлся заместителем Дитерихса), Молчанов, Ястребцов и другие высшие офицеры. Их переселили непосредственно в Гирин. В конце года китайцы прекратили продовольственную помощь гириным беженцам. Это вызвало несколько акций протеста. Дитерихс, желая привлечь общественное мнение к нуждам беженцев, объявил голодовку [Аблажей, 2003, с. 79].

В этих условиях все больше бывших военнослужащих, особенно среди рядового состава, принимали решение о возвращении на родину. Как сообщал в своем письме к Сазонову генерал Попов в июне 1923 г., «солдатский материал постоянно течет в Совдепию. Всю эту громадную утечку можно было бы провести с громадной пользой для дела [имеет в виду организацию партизанского движения в Забайкалье и Приморье – С.С.]. Сейчас все это расплывается. Течет высокой ценности идейный материал – солдатский, который иногда по идейности выше офицерского...» [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 48]. Те, кто не хотел возвращаться в Россию, уезжали в Европу, Америку или Австралию¹³⁵. Целый ряд высокопоставленных офицеров Земской рати в 1923 г. оставили Китай, выехав за границу. Тот же Попов рассказывает, что «весьма дурное впечатление на солдат и офицеров произвела процедура проводов Молчанова... При прощании в Гирине Молчанов загнул отвратительную речь с призывом ехать в Совдепию. Впечатление на солдат это произвело потрясающее. В Чанчуне же пошли проводы за проводами с попойками. Ваха – в Австралию, Ефимова – в Шанхай...» [Ibid]. В дальнейшем генералы Молчанов, Сахаров, полковники Ефимов, Смольянинов и др. обосновались на территории Соединенных Штатов. В конце 1923 г. гириные лагеря прекратили свое существование. Генерал Дитерихс с группой офицеров покинул Маньчжурию, выехав в Шанхай.

В отличие от других групп военных беженцев из Приморья особая ситуация сложилась для Гензанской группы. При отплытии из Посьета руководство группой не имело четкого плана дальнейших действий после прибытия в Гензан. Генерал Глебов считал, что после высадки части людей в Гензане необходимо дальше направиться в Инкоу и передать корабли Сибирской флотилии Чжан Цзолиню, а военных перебросить в Мукден. Против передачи кораблей Чжан Цзолиню активно выступал адмирал Старк. Генерал Лебедев под влиянием областников предлагал, высадив гражданских беженцев в Гензане, выдвинуться на Охотск для поддержки военной экспедиции генерала А.И. Пепеляева в Якутию, что было, по мнению Старка, совершенно невозможно технически.

По прибытию в Гензан русские встретили весьма холодный прием. Японские власти не желали принимать их на своей территории, но после переговоров все же согласились на устройство лагеря для беженцев, расположив большую часть их в бараках в прибрежной зоне, попасть из которой в город без особого разрешения властей было практически невозможно. В лагере были размещены Смешанный госпиталь с ранеными и персоналом (250 человек), одиночные неорганизованные беженцы (300 человек), Организация инвалидов (120 человек), чины флотилии Старка (700 человек), Омский и Хабаровский кадетские корпуса (700 человек), группа генерала Лебедева (около 1 тыс. человек), беженцы из Забайкальской области (1,5 тыс. человек), Дальневосточная казачья группа генерала Глебова (2,5 тыс. человек), морские стрелки (300 человек), чины морских учреждений (200 человек), Русско-сербский отряд (100 человек),

---

¹³⁵ По сообщению харбинской газеты «Заря», только за январь 1923 г. в Америку из Харбина уехало девять тысяч человек, среди которых были и бывшие военные [Заря, 1923, 11 февр.].

десантная рота (100 человек), милиция с побережья Татарского пролива (100 человек) [Аблажей, 2003, с. 82].

Для оказания помощи русским беженцам по инициативе еще действовавшего в Сеуле российского Генконсульства был образован Международный комитет, развернувший сбор средств среди иностранных благотворительных организаций. Большую помощь беженцам оказал Комитет Красного Креста под председательством уполномоченного Особым совещанием Красного Креста А.Е. Уссаковского. В распоряжении Комитета имелись средства, отпущенные через Особое совещание управляющим Российским посольством в Токио Д.И. Абрикосовым (20 тыс. иен) и адмиралом Старком (5,2 тыс. иен). Кроме того, 10 тыс. иен были направлены Административному комитету генерала Лебедева генералом М.П. Подтягиным из Токио [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 227, л. 47 об].

Между тем, советское правительство пыталось добиться у японцев возвращения кораблей Сибирской флотилии в Россию. В этой ситуации Старк решил увести флотилию из Гензана. Единственными из иностранцев, на которых еще можно было рассчитывать, являлись, по мнению Старка, американцы, поэтому адмирал предполагал вывести корабли через Шанхай на Филиппины.

Резко против инициативы Старка выступили генералы Лебедев (являлся командующим сухопутными войсками) и Глебов. Имея заверения со стороны атамана Семенова и областников, генералы требовали сохранить воинские части в боеготовности как можно ближе к России. Разгоревшийся конфликт был несколько охлажден передачей в распоряжение частей Лебедева и Глебова пяти судов. Обслуживание кораблей обеспечивалось группой морских офицеров под командованием согласившегося остаться в Гензана контр-адмирала В.В. Безуара [Аблажей, 2003, с. 84].

В середине ноября 1922 г. адмирал Старк получил известия от Дитерихса, который рассчитывал, что Сибирская флотилия прибудет в Инкоу. Дитерихс настаивал на совместном визите к Чжан Цзолиню, для чего в Мукден был предварительно отправлен Генерального штаба генерал-майор П.П. Петров¹³⁶. В Мукдене была сформирована штаб-квартира Гиринской и Гензанской воинских групп. Старк, в свою очередь, направил в Мукден в качестве представителя от Гензанской группы полковника А.И. Ярона. Сам же продолжил готовить эскадру к отплытию.

Переговоры между представителями маршала Чжан Цзолиня и делегатами от беженских групп начались тогда же в ноябре 1922 г., но не принесли определенного результата. В апреле 1923 г. в Мукдене состоялась новая встреча, на которой присутствовали от Гензанской группы генералы Лебедев и Иванов-Ринов, от Шанхайской группы – полковник Иванов, от Гиринской – генерал Петров. На встрече была предпринята попытка подписать соглашение с маршалом и тем самым решить судьбу всех беженских лагерей на территории Маньчжурии. В прессе данное совещание получило характеристику сговора для осуществления нового похода в Приморье [Там же, с. 88].

20 ноября 1922 г. адмирал Старк издал приказ о выходе флотилии из Гензана. Временный командующий сухопутными частями генерал Глебов (Лебедев в это время находился в Токио на совещании с членами Сибирского правительства) попытался воспрепятствовать этому, но Старк проигнорировал его требование задержать выход до прибытия генерала Лебе-

---

¹³⁶ Петров Павел Петрович, 1882 г. р. Окончил С.-Петербургское пехотное юнкерское училище (1906) и Николаевскую военную академию (1913). Участник Первой мировой войны, в штабе 29-й пехотной дивизии и 1-го армейского корпуса. Подполковник (1917). Кавалер Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта. Командир 3-го Самарского стрелкового полка, генерал-квартирмейстер штаба Самарской группы войск Народной армии Комуча. Начальник штаба 6-го Уральского армейского корпуса, помощник начальника снабжения Западной армии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии (1919). Генерал-майор (1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник снабжения Дальневосточной армии. В Приморье начальник штаба Белоповстанческой армии (май – июль 1921 г.). Начальник штаба Земской рати (1922).

дева и 21 ноября флотилия из 16 кораблей покинула Гензан, направившись в Шанхай. Во время перехода в результате шторма один из кораблей, охранный крейсер «Лейтенант Дыдымов», погиб вместе с командой; несколько кораблей было повреждено.

В Шанхае после долгих переговоров с руководством иностранными концессиями удалось высадить учащихся и преподавателей кадетских корпусов, а также гражданских беженцев (около 800 человек). Часть военнослужащих сошла на берег самовольно (например, команда канонерской лодки «Магнит» во главе с лейтенантом Д.А. фон Дрейером). В январе 1923 г. двенадцать кораблей под командованием адмирала Старка, имея на бортах около 900 человек, ушли на Филиппины [Там же, с. 84, 85].

После ухода флотилии Старка численность беженцев в Гензанском лагере составила чуть более пяти тысяч человек, из которых около 1,5 тыс. были женщины и дети [ГАРФ, ф. Р-4325, оп. 1, д. 4, л. 124]. Беженцы находились на обеспечении японских властей. Несмотря на то, что японцы контролировали лагерь, автономное внутреннее управление сохранилось. Генерал Глебов стал помощником особоуполномоченного по общему управлению беженцами Гензанской группы. Иванов-Ринов одно время был управляющим делами, но вскоре уехал к атаману Семенову в Циндао. Помощником Глебова стал заместитель войскового атамана Оренбургского казачьего войска генерал Н.С. Анисимов. Полковник Сибирского казачьего войска А.Г. Грызов был назначен начальником канцелярии управления гражданской части Гензанской трудовой группы русских добровольцев. Штабы отдельных воинских частей располагались в каюткомпаниях на транспортах [Аблажей, 2003, с. 85, 86]. В состав русской беженской группы в Корею входили следующие воинские подразделения: Атаманская конная дружина из двух сотен, 2-й Забайкальский казачий полк, Урало-Егерский отряд, Отдельная Забайкальская пластунская дружина, Отдельный Амурский казачий дивизион, Иркутская казачья дружина, Офицерская дружина Дальневосточной казачьей группы, 1-я Пластунская дружина, школа подхорунжих им. атамана Дутова Оренбургского казачьего войска [ГАРФ, ф. Р-4698, оп. 1, д. 3, л. 2-110].

Зимой 1922/1923 гг. в Гензане разгорелась эпидемия, в связи с чем часть беженцев (около 1,5 тыс. человек) была переселена в порт Лазарев. Это были преимущественно чины Урало-Егерской группы.

С весны 1923 г. японские власти стали привлекать русских беженцев к работам по прокладке каналов, постройке железнодорожных насыпей (район Тансен) и шоссейной дороги. Стоимость работ только по строительству железной дороги в районе Тансен составила 24,5 тыс. иен. В счет оплаты работ включались поставка продовольствия и медицинская помощь. Генерал Глебов в качестве задатка получил 1 тыс. иен [Там же, д. 2, л. 2, 3]. В дальнейшем Глебов был обвинен в присвоении и растрате огромных средств, якобы полученных от Дитерихса, Семенова и японцев¹³⁷.

Несмотря на наличие оплачиваемой работы, финансовое положение Гензанской группы было весьма трудным. В то же время осуществить безоговорочное интернирование, после чего можно было получить международную помощь, военное руководство группы отказывалось. Атаман Семенов неоднократно заверял гензанцев о скором использовании их в качестве военной силы. В апреле 1923 г. Глебов встречался с Семеновым в Нагасаки, где атаман приказал готовить бойцов к выступлению в июле. Никакого выступления, конечно, так и не состоялось¹³⁸.

---

¹³⁷ Наиболее ожесточенной критике генерал Глебов подвергся со стороны одного из ранее близких ему офицеров – полковника В.Г. Казакова [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 24], а также со стороны Вс. Н. Иванова [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 691–706].

¹³⁸ В мае 1923 г. Сазонов в письме к генералу Иванову-Ринову указывал, что «все больше и больше выясняется, что фигура Семенова конченная и игры на него никто вести не будет» [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 46].

Постепенно численность Гензанской группы существенно сократилась. Гражданским беженцам было разрешено перебраться в Маньчжурию, часть военных были переправлены туда же, другие покинули лагерь самовольно. К лету 1923 г. в Гензане оставалось всего 850 человек и еще около 700 человек в порте Лазарев. В руководстве группой царили разногласия, а японцы выражали стремление ликвидировать Гензанский лагерь. В июне 1923 г. Урало-Егерская группа, дислоцировавшаяся в порте Лазарев, без разрешения генерала Глебова вышла в море на судне «Эльдорадо», взяв курс на Шанхай. В начале августа на оставшихся трех кораблях порт Гензан покинули остатки Дальневосточной казачьей группы генерала Глебова, также направляясь в Шанхай.

В Шанхае до начала 1920-х гг. находилось едва более тысячи русских беженцев. Военных среди них тоже было немного. Настоящий наплыв военных беженцев пришелся на конец 1922–1923 год. Первыми в Шанхай в ноябре 1922 г. прибыли 15 кораблей адмирала Старка, на которых разместились 1800 взрослых беженцев и 390 кадет. После долгих переговоров с руководством иностранных концессий в Шанхае остались все учащиеся Хабаровского и Сибирского кадетских корпусов и их преподаватели, а также еще несколько сотен человек. На Манилу со Старком в январе 1923 г. ушли, по разным сведениям, от 650 до 900 беженцев [Аблажей, 2003, с. 90, 91; Ван, 2008, с. 36]¹³⁹. В дальнейшем, большая их часть оказалась в Америке. Некоторые морские офицеры в 1924–1925 гг. выехали из Манилы в Шанхай. Среди возвращенцев наиболее крупную группу составила группа капитана 1-го ранга Н.Ю. Фомина (около 20 человек), в которую входили капитан 1-го ранга Б.М. Пышнов, капитан 2-го ранга А.П. Ваксмут, ст. лейтенанты В.А. Буцкой и С.Я. Ильвов, лейтенант С.В. Куров, капитан А.А. Билюкович и др. [Буяков, 2015, с. 555].

Кадеты Хабаровского и Сибирского корпусов первое время нахождения в Шанхае были размещены на вилле некоего иностранца на Джефильд-род. Общая численность воспитанников и сотрудников корпусов вместе с прибывшими из Мукдена в 1923 г. составляла 590 человек. Их содержание обеспечивалось средствами от благотворительных сборов, пособиями, направляемыми генералом Подтягиным из Японии, и благотворительными обществами Тяньцзиня и Ханькоу. Некоторые деньги давал корпусный оркестр, игравший на скачках и по приглашению в других местах. Тем не менее средств не хватало и корпуса имели перед городской администрацией большую задолженность [Хабаровский кадетский корпус, 1978, с. 104, 106]. С самого начала пребывания в Шанхае в кадетских корпусах продолжались занятия. Хабаровский корпус осуществил в Шанхае два выпуска кадет старших классов: в 1923 г. – 41 человек и в 1924 г. – 68 человек [Там же, с. 223, 224]. С сентября 1924 г. кадеты переехали в новое помещение на Авеню Жоффр, при котором были устроены походная церковь и мастерские (столярная, слесарная, сапожная и переплетная), принимавшие частные заказы [Там же, с. 115].

В начале 1924 г. было достигнуто соглашение о перемещении кадетских корпусов в Сербию. Первая партия в 35 кадет во главе с директором Сибирского корпуса генералом Е.В. Руссетом выехала в Европу в феврале 1924 г. Основная масса кадет и юнкеров численностью в 335 человек была отправлена из Шанхая на пароходе «Портос» в начале ноября 1924 г. Из преподавательского штата Хабаровского корпуса по различным причинам не смогли выехать в Европу 21 человек [Там же, с. 118, 121, 125].

В июне 1923 г. в Шанхай прибыло судно «Эльдорадо» с группой генерала Лебедева. Отказавшись от интернирования и репатриации в СССР, «лебедевцы» были вынуждены покинуть порт, некоторое время находились в нейтральных водах, живя за счет денег, вырученных от продажи оружия одному из китайских генералов [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 48750, л. 68], и

¹³⁹ По сведениям Н. Кузнецова, в январе 1923 г. на Манилу на 7 кораблях прибыло 145 морских офицеров, 575 матросов, 175 женщин и детей [Кузнецов, 2009, с. 29].

вновь возвратились в Шанхай в конце сентября. Теперь они были сговорчивее и согласились на интернирование. Всего в Урало-Егерском отряде находилось около 700 человек [Аблажей, 2003, с. 90].

В это же время в город из корейского Гензана прибыла группа генерала Глебова, насчитывавшая 842 человека. В состав глебовской группы входили остатки Забайкальской казачьей бригады генерала Г.Г. Эпова, Оренбургской казачьей бригады генерала Н.С. Анисимова и части Гродековской группы войск (в большинстве уссурийские казаки) генерала Н.И. Савельева [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 709]. Узнав о прибытии генерала Глебова в Шанхай, часть казаков, входивших в свое время в Гензанскую группу и сейчас проживавших в Чанчуне, выехали в Шанхай [Там же, с. 657].

«Глебовцам» было предложено в 48 часов покинуть город или интернироваться и сдать оружие. Глебов отказался выполнить требование администрации Международного селтльмента и развернул лагерь на берегу Вампу на полпути к порту. Около года продолжались переговоры, пока власти Французской концессии не разрешили за счет средств группы снять квартиру на территории концессии и устроить здесь лазарет. Теперь русские военные получили возможность небольшими группами сходить на берег.

Генерал Глебов, не распыляя свою группу и сохраняя оружие, которого на кораблях было немало (более 800 винтовок, 12 пулеметов, орудия, большое количество патронов и снарядов) [Там же, с. 709], первоначально надеялся на возобновление вооруженной борьбы против большевиков, которую возглавит атаман Семенов. Однако Семенов, не имевший денег и борющийся в это время в японском суде с генералом Подтягиным за получение «колчаковского золота»¹⁴⁰, заявил в апреле 1924 г. Глебову о необходимости передачи трех кораблей, находившихся в распоряжении Дальневосточной казачьей группы, в аренду иностранцам, и о том, что не рассматривает группу, как военную силу [Аблажей, 2003, с. 91]. Семенов снял с руководства группой Глебова и назначил на его место генерала Анисимова, что было сделано с подачи советских представителей в Китае, которые налаживали контакты с Анисимовым. Сам Семенов в это время искал возможности для сотрудничества с Советами.

Вмешательство Семенова привело к конфликту между ним и Глебовым. В пику Семенову Глебов предпринял попытку консолидации казачества на территории Китая, для чего был организован Совет войсковых атаманов Казачьих войск во главе с самим Глебовым. Проект провалился [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 711, 712]. В марте 1925 г. вышедший из подчинения Глебову генерал Анисимов со своими сторонниками (240 человек), имея поддержку со стороны советского консульства, увели судно «Монгутай» в Советский Союз [Подробнее см.: Наземцева, 2016].

Положение офицеров и бойцов группы Глебов, проживавших на старых судах, было очень тяжелым. Как следует из сообщений ИНО ОГПУ, Глебов «очень экономно ведет хозяйство группы – питание плохое, одежда ветхая, вдобавок пьют воду из мест стоянки, пропуская ее через квасцы. В результате у многих во рту появились язвы... Большинство солдат и казаков Глебовской группы измучены, тяготятся своим положением, стремятся к возвращению на родину. Оставить же Глебова не решаются с одной стороны под угрозой тяжелой дисциплины,

---

¹⁴⁰ Еще во время Первой мировой войны Россия в качестве оплаты военных поставок перевела Японии более 78 млн. золотых иен. В период Гражданской войны в японские банки были отправлены 59 млн. рублей в золотых слитках и монетах. Часть этих средств находилась в распоряжении генерала М.П. Подтягина, военного агента правительства адмирала Колчака в Японии. После падения Омского правительства и оставления белыми Забайкалья японцы прекратили всякие поставки, хотя деньги за них были японской стороной получены. Белые неоднократно пытались вернуть себе российское золото, «осевшее» в японских банках, что весьма основательно изучено В. Сироткиным. В мае 1921 г. атаман Семенов потребовал выдачи ему переведенных в японский Чосон-банк 1,4 млн. зол. руб., но получил от Подтягина только 338 тыс. Летом 1922 г. Семенов через своего посредника полковника С. Куроки (с 1923 г. к делу подключается еще один представитель Семенова – С. Судзуки) передает дело в японский суд. Судебное разбирательство завершилось только в марте 1925 г. отказом выдать казенные деньги частному лицу [Сироткин]. Подтягин в это время уже проживал во Франции.

с другой – из боязни остаться в Шанхае без крова и куска хлеба...» [Русская эмиграция, т. 7, с. 658]. Для обеспечения своих людей Глебов постепенно продал оружие, находившееся на кораблях, и оба оставшихся в его распоряжении судна. Большая часть «глебовцев» разными способами сумела обосноваться в городе. Окончательно свое существование группа прекратила в 1927 г.

Как отмечалось ранее, тяжелое положение эвакуированных в Китай бывших военнослужащих белых войск и нежелание многих приспособиваться к чуждой им среде способствовали процессу репатриации. Уже в первой половине 1923 г. китайскими властями Маньчжурии было репатрировано в Советскую Россию на добровольных началах 1185 человек, в сентябре 1923 г. число репатриантов из Маньчжурии составило 1325 человек. За 1924 г. количество бывших белых возвратившихся в Россию из Маньчжурии превысило 4 тыс. человек [Аблажей, 2007а, с. 58, 59].

В 1924 г. НКВД в очередной раз поставил перед ОГПУ вопрос о плановой массовой репатриации из Китая, что требовало упрощенной подачи виз на амнистию и распространение такой на новые группы белых. В частности, это касалось военнослужащих Белой армии, эвакуированных в Сынцзян. В июне 1924 г. ВЦИКом были амнистированы «рядовые участники белогвардейских организаций, ушедшие в Китай и Монголию». Создание с 1925 г. советских консульств на китайской территории заметно упростило процесс репатриации. Поток репатриантов с 1924 г. заметно увеличился и практически иссяк к 1927 г. За период 1921–1927 гг. только легально из Сынцзяна возвратились на родину 17,5 тыс. человек [Там же, с. 60], примерно столько же прибыли нелегально. Так, согласно сведениям А.П. Воробчука, к 1928 г. в Сынцзяне осталось не более трех тысяч русских эмигрантов [В.А. Vorobchuk Papers, box 2].

Что представляла собой обосновавшаяся на территории Китая русская военная эмиграция в количественном и качественном отношении?

В связи с отсутствием со стороны китайских властей строго учета военнослужащих, прибывших на территорию Китая в 1920–1922 гг., а также полных сведений о движении контингента военных беженцев (репатриация, реэмиграция, смертность), определить точно численный состав бывших русских военных, находившихся к середине 1920-х гг. в разных частях страны, достаточно сложно. Тем не менее, подсчеты, сделанные на основании имеющихся у нас данных, показывают, что информация, приведенная в отчете генерала А.С. Лукомского, эmissара великого князя Николая Николаевича, побывавшего на Дальнем Востоке в 1924–1925 гг., в целом была близка к истине. Лукомский определил число русских военных эмигрантов в Китае в 1925 г. в 25 тыс. человек [Н.А. Lukomskii Papers, box 1, Report]¹⁴¹. Эта цифра может быть несколько увеличена и доведена до 30–35 тыс. (не менее половины из них составляли бойцы, боровшиеся с большевиками вплоть до конца 1922 г.), 7–8 тыс. из этого состава представляли офицеры, наиболее устойчивый к репатриации и «идейный» элемент военной эмиграции. Рядовой состав военной эмиграции в Китае больше чем наполовину был представлен казаками, первыми по численности среди которых являлись забайкальцы и оренбуржцы. Другая крупная группа рядового состава военных эмигрантов была представлена бывшими военнослужащими Ижевских и Воткинских частей, многие из которых являлись рабочими Ижевского и Воткинского заводов и жителями окрестных районов¹⁴².

¹⁴¹ В преддверие поездки Лукомского на Дальний Восток РОВС располагал крайне завышенными цифрами о количестве русских военных в Китае. Согласно сведениям, приводимым генералом П.М. Русским (Белград), только в Маньчжурии находилось от 225 до 270 тыс. человек. Общее число офицеров на Дальнем Востоке Русский определял в 35–40 тыс. человек [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 233, л. 1, 3].

¹⁴² Как показывает анализ анкет ХКПРБ, состав Белой армии на Дальнем Востоке почти на 90 % был представлен крестьянами, казаками, рабочими и мещанами [Ципкин, 1994, с. 79, 80].

Большая часть военных эмигрантов разместилась в Северной Маньчжурии, бывшей полосе отчуждения КВЖД. Среди населенных пунктов Северной Маньчжурии с большим русским населением особенно выделялся Харбин – главный центр полосы отчуждения. Харбин был построен русскими по образцу российского провинциального города и долгое время сохранял колорит русской жизни. Это был крупнейший эмигрантский центр в Китае. Кроме Харбина, большое количество русских, в том числе и военных эмигрантов, проживало в городах и поселках на западной и восточной линиях КВЖД. К таким населенным пунктам относились прежде всего станции Маньчжурия, Пограничная, Ханьдаохэцзы, город Хайлар, а также приграничный с Забайкальем район Трехречья (притоки Аргуни – реки Ган, Дербул и Хаул), где особенно массово были представлены казаки-забайкальцы.

В Южной Маньчжурии русские эмигранты расселялись преимущественно в крупных городах – Мукдене, Гирине, Чанчуне, а также небольшое количество эмигрантов проживало в Дайрене, находившемся на территории арендованной японцами Квантунской области. В тех городах, где имелись иностранные концессии, русские размещались преимущественно в их границах. Например, в Мукдене основная часть эмигрантов была зарегистрирована на территории японской и международной концессий. Согласно сведениям советского консульства, в Мукдене и его окрестностях в начале 1928 г. проживало около 2 тыс. эмигрантов, больше половины из которых были офицерами и солдатами Белой армии [АВПРФ, ф. 0100, оп. 12, п. 152, д. 48, л. 39]. В Чанчуне и Гирине в середине 1924 г. находилось около полутора тысяч бывших военных, многие из которых входили в свое время в состав Ижевско-Воткинских частей [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 75]. После смерти генерала Ястребцова объединение стало распадаться, многие покинули эти города. Летом 1928 г. численность русских эмигрантов, проживавших в Чанчуне, составляла всего 434 человека, в конце 1929 г. – 486 человек. Большая часть мужского населения (241 человек в 1929 г.) в прошлом служила в Белой армии [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 253, л. 1, 10].

По сведениям советских агентов, в Шанхае в 1924 г. находилось 4–4,5 тыс. бывших военных [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 657]. Более тысячи русских военных проживало в городах Северного и Центрального Китая – Тяньцзине, Пекине, Калгане, Циндао, Ханькоу и др. В большинстве крупных городов этих регионов существовали иностранные концессии, имевшие собственное муниципальное управление. Русские концессии имелись в таких городах, как Тяньцзинь и Ханькоу, и существовали до 1920 г. Однако и после отмены экстерриториальности и особых прав для бывших русских подданных в Китае русские концессии Тяньцзина и Ханькоу вплоть до весны 1925 г. сохраняли самоуправление. Особенно важную роль в качестве руководителя небольшой эмигрантской колонии (300–400 человек) сыграл русский консул в Ханькоу А.Т. Бельченко, имевший самые хорошие отношения с китайцами [Кононов, 2016, с. 82–92]. Русские в Ханькоу, наравне с другими иностранцами, участвовали в концессионной охране. В 1922 г. был создан Отряд Русских добровольцев (волонтеров) в составе 23 человек, в 1923 г. численность волонтеров увеличилась до 43 человек. Командовал отрядом генерал Бурлин¹⁴³. Русские также входили в состав концессионной стражи, имевшей полицейские функции, вольно-пожарной дружины, содержали свою среднюю школу [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 137, л. 149].

¹⁴³ Полковник Бурлин в конце 1918 г. выехал из Маньчжурии в Омск, где с начала 1919 г. являлся помощником начальника штаба Верховного Главнокомандующего, временно исполнял должность начальника штаба. Получил чин Генерального штаба генерал-майора. С октября 1919 г. занимал должность 1-го генерал-квартирмейстера штаба Восточного фронта. Участвовал в Сибирском Ледяном походе. В начале 1920 г. выехал с семьей в Шанхай, где не смог устроиться и перебрался в Ханькоу. Из других крупных чинов в Ханькоу с 1920 г. проживал Георгиевский кавалер генерал-лейтенант Г.П. Жуков, как и Бурлин казак Оренбургского казачьего войска. В годы Гражданской войны Жуков командовал 1-м Оренбургским отдельным казачьим корпусом Оренбургской отдельной армии и являлся главным начальником Оренбургского военного округа.

Ситуация в Синьцзяне была, пожалуй, наиболее сложной. Небольшое количество крупных городов, удаленность от международной транспортной инфраструктуры, отсутствие иностранных концессий и значительной русской диаспоры, бедность и глубокая традиционность местного населения делали этот регион малопривлекательным для расселения русских военных беженцев, особенно офицеров. После разгрома отряда Бакича и эвакуации его остатков в Северный Китай наиболее крупная группа бывших русских военных, преимущественно «дутовцев», осталась на территории Илийского (Кульджийского) округа. По данным советской разведки в марте 1922 г. в Илийском округе насчитывалось 1080 беженцев (Кульджа – 200, Суйдин – 350, Мазар – 300, Чимпанцзе – 100, долина реки Боротала – 130 человек) [Ганин, 2006а, с. 387]. Общая численность русских военных в Синьцзяне, вероятно, не превышала тысячи человек.

Анализируя качественный состав военной эмиграции, необходимо отметить, что в отличие от европейского контингента военной эмиграции, количество кадровых военных (главным образом, офицеров) на Востоке было сравнительно небольшим. Е.В. Волков, исследуя офицерский корпус армии адмирала Колчака, указывал, что кадровых военных в колчаковской армии было не более 6 % от общего числа, более трети офицеров получили офицерские чины в годы Первой мировой войны [Волков Е., 2005, с. 51], следовательно остальные 60 % были произведены в офицеры из юнкеров и нижних чинов, или получили военное образование в военных училищах и военно-инструкторских школах Восточного фронта в период Гражданской войны. В общей сложности таких военных заведений насчитывалось тринадцать: Оренбургское казачье военное училище, Хабаровское, Читинское, Иркутское военные училища, военное училище на о-ве Русском (школа Нокса, позднее – Корниловское училище), Омские артиллерийское и техническое военные училища, Морское военное училище во Владивостоке, Челябинская кавалерийская школа, Екатеринбургская, Тюменская и Томская военно-инструкторские школы, юнкерская сотня Уральского казачьего войска [Еленевский].

Опираясь на данные архивно-следственные дел русских эмигрантов, депортированных из Маньчжурии в 1945 г., мы можем предположить, что количество офицеров, получивших офицерские чины в годы Первой мировой войны, составляло более половины всего офицерского состава в Китае, тогда как офицеры производства Гражданской войны – около 40 %. Также нужно отметить, что большая часть русских генералов, оказавшихся в Китае, были произведены в свои чины в годы Гражданской войны, нередко не имея даже штаб-офицерского чина в старой армии. Особенно много «новоиспеченных» генералов дали войска атамана Семенова¹⁴⁴.

Двумя основными центрами, где сосредоточилось большое количество кадровых военных и офицеров, окончивших академию Генштаба, являлись Харбин и Шанхай¹⁴⁵. В остальных местах массового расселения военных кадровых офицеров было немного. Характерным примером здесь может служить Тяньцзин, самый крупный центр русской эмиграции в Северном Китае, где к концу 1920-х гг. проживало 3–4 тыс. эмигрантов. В 1928 г. в своих письмах в Париж к генерал-лейтенанту Н.Н. Головину двое видных русских офицеров Тяньцзина, гвардии полковники П.А. Веденяпин и А.П. Бендерский отмечали, что из нескольких сотен офицеров, проживавших в городе, кадровых набиралось 20–25 человек. К тому же большинство из них, включая и генерал-лейтенанта Г.А. Вержбицкого, бывшего командующего Дальневосточ-

¹⁴⁴ Согласно сведениям из биографического справочника «Белый генералитет на Востоке России в годы Гражданской войны», далеко не полным, из 200 генералов, проживавших в Китае в 1920-е гг., более 130 имели производство периода Гражданской войны, что в известной мере было обусловлено и объективными обстоятельствами. В качестве примеров стремительной карьеры офицеров-семеновцев можно назвать генерал-лейтенанта Ф.Л. Глебова (в Российской армии хорунжий), генерал-лейтенанта Л.Ф. Власьевского (бывший сотник), генерал-лейтенанта Н.И. Савельева (бывший сотник), генерал-майора А.И. Тирбаха (бывший подъесаул), генерал-майора Е.Д. Жуковского (бывший сотник) и др. Аналогичная ситуация наблюдалась и с производством в штаб-офицеры.

¹⁴⁵ На 1924 г. в Маньчжурии находилось около 60 офицеров Генерального штаба, окончивших как полный, так и ускоренные курсы Военной академии [ГАРФ, ф. Р-6534, оп. 1, д. 5, л. 60, 60 об].

ной армией, не имели высшего образования. Настоящим генералом, т. е. получившим это звание еще в Императорской армии (1914 г.), Веденяпин называл только М.В. Колобова, который уже давно отошел от строя. Высшее образование, по словам Бендерского, имели Веденяпин [окончил Военную академию по 1-му разряду с дополнительным курсом в 1911 г. – С.С.] и полковник М.А. Михайлов [в 1917 г. окончил ускоренный курс Военной академии 1-й очереди – С.С.], «полуобразование (Сибирская Академия) – пьяный [К.Л.] Соболев [в 1919 г. окончил ускоренный курс Военной академии 4-й очереди – С.С.]. Итого 2 ½ [человека]» [НИА. Golovin Papers, box 12, f. Association of military science in emigration II]. Остальные высшие офицерские чины являлись преимущественно «атаманской» (главным образом семеновской) формации, из писарей, фельдшеров и т. д., которые «не имеют даже самых элементарных познаний по военному делу и по своим моральным качествам элемент для строя опасный – разлагающий» [Ibid].

Осознанность выбора военной профессии (кадровые военные) оказывала большое влияние на формирование и поддержание особой идентичности на индивидуальном уровне. Как правило, именно кадровые офицеры формировали костяк многих организаций военных эмигрантов. Корпоративная идентичность в среде «офицеров военных лет» была выражена значительно слабее и быстрее разрушалась. Особый слой среди офицеров-эмигрантов, имевший свою идентификационную специфику, составляли офицеры-казаки, впрочем, слой также не единый, поскольку большую роль в данном случае играла войсковая принадлежность казака. Наиболее массово в Китае были представлены казаки Забайкальского и Оренбургского казачьих войск, помимо этого здесь находились казаки Сибирского, Иркутского, Енисейского, Уральского, Семиреченского, Амурского, Уссурийского, а также отдельные представители Донского, Кубанского и Терского казачьих войск. Другой особый, в значительной мере консолидированный слой среди эмигрантского офицерства составляли офицеры военно-морского флота. Эта группа численно была сравнительно небольшой и размещалась главным образом в Шанхае и Харбине¹⁴⁶.

Важным фактором, обуславливавшим внутреннюю неоднородность военной эмиграции, являлась т. н. «партийная» (групповая) принадлежность, сформировавшаяся в среде военнослужащих (не только офицеров) в годы Гражданской войны. Наиболее крупными «партиями», отношения между которыми были откровенно враждебными, являлись «каппелевцы» и «семеновцы»¹⁴⁷. Существовали и другие «атаманские партии» – «анненковцы» (наиболее консолидированные), «дутовцы», «глебовцы», «калмыковцы». В некоторых случаях «партийная» принадлежность оказывала влияние на формирование организаций военных эмигрантов.

Собственно политическая принадлежность в среде военных эмигрантов, в массе своей далеких от политики, была выражена очень слабо. Основную часть бывших военных можно было бы причислить к стихийным монархистам. В то же время в офицерской среде встречались сторонники конституционных демократов, левых (в частности, эсеров), сибирских областников.

По этнической принадлежности подавляющее большинство военнослужащих (особенно офицеров) являлись русскими. Кроме того, среди военных были украинцы, татары и башкиры (тюрко-татары), грузины, буряты¹⁴⁸. Известно, что в конце 1920 года в составе белых войск, отступивших в Маньчжурию из Забайкалья, находилось до двух тысяч башкир. В феврале

¹⁴⁶ В Китае проживало всего три адмирала (контр-адмирал Безуар к концу Первой мировой войны имел чин ст. лейтенанта) и один генерал по адмиралтейству.

¹⁴⁷ В одном из своих писем 1927 г. к генералу Лукомскому в Европу полковник Бендерский, один из руководителей русской военной эмиграции в Тяньцзине, отмечал, что военные в Тяньцзине разбиты на группы: каппелевцы, семеновцы, анненковцы, дутовцы. «Каппелевцы и семеновцы – это вода и масло, ничем их не смешаешь, слишком много пережили в прошлом. Большинство же анненковцев и дутовцев тяготеют к каппелевцам» [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 143, л. 230 об].

¹⁴⁸ Жесткой этнической дифференциации в эмигрантской среде не существовало, за исключением членов националистических организаций, таких как, например, Украинская Громада, а с точки зрения китайских властей, все выходцы с территории бывшей Российской империи рассматривались как русские.

1921 г. десять офицеров из башкир и татар, в том числе полковник (позднее генерал-майор) Султан-Гирей Бикмеев и капитан Галимьян Таган, выехали в Токио [Юнусова, 2001, с. 89, 90]. Еще одним представителем татар являлся поручик И.А. Мамлеев, проживавший с 1927 г. в Шанхае. Мамлеев, являясь сотрудником газеты «Слово», возглавлял национально-духовную общину тюрко-татар Шанхая (1928–1933) [Шаронова, 2015, с. 164].

Часть бурятов, служивших в войсках атамана Семенова, ушли на территорию Барги (западная часть провинции Хэйлунцзян), где расселились в основном в Шэнэхэнском хошуне Хулун-Буирского округа. Наиболее важную роль в местной бурятской среде играли отдельные семеновские офицеры. Особенно Уржин Гармаев, служивший в годы Гражданской войны в 1-м Бурятско-Монгольском полку и штабе Отдельной кавалерийской дивизии им. генерала Крымова. Будучи человеком, имевшим хорошее образование (окончил Читинское городское училище и сдал экстерном экзамен на звание народного учителя) и большой авторитет среди земляков, Гармаев в 1927 г. стал выборным правителем (угурдой) Шэнэхэнского хошуна [Базаров, 2001].

Большая разнородность военной эмиграции, отсутствие единого консолидирующего центра, а также «груз прошлого» – стремление отыскать виновного в неудачах Белого движения, создавали условия для внутренней борьбы в среде бывших военных. Противоречия существовали не только между т. н. «партийными» группировками, но и между старшим и младшим офицерством¹⁴⁹, казаками и не-казаками, представителями различных казачьих войск. Забегая вперед, нужно отметить, что все попытки преодолеть внутреннюю разобщенность и объединить военную эмиграцию окажутся не вполне удачными.

---

¹⁴⁹ Конфликт между старшим и младшим офицерством, обозначившийся уже в начальный период Белого движения на востоке России, нашел свое продолжение в эмиграции в форме ожесточенных дискуссий и взаимных обвинений, внутренних расколов, а также имел отражение в литературе военной эмиграции. В качестве примера можно привести одно из стихотворений бывшего штабс-капитана А.И. Несмелова, крупнейшего поэта Русского Харбина: «Выплывут из памяти муаровой/Волга и Урал/Сядет генерал за мемуары./Пишет генерал <...> И, носясь над заревом побоищ,/В отзвуках «ура»./Он опять любит себя./Этот генерал./Нам же, парень, любоваться нечем:/Юность истребля./Мы бросали гибели навстречу./Лишь самих себя./Перестрелки, перебежки, водка./Злоба или страх./Хрипом перехваченная глотка./Да ночлег в кустах <...>А у нас – расстрелянное сердце/До конца войны».

Глава 4. Продолжение борьбы или переход к мирной жизни: военные эмигранты в первой половине 1920-х гг

Одной из важнейших проблем, с которой сталкивается эмигрант, оказавшийся в новой для него социально-культурной среде, является проблема социальной адаптации. Значительная часть русских военных, эвакуированных на территорию Китая, не хотели оставаться в этой стране (особенно в долгосрочной перспективе), поэтому предпочли репатриацию и реэмиграцию в другие страны. При этом необходимо учитывать, что далеко не все, кто желал вернуться на родину или выехать за пределы Китая, могли себе это позволить. Репатриация была закрыта для офицеров, отъезд за границу связан с большими финансовыми затратами и т. п.

Огромную роль в процессе адаптации играли существовавшие ресурсы, как индивидуальные, так и групповые (не только наличие денежных средств и имущества, но и связей, кооперации внутри эмигрантского сообщества, устойчивого социально-правового статуса, помощи со стороны принимающего государства и общественных структур), а также личностные и групповые установки. Одной из доминантных групповых установок в среде бывших военнослужащих Белой армии являлось неприятие советской власти и стремление продолжить борьбу с нею, что шло вразрез с основной доминантой процесса социальной адаптации, ориентированной, как показывают наши изыскания, на включение индивида в экономические сферы региона проживания, дополнявшееся достижением устойчивого правового статуса и отказом от участия в «политике» [Подробнее см.: Смирнов С., 2007]. Поэтому политическая активность эмигранта выступала скорее дезадаптационной стратегией. Что касается личных установок, то их существовало множество.

Чтобы разобраться с тем, что определяло выбор человека в пользу адаптации или отказа от нее, а также тип социального поведения, мы с известной долей условности выделили несколько основных типов военных эмигрантов, взяв в качестве основных характеристик социально-психологическое состояние и отношение к советской власти. Выделенных типов оказалось пять: «люди войны»; активные антибольшевики; пассивные антибольшевики; «перерожденцы» и «шкурники».

К первому типу относились не только и даже не столько люди, ничего не знавшие кроме войны, ушедшие на фронты еще Первой мировой буквально со школьной скамьи, сколько жившие атмосферой и состоянием войны, получая от этого психологические и материальные дивиденды. Чаще всего «люди войны» были чужды дисциплине и даже понятию «чести и долга» в традиционном значении, характерном, например, для кадрового офицерства. Такие люди не лезли в политику, хотя зачастую с ненавистью относились к большевикам. В массе своей это были молодые военные (20–30 лет), не имевшие семей и часто гражданской профессии, не ориентированные на отказ от прежней деятельности и долговременное приспособление к новым условиям существования.

Второй тип представляли сторонники продолжения активной борьбы против советского режима, главным образом из среды офицерства, хотя среди активистов было немало и бывших нижних чинов. Борьба против советской власти выступала для них как осознаваемая необходимость и главное средство возрождения России. Для военных активистов служение Родине ассоциировалось с верностью присяге и собственной совести, присутствовало осознание особой роли офицерства в антибольшевистской борьбе (идея «чистой борьбы») в сравнение с политиками – демагогами и предателями [Подробнее см.: Robinson, 2002]. Эти люди также были мало ориентированы на долговременное приспособление к новой социальной среде.

Пассивные антибольшевики, в отличие от активистов, не признавая легитимности советского режима в России, в то же время отказались от дальнейшей борьбы против него. Как показывают разнообразные биографические материалы, таких и в среде западной и восточной военной эмиграции было большинство. Пассивные антибольшевики больше других стремились адаптироваться к новой среде в более или менее длительной перспективе, поэтому обычно сторонились деятельности «политических» организаций, объединявших бывших военных.

«Перерожденцы» приняли (здесь тоже существовали градации) советскую власть, восприняв Советский Союз преемником дореволюционной России на Дальневосточных рубежах. Для большинства из них главной целью являлось возвращение на родину, ради чего многие из них готовы были сотрудничать с советскими спецслужбами¹⁵⁰. Наконец, «шкурники» являли собой тип людей, готовых служить кому угодно, лишь бы за это хорошо платили. Такие успешно приспособлялись в любых условиях и в любой среде.

Кроме того, нужно учитывать, что помимо «чистых» типов из предложенной нами типологии существовали и их разнообразные вариации.

Поражение Белого движения на Дальнем Востоке не означало полного отказа эмигрантов от продолжения антибольшевистской борьбы. Главной силой антибольшевистского движения в эмиграции стали те, кого мы причислили к активным антибольшевикам и «людям войны».

У некоторых антибольшевистских лидеров после падения Приморья еще сохранялась надежда на подъем широких слоев населения против советской власти, в связи с чем территория Китая рассматривалась как плацдарм для накопления сил. В то же время китайские власти, не заинтересованные в сохранении на своей территории ни русских воинских контингентов, ни подпольных партизанских групп, проводили аресты и высылку за пределы Маньчжурии наиболее активных «белогвардейцев». По одной из версий, высылка из пределов полосы отчуждения КВЖД генералов Лохвицкого и Смолина в конце 1922 г. помешала созданию в Харбине штаба, который был призван контролировать белопартизанскую активность в Приморье и Забайкалье. Советские агенты к инициаторам создания подобного штаба также относили полковников Озолина и Михайлова и генерал-майора С.Н. Барышникова [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 48]. В приграничных с СССР районах китайскими властями предпринимались попытки установить особый учет бывших русских военных. Например, в декабре 1923 г. было объявлено о регистрации всех русских офицеров, проживавших на ст. Маньчжурия [Заря, 1923, 12 дек.]. Любой «прокол» со стороны тех, кто вел подпольную антибольшевистскую деятельность, мог привести к высылке в Советский Союз¹⁵¹.

Тем не менее, на протяжении всего 1923-го и части 1924 года в приграничье сохранялась достаточно высокая активность белых партизанских отрядов. В Трехречьи действовали партизанские отряды есаула Бессонова и сотника И.С. Шадрин [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 32474, л. 10], отряд Захарова размещался в районе ст. Якеши [Там же, л. 21 об – 23]. Кроме того, существовали отряды полковника А.Д. Размахнина, хорунжего Номаконова, прапорщика Горулева, подъесаула Сотникова [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 725] и др. Одним из крупных центров белоповстанческой активности оставалась ст. Маньчжурия.

Связи с партизанским движением и стремление им руководить имели многие крупные деятели эмиграции. В частности, атаман Семенов, члены Временного Сибирского правительства (областники) в лице Сазонова и Моравского и тесно с ними связанный генерал Лебедев,

¹⁵⁰ В 1923–1925 гг. целый ряд оказавшихся в Китае старших офицеров Белой армии, стремясь возвратиться на родину, предложили свои услуги большевикам. Среди них были генералы братья А.Т. и Н.Т. Сукины, И.М. Зайцев, П.П. Иванов-Ринов, И.В. Тонких, А.Н. Шелавин и др.

¹⁵¹ Эти опасения, например, хорошо проступают из письма полковника Блукиса, находившегося в конце 1922 г. в Харбине, к Сазонову [НИА. Moravskii Papers, box 13, f. 41].

генералы Сычев, Глебов, Бурлин, некоторые представители духовенства (епископы Иона¹⁵² и Нестор). Кроме того, существовал ряд монархических организаций, также имевших связи с партизанами, хотя и не всегда располагавших большим авторитетом в их глазах. Так, например, в Харбине с декабря 1922 г. действовал Окружной Совет объединенных монархических организаций Дальнего Востока и Сибири под председательством генерал-майора (ветеринарный врач) Д.В. Мурзаева. Окружной Совет ориентировался на Высший Монархический Совет (ВМС) и включал в свою орбиту целый ряд монархических организаций, численный состав которых был крайне незначителен. Одним из активных деятелей монархического объединения являлся «семеновец», полковник И.А. Патиешвили¹⁵³. Став в 1923 г. членом Артели труда и взаимопомощи офицеров, Патиешвили объединил вокруг себя ряд офицеров и в июне того же года организовал Дальневосточный комитет по борьбе с большевиками. В организации Комитета приняли участие полковники К.И. Арчеггов, Г.В. Енборисов, Николаев, войсковой старшина Т.Т. Попов, капитан Пономарев и др. Осенью 1923 г., как следует из сообщений советской разведки, был сформирован «Свободный отряд бесстрашных бойцов», насчитывавший якобы около тысячи человек. В составе Окружного совета объединенных монархических организаций Патиешвили некоторое время возглавлял военную организацию, начальником штаба при нем являлся генерал Д.В. Загоскин¹⁵⁴ [Фомин, 2004, с. 129, 133].

Другим объединением монархистов, конкурировавшем с ВМС, выступала организация легитимистов, сторонников в. кн. Кирилла Владимировича, объявившего себя в 1922 г. Блестителем Государева престола. В Харбине отделение организации легитимистов было создано во второй половине 1922 г. генералом Ф.А. Риттихом и возглавлялось полковником Н.Л. Жадвойном¹⁵⁵.

Одной из наиболее сложных проблем, стоявших перед руководителями партизанского движения, была проблема финансов. Многие отряды жили на «подножном корму», промышляя охотой и разбоем. В поисках финансирования партизанские вожаки нередко обращались к представителям тех или иных эмигрантских белых организаций. Известно, например, что полковник Размахнин в апреле 1924 г. посещал Харбин, где встречался с полковником Токмаковым, представителем Забайкальского казачьего войска в Восточном Казачьем союзе, и председателем Окружного Объединенного совета монархических организаций Мурзаевым [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 721, 722].

Значительными денежными суммами в это время не располагала ни одна из эмигрантских группировок, а надежды на помощь партизанскому движению со стороны частных лиц были очень слабы. Едва ли не единственным примером активной поддержки Белого движения частным лицом являлась деятельность крупного чаесторговца из Ханькоу С.В. Литвинова (умер в феврале 1925 г.) и в дальнейшем его вдовы, Е.Н. Литвиновой. Литвинова, имея близкое знакомство с епископами Нестором и Ионой, генералом Бурлиным и другими, оказывала через них финансовую помощь белоповстанческому движению¹⁵⁶.

¹⁵² Епископ Иона работал на ст. Маньчжурия в 1923–1925 гг. и возможно был отравлен советскими агентами.

¹⁵³ Патиешвили Илья Александрович в конце 1917 г. являлся начальником Иркутской грузинской боевой дружины, помогавшей охранять порядок в городе, в конце 1918 г. возглавил сформировавшийся 1-й Особый кавказский пластунский полк в составе 5-го Приамурского корпуса, который так и не попал на фронт.

¹⁵⁴ Загоскин получил чин генерал-майора в июне 1919 г., являлся начальником артиллерии сводной Маньчжурской имени атамана Семенова дивизии, начальником гарнизона ст. Даурия. Генерал для поручений при командующем Дальневосточной армией, врид начальника Азиатской конной дивизии (1920). Находился под следствием военно-окружного суда, оправдан. В конце 1920 г. прибыл в Маньчжурию, жил в Харбине, позднее – во Владивостоке. Находился под арестом на гарнизонной гауптвахте Владивостока. С ноября 1921 г. в Маньчжурии.

¹⁵⁵ Жадвойн Николай Леонидович. Окончил Пажеский корпус (1913). Участник Первой мировой войны в составе л-гв. Конно-Гренадерского полка, гвардии штабс-ротмистр. В белых войсках Восточного фронта, начальник особого отделения квартирмейстерского отдела штаба Верховного Главнокомандующего (февраль 1919 г.). Участник Сибирского Ледяного похода в составе Уфимской кавалерийской дивизии. Летом 1920 г. в штабе генерала Лохвицкого в Чите. Полковник.

¹⁵⁶ Из показаний знаменитого партизанского вожака З.И. Гордеева известно, что в сентябре 1923 г. он, находясь в Харбине,

Большие надежды политическая эмиграция возлагала на получение денег, отданных в 1920 г. на хранение японской стороне, или переведенных в Японию в счет военных поставок Омским правительством. Двумя наиболее реальными претендентами на обладание «колчаковским золотом», как считалось в эмигрантских кругах, являлись атаман Семенов и глава Сибирского правительства «дед» Сазонов (оба находились на содержании японской стороны). Поэтому все, кто жаждал продолжения борьбы с большевиками или надеялся перехватить немного денег для первоначального обустройства в Китае, стремились наладить с ними связи.

На западной линии официальным представителем Семенова и командующим Забайкальским фронтом до лета 1924 г. оставался генерал Мыльников. После его гибели новым представителем атамана на западной ветке КВЖД, где сосредоточилось большое количество забайкальских казаков, среди части которых авторитет Семенова продолжал оставаться достаточно высоким, был назначен генерал-лейтенант Н.В. Никонов [Купцов, 2011, с. 379].

Первоначально на Семенова ориентировались и эвакуированные в Корею казачьи части, руководимые генералом Глебовым. Однако их ожидания быть переброшенными всей группой к российской границе для продолжения боевых действий против большевиков не оправдались. Были предприняты, вероятно, не без участия японцев, лишь ограниченные наборы в партизанские отряды для перемещения в Маньчжурию. Весной 1923 г. в район ст. Пограничная из Гензана прибыли до 30 человек для организации партизанского движения. Среди них были полковник В.Л. Дуганов¹⁵⁷, есаул А.И. Овечкин (сподвижник атамана Калмыкова), офицеры Шипицин и Семенов. Тесные связи с Глебовым имел обосновавшийся в районе Пограничной подполковник В.А. Емлин¹⁵⁸, крупный руководитель партизанского движения еще в годы Гражданской войны. По сообщению ИНО ОГПУ, средства в сумме 7 тыс. иен на формирование и содержание этого отряда генерал Глебов получил от японцев [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 713]. Кроме того, в Приморье успешно действовал доходивший до тысячи человек партизанский отряд уссурийца войскового старшины Ширяева [Там же, с. 77]. Уже позднее, летом 1924 г., находясь в Шанхае, генерал Глебов направил две группы казаков в распоряжение генерала Сычева (40 человек) и генерала Мыльникова (60 человек) [Там же, с. 714]. Но поскольку организации Сычева и Мыльникова в это время были разгромлены, партизаны оказались не у дел.

При Сибирском правительстве существовал возглавляемый генералом Лебедевым военный совет, призванный координировать деятельность белоповстанцев. Первоначально, связь с Сазоновым и его штабом поддерживал целый ряд офицеров, проживавших в Харбине и на линии. Уже упоминавшийся нами генерал Попов сумел наладить на западной линии отношения с заместителем арестованного генерала Шильникова – Генерального штаба полковником М.А. Михайловым¹⁵⁹ и партизаном З.И. Гордеевым (в 1923 г. проживал в Харбине), стремясь

получил от секретаря епископа Нестора Н.А. Остроумова 300 рублей «на прожитие» из суммы в 10 тыс., выданных купчихой Литвиновой [Между Первой и Второй мировыми войнами].

¹⁵⁷ Полковник Валентин Леонидович Дуганов являлся участником Первой мировой войны, Георгиевский кавалер. В Гражданскую войну служил помощником начальника бригады в капеллевских войсках. В 1921 г. был арестован красными в Маймачене (Монголия), вывезен в Иркутск. Бежал из лагеря и организовал повстанческий отряд, который оперировал к северу от озера Байкал и прославился своими дерзкими и жестокими акциями против большевиков и тех, кто их поддерживал. В 1922 г. ушел на восток, оказался во Владивостоке, откуда был эвакуирован в Гензан. Боец офицерской роты Урало-Егерского отряда.

¹⁵⁸ Емлин Василий Андреевич, 1888 г. р. Окончил полковую учебную команду и сдал экзамен на чин прапорщика при штабе 16-го армейского корпуса (1912). Участник Первой мировой войны, подпоручик. Кавалер Георгиевского креста IV ст. с лавровой ветвью. Летом 1918 г. один из организаторов антибольшевистского партизанского движения на Среднем Урале, командир Летучего партизанского отряда, позднее вошедшего в состав 15-го Курганского Сибирского стрелкового полка. Командир Егерского батальона 4-й Сибирской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. Подполковник. В Приморье в 1921 г. командовал сводной офицерской ротой.

¹⁵⁹ Михайлов Михаил Афанасьевич, 1885 г. р. Окончил Одесское пехотное юнкерское училище (1910) и ускоренный курс Николаевской военной академии 1-й очереди (1917). Участник Первой мировой войны. Командир батальона 47-го Сибирского стрелкового полка. Капитан. В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба 2-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (1918), позднее начальник штаба 5-й Сибирской стрелковой дивизии (1919), входившей в состав Южной группы

втянуть их в орбиту деятельности областников [НИА. Moravskii Papers, box 9, f. 48]¹⁶⁰. Попытки завязать отношения с областниками предпринимали полковник Ф.Ф. Мейбом (находился в 1923 г. в Циндао), генералы А.И. Андогский (в 1923 г. в Мукдене) и И.Н. Никитин. Никитин, некоторое время живший на ст. Ханьдаохэцзы, был связан с партизанами в Приморье, особенно с командиром наиболее крупного отряда в Иманском районе войсковым старшиной Ширяевым. По словам Никитина, приводимым генералом Поповым, ситуация в Приморье была такова, что в любой момент можно было ожидать широкого антибольшевистского выступления. Недовольство советской властью позволяло вести партизанскую работу не только таким популярным командирам, как Ширяев, но и далеко непопулярному Овечкину и совсем неизвестному Емлину. Ширяев, который в отличие от многих подвизавшихся на почве партизанщины авантюристов считался руководителями антибольшевистского актива «человеком серьезным», сообщал, что может собрать до 7 тыс. человек и предлагал Никитину «управлять всем этим» [Ibid].

Областники, сделав ставку на якутскую военную экспедицию генерала А.Н. Пепеляева, не имели финансовых средств для поддержки партизанского движения в приграничных районах Маньчжурии и смелости признаться в этом. Они постоянно отодвигали присылку несуществующих денег и умышленно не отвечали на послания очередных повстанческих начальников. Летом 1923 г. в отношениях между Сибирским правительством и связанными с ним представителями военных кругов в Маньчжурии назрел кризис¹⁶¹. К тому же областники не располагали прочными связями с японцами, по-прежнему игравшими большую роль в поддержании антибольшевистской оппозиции, и отдававшими предпочтение атаману Семенову. В одном из своих писем к Сазонову генерал Попов сообщал о попытках японцев привязать Гордеева, обещая тому финансовую помощь, к атаману Семенову. Также чувствуется обеспокоенность Попова тем фактом, что японцы знают об отсутствии влияния областников на партизанское движение в Приморье [Ibid]. В конце концов, ни Сазонов, ни Семенов не дождались от японцев обещанных денег. Партизанское движение на российской территории, не имея финансирования и оружия из-за границы, пошло на спад.

Большую роль в ослаблении белоповстанческого движения играли также успешные действия советской разведки и частей специального назначения. Еще в конце 1922 г. советской стороной были созданы несколько отрядов по борьбе с белыми на китайской территории. Один из таких отрядов возглавлял Г.И. Мордвинов. Красные делали закладки оружия на китайской территории и устанавливали связи с хунхузами, планируя совместные удары по частям маршала Чжан Цзолия. В феврале 1923 г. в связи с протестами китайских властей красные отряды пришлось из Китая вывести [Голдин, 2010, с. 280, 281].

Летом 1923 г. чекисты сумели разгромить «глебовских» партизан в районе ст. Пограничная. Часть их была арестована китайской полицией по надуманным обвинениям. Так, подполковник Емлин был обвинен в убийстве пограничного учителя Гладких. При аресте подполковник пытался бежать, но был серьезно ранен в руку. Емлин находился в тюрьме до начала 1925 г. и был освобожден за недоказанностью преступления. В то же время есаул Овечкин, помощник Емлина, избежал ареста, проживая без излишней конспирации вблизи ст. Маццохэ [Русская эмиграция, т. 7, с. 742–744]. Войсковой старшина Ширяев, оперировавший в районе Имана, был захвачен сотрудниками ОГПУ после того, как о месте его пребывания стало известно через жену генерала Никитина, упомянувшей о неких письмах из этих мест своему

Отдельной Семиреченской армии генерала Анненкова. Полковник (1920).

¹⁶⁰ Гордееву Сазонов, с которым он встречался в Токио в 1923 г., крайне не понравился и он решил на связывать себя с Сибирским правительством.

¹⁶¹ Большая часть тех, кто ориентировался на областников, разорвали с ними отношения в 1923 г. Это касается генералов Попова, Никитина, Андогского, полковника Блукиса и др.

новому знакомому, якобы недавно прибывшему из Европы, Гетовту, на самом деле советскому агенту [Голдин, 2010, с. 291].

В конце 1923 г. советскими органами было подавлено подготовленное Амурской военной организацией восстание в Благовещенске [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 742–744]. Еще одной громкой акцией советской разведки стала ликвидация в 1924 г. в районе границы с Приморьем т. н. Таежного штаба, якобы имевшего связи с легитимистами [Между Первой и Второй мировыми войнами]¹⁶². Это заставило полковника Жадвойна спешно покинуть Харбин и перебраться в Мукден.

В начале 1924 г. в рамках реализации плана давления на китайское правительство с целью склонить его к подписанию межправительственного соглашения советским руководством было решено усилить активность по разложению белой эмиграции. Для это в Харбин была направлена т. н. ударная тройка под председательством В.А. Антонова-Овсеенко. Для реализации задачи по разложению белой эмиграции и репатриации бывших военных (предполагалось создание репатриационной комиссии) ударная тройка располагала крупной суммой в местной валюте. Особенно большое внимание отводилось разложению Амурской военной организации генерала Сычева [Буяков, 2013, с. 198–200].

Опасения в отношении этой организации были связаны с тем, что в январе – феврале 1924 г. в Благовещенском уезде произошло крупное крестьянское восстание, известное как Зазейское. Большевики боялись поддержки повстанцев со стороны АВО. Однако эти опасения оказались необоснованными, восстание стало неожиданностью для самой АВО. Руководство организации не имело надежных связей с лидерами восстания, происходившими в основном из зажиточных крестьян Благовещенского уезда, и оказать сколько-нибудь существенную помощь повстанцам не смогло. Сычеву это восстание стоило значительного снижения авторитета [НИА. Lukomskii Papers, box 1, Report]. Он отошел от руководства организацией, которая еще некоторое время, как показывают советские документы [Наземцева, 2016, с. 348–350], функционировала, но к концу 1924 г. окончательно исчезла. Разгромив АВО, чекисты создали в Сахалине мощный разведывательный центр, развернувший в 1924 г. операцию «Маки», одну из крупнейших и наиболее успешных операций советских разведывательных органов против белоэмиграции на Дальнем Востоке [Хабаровские чекисты, 2011].

Чекисты, работавшие в Мукдене, сумели через свою агентуру в японских спецслужбах получить архив белой разведки всего Дальнего Востока, который был благополучно вывезен в Москву [Голдин, 2010, с. 283].

В мае 1924 г. Забайкальское ОГПУ получило сообщение из Маньчжурии об активизации деятельности белых. Генерал Мыльников по приказу атамана Семенова приступил к организации повстанческих баз на советской территории [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 92, 93]. Под его командованием действовали полковники Размахнин и В.И. Деревцов. Также к Мыльникову присоединился кашпелевец, подполковник М.Г. Ктиторов. Для этого он уволился со службы во внутренней охране КВЖД в Харбине и выехал на ст. Маньчжурия. Главная база Мыльникова была создана в глухой тайге Сретенского уезда. Гордеев отказался присоединиться к Мыльникову, ориентируясь на тактику маневренных боевых действий. Его отряд вместе с присоединившимся к нему небольшим отрядом полковника В.Л. Дуганова вел самостоятельные действия на территории Сретенского и Нерчинского уездов.

Повстанцы Мыльникова были разгромлены уже в начале июня 1924 г. (операция «Аркийские столбы»). Полковник Деревцов погиб, а сам Мыльников был взят в плен. Избежали ареста и гибели только Размахнин и Ктиторов, находившиеся в это время на территории Маньчжурии. Захваченный в плен генерал Мыльников написал обращение к своим соратникам в Маньчжурии, называя борьбу против советской власти бесцельной и преступной. Возможно,

¹⁶² В эмигрантских источниках никакой информации о «Таежном штабе» нами не встречено.

это обращение было лишь очередной советской агиткой. В дальнейшем Мыльников был осужден советским судом и расстрелян.

Отряд Гордеева, продержался до начала июля, перемещаясь по уездам, проводя митинги и распространяя листовки, но, в конце концов, был разгромлен. Гордеев и еще трое партизан после нескольких недель скитания по тайге все-таки сумели возвратиться в Маньчжурию [Там же, с. 732, 733; Соловьев]. Полковник Дуганов и его люди, еще ранее отколовшиеся от Гордеева, двинулись на восток. В августе 1924 г. они перешли Амур в четырехстах километрах выше Сахалина, были арестованы китайскими властями и помещены в Сахалинскую тюрьму, где содержались до начала 1926 г. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36451, л. 22, 23].

Таким образом, в середине 1924 г. основные белоповстанческие центры на советской территории были разгромлены, большинство их руководителей либо погибли, либо были захвачены советскими органами, либо арестованы китайскими властями по возвращению на территорию Маньчжурии. Большая часть партизанских отрядов распалась или сильно сократилась в своей численности, промышляя теперь в основном контрабандой или грабежом приграничных территорий. Многие вчерашние партизаны были вынуждены сосредоточить свое внимание на поисках постоянной работы.

Возвращаясь к проблеме социальной адаптации представителей русской военной эмиграции в Китае, мы должны отметить, что важную роль в процессе первичной адаптации военных эмигрантов сыграли ситуация, характерная для территории размещения, наличие русских и европейских колоний и соответствующей инфраструктуры, самоорганизация военных беженцев, помощь со стороны государственных и общественных организаций.

Материальное положение большинства русских военных, оказавшихся на территории Китая, было очень непростым. Отсутствовали денежные средства, у многих не было гражданской профессии и необходимых в условиях Китая квалификации и знаний, в сфере неквалифицированного труда наблюдалась острая конкуренция с дешевой китайской рабочей силой. К тому же сильное давление на психологическое состояние беженца оказывала чужая культурная среда и неопределенность настоящего положения¹⁶³.

Конечно, среди офицеров был небольшой процент тех, кто сумел стать обладателем крупных сумм денег, чаще всего не вполне законным способом. Как отмечал в своем дневнике в марте 1920 г. полковник И.С. Ильин, «все больше съезжается авантюристов белого движения. Харбин кишит ими, золото Семеновское и Колчаковское течет рекой. Одни, продав свои романовские и сибирские, спешат уехать, другие, хорошо хапнувшие, уже уехали, третьи открывают какие-то предприятия, пускаются в какие-то дела... Кафэ, рестораны, кабаре растут как грибы и все полны и все делают блестящие дела...» [ГАРФ, ф. Р-6599, оп. 1, д. 8, л. 16]. Однако эта волна быстро схлынула. Мало кто из имевших большие деньги сумел заложить прочные основы своего будущего безбедного существования за границей.

Бывшая полоса отчуждения КВЖД и прежде всего Харбин, где проживало большое количество бывших российских подданных, существовала русская экономическая и социально-культурная инфраструктура, потенциально являлась наиболее привлекательным регионом для расселения военных беженцев. Однако неудачи Белого движения и большевистская пропаганда, активно проникавшая в Северную Маньчжурию, настроили против беженцев, особенно военных, значительную часть русских старожилов полосы отчуждения. Профсоюзы, дей-

---

¹⁶³ В качестве примера приведем отрывок из воспоминаний бывшего штабс-капитана В.А. Морозова: «Семьи наши еще находились в Советском Союзе, позади была гражданская война с ее неразберихой, непередаваемым и опустошающим душу сумбуром, впереди – полная неизвестность, бесперспективность и неизведанные еще испытания. И жизнь наша поэтому шла слишком по-холостяцки, в неприбранной комнате, без всякого намека на уют, в постоянной сутолоке таких же бездомных и бесприютных людей, как мы, и, конечно к сожалению, с частыми выпивками...» [РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 11, л. 38].

ствовавшие на КВЖД, были откровенно враждебно настроены против старой администрации и белых, и способствовали падению генерала Хорвата.

Среди военных беженцев, эвакуировавшихся в полосу отчуждения КВЖД в 1920–1922 гг., в наиболее благоприятном положении оказались те, кто прибыл в Маньчжурию в начале двадцатого года, на излете «правления» генерала Хорвата. Часть из них, по крайней мере, сумели найти работу. В более тяжелой ситуации оказались военнослужащие, очутившиеся в полосе отчуждения в конце 1922-го – 1923-м годах. В это время местные русские работодатели, кто из-за опасения прихода красных на КВЖД, кто в ожидании их прихода, отказывались иметь какие-либо дела с «белобандитами» [НИА. Moravskii Papers, box 13, f. 41]. Хорошей иллюстрацией здесь могут служить воспоминания штаб-капитана А.Ю. Романовского, оказавшегося с семьей в конце 1922 г. в Цицикаре. Устроившись в качестве поденного рабочего по борьбе с сыпучими песками на местном железнодорожном участке, он отработал только полдня. Участковый комитет из железнодорожных рабочих, узнав, что Романовский бывший офицер, выступил против его пребывания в бригаде и заведующий работами был вынужден его уволить [Мелихов, 2003, с. 288].

Особенно тяжело было тем военным, которые имели семьи. Дневник полковника Ильина, прибывшего в Маньчжурию в начале 1920-го г. с женой и двумя маленькими дочерьми, показывает, что первые два – три года их эмигрантской жизни в Харбине были наполнены для Ильина постоянными поисками источников заработка, что отодвигало остальные дела на задний план.

В городах Северного Китая и Шанхае, с их незначительным русским присутствием, ситуация для бывших военных была еще сложнее. Здесь для русских беженцев не было ни работы, ни мест для размещения. Также как в полосе отчуждения военные, главным образом офицеры, прибывшие в Шанхай в 1920 г. были встречены местными русскими, в том числе и российскими официальными представителями, с большим раздражением. Как пишет в своих воспоминаниях один из основателей Союза военнослужащих в Шанхае поручик П.М. Черкез¹⁶⁴, «настоящие русские резиденты» Шанхая относились с раздражением к представителям белой идеи, которые «военными авантюрами» мешали наладить торговые отношения с Россией, без коих, большинство местных резидентов лишались главного источника своего материального благополучия... Герои вчерашнего дня, офицеры, сегодня именовались фанатиками, или бездельниками и грабителями». Даже помощник Российского военного агента в Шанхае полковник К.А. Кременецкий, отказывая многочисленным просителям в материальной помощи (он, по-видимому, и не располагал значительными суммами), заявлял, что готов выдать деньги только на билет в Россию при условии, что вчерашние белые офицеры отправятся служить в красную армию, «ибо она русская армия. Белое движение не жизненно... Надо или отказаться от звания русского офицера, или идти и служить в той армии, которая фактически и есть русская армия» [MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ].

Невероятных усилий стоило бывшим консульским представителям России в Шанхае добиться разрешения на высадку части людей, прибывших в город в составе флотилии адмирала Старка в конце 1922 г., а прибывшие летом – осенью 1923 г. в Шанхай из Гензана группы генералов Лебедева и Глебова даже не получили разрешения администрации иностранных концессий высадиться на берег. Впрочем, большая часть ответственности за случившееся лежала на командовании групп, отказавшихся интернироваться.

Не менее тяжелое положение сложилось для русских военных, оставшихся на территории Синьцзяна. Найти работу в экономически слаборазвитых районах провинции было крайне сложно. Местные власти и население смотрели на русских военных с опаской и неприязнью. С

¹⁶⁴ Черкез Петр Михайлович. Окончил ускоренный курс Алексеевского инженерного училища (1916). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Служил в частях ВСЮР.

1921 г. ситуация стала несколько улучшаться, в крупных городах Сяньцзяна появились отделения иностранных фирм. В Кульдже генерал-губернатором Ян Цзэнсинем был открыт кожевенный завод, давший работу 40 человекам, и другие предприятия [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 44]. В 1923 г. эмигранты получили право свободного перемещения в пределах Сяньцзяна, что улучшило положение с поиском работы.

Структур, которые могли бы оказывать помощь военным и гражданским беженцам на первых порах их пребывания в Китае, существовало крайне недостаточно, а их материальные возможности были невелики. Например, известна единственная китайская организация, действовавшая в Харбине и оказывавшая помощь русским беженцам, – Китайский комитет помощи бедному русскому населению. Одним из адресатов его помощи являлся приют-училище «Русский дом». Китайский комитет действовал до 1927 г. Кроме того, в Харбине работало Иностранное общество помощи русским (председатель – Маркони), содержавшее с 1924 г. бесплатную столовую для бедных, которая обслуживала до двухсот нуждающихся в день с октября по май [Русское слово, 1926, 20 окт.].

Некоторые средства выделялись на содержание инвалидов. Еще в 1919 г. в Харбине по инициативе жены генерала Хорвата Камиллы Альбертовны было организовано Дальневосточное общество помощи инвалидам, имевшее свой приют. При приюте работали несколько мастерских и амбулатория. На заимке за Сунгари Общество содержало свой птичник, огород, скотоводческое хозяйство; на ст. Яблоня имелась пасека. Всеми делами Общества ведал комитет избираемый на общем собрании. Первым председателем комитета являлся генерал Плешков. Переход КВЖД в руки китайской администрации в 1920 г. и отъезд семьи Хорватов в Пекин заметно ухудшили положение Общества, которое в октябре 1920 г. было вынуждено обратиться за материальной помощью к Харбинскому Городскому совету [Заря, 1920, 9 окт.]. Городской совет выдал Обществу субсидию в 300 золотых руб. и, по-видимому, постепенно ситуация выправилась. По крайней мере известно, что в начале 1922 г. приют инвалидов, который первоначально был рассчитан на 10 человек, содержал более ста искалеченных офицеров и солдат, хотя и при весьма скромном обеспечении. При приюте действовали четыре мелочные лавки, две пасеки, сапожная, столярная и портняжная мастерские, где цены были ниже городских [Там же, 1922, 3 янв.]. В 1926 г. в приюте Общества проживали около 70 инвалидов. Семейные инвалиды, жившие на стороне, получали т. н. кормовые деньги. Для увеличения доходов Общество выстроило небольшой доходный дом, при котором существовали две мелочные лавки и огород. При приюте инвалидов была организована библиотека-читальня, работали курсы по бухгалтерскому делу, пчеловодству и английскому языку [Русское слово, 1926, 22 мая]. В 1923–1925 гг. Союз инвалидов существовал в Чанчуне при местном Дамском благотворительном кружке.

В феврале 1923 г. в Харбине был учрежден Комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ). Будучи через год легализован китайскими властями ОРВП, Беженский комитет вскоре превратился в крупнейшую русскую организацию, оказывавшую всестороннюю помощь эмигрантам¹⁶⁵. С момента учреждения организации большую роль в работе комитета играли русские офицеры. Так, в состав первого Правления комитета вошли Генерального штаба генерал-майор Д.Н. Сальников и штабс-капитан И.М. Хазов-Полонский, который к тому же являлся одним из членов-учредителей организации [ГАХК, ф. Р-1128, оп. 1, д. 2, л. 60 об]. Комитет предоставлял всем русским беженцам возможность получить право на жительство в ОРВП, вел регистрацию и выдавал справки, способствовал устройству на работу. Велась организация медицинской помощи, нуждающиеся получали продукты питания, одежду, денежные

¹⁶⁵ В декларации Правления ХКПРБ, принятой в мае 1924 г., подчеркивалось, что «беженская масса в Китае преследует исключительно цели разрешения своего правового, экономического и культурного благополучия... Главным же условием этого благополучия является возможность мирного труда при лояльном отношении к властям» [Лазарева, 2013, с. 11].

пособия. В то же время численный состав ХКПРБ был крайне малочисленным, всего 60–70 человек до конца 1920-х гг., а финансовые возможности очень скромными. В 1923–1926 гг. ежегодный денежный приход комитета составлял всего 1,5–1,7 тыс. китайских долл. [Лазарева, 2013, с. 12].

В Тяньцзине Русское благотворительное общество было организовано еще в 1911 г. В 1923 г. Общество возглавляла М.В. Жебрак, жена бывшего полицмейстера русской концессии. Известно, что на протяжении 1923 г. в общежитии Общества проживали более 500 человек, 371 человек получил единовременное денежное пособие. Столовая Общества выдала около 5,5 тыс. бесплатных обедов [НИА. Zhebrak Papers, box 1]. Средства организации формировались за счет пожертвований от Русского муниципалитета, который еще существовал, несмотря на отмену в 1920 г. для русских особых прав, генерала Подтягина (2200 иен в 1923 г.), китайской администрации, Тяньцзинского Скакового клуба, Дамского Благотворительного (иностранный) общества, иностранных компаний, а также путем сборов от организации лотерей и благотворительных вечеров. Приход Благотворительного общества в 1923 г. составил более 27 тыс. китайских долл., расходы – более 25 тысяч [Ibid].

Аналогичное Тяньцзинскому частное Русское благотворительное общество существовало и в Шанхае, но его помощь беженцам была крайне незначительна. Ситуация несколько изменилась, когда внимание к военным беженцам проявила Л.Н. Сюннерберг, жена агента Министерства торговли и промышленности при Российском генеральном консульстве в Шанхае, гвардии капитана Г.Г. Сюннерберга. Она возглавила Временный дамский комитет помощи офицерам и организовала в мае 1920 г. первый русский бал. Чистая прибыль от бала составила 7200 китайских долл., которые были разделены пополам. Одна часть денег была передана контр-адмиралу В.В. Ковалевскому для морских офицеров, другая была распределена между офицерами «сухопутными» [MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ].

Среди иностранных организаций наиболее действенную помощь русским беженцам оказывал в 1923 г. Американский Красный крест, работавший в Гирине, Хайларе, на ст. Маньчжурия [Заря, 1923, 11 февр.].

Сфера занятости русских военных эмигрантов в Китае, как показывают многочисленные биографические материалы, отличалась достаточной широтой, но в то же время была в значительной мере сосредоточена в границах функционирования российской и других иностранных колоний. При этом нужно учитывать, что интеграция бывших военных в профессионально-производственные сферы регионов проживания, как главная направленность социальной адаптации, и трудоустройство, могли не выступать явлениями одного порядка. Многие активные антибольшевики прибегали к более или менее долговременному трудоустройству с целью иметь средства к существованию или для легализации своего положения. При этом их настоящая деятельность была тщательно законспирирована.

В первое время пребывания в эмиграции бывшие военные брались за любую работу, которая могла бы принести хоть какие-то деньги. Зачастую такая работа была неквалифицированной и малооплачиваемой. Разнообразные источники дают массу примеров подобного трудоустройства.

Согласно воспоминаниям штабс-капитана Романовского, потерпев фиаско с устройством на работу на цицикарский участок КВЖД, он собрал бригаду из семи офицеров, которая стала брать подряды на проведение земляных работ: «Обыкновенно на всех работах увидишь одних рабочих-китайцев, а тут появились на улице русские ребята, в гимнастерках, в брюках-галифе и в сапогах. Железнодорожники прохаживались по улице, засматривались на эту необычную картину» [Мелихов, 2003, с. 289]. Аналогичная картина разворачивается в воспоминаниях поручика А.А. Ильинского, оставшегося в Харбине после эвакуации из Забайкалья в конце 1920 г. Вместе с сослуживцами, проживая в беженском бараке в Госпитальном городке Хар-

бина, они «сколотили артель для всяких случайных заработков. Большею частью работали в Затоне: красили баржи и пароходы, рыли канавы, благоустраивали территорию хозяйчиков. Платили нам в среднем по два доллара в день» [Ильинский, 2009, с. 39].

Часть офицеров-«уральцев» из бывшего Урало-Алтайского конного полка, после прибытия в Харбин в конце 1920 г., объединившись в артель, создали колбасную фабрику, но вскоре потерпели фиаско [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 48750, л. 177]. Адмирал Г.К. Старк, оказавшийся в начале 1920 года в Харбинском госпитале больным тифом, после выхода из госпиталя нанялся десятником на строительство домов, а позднее основал с офицерами частное предприятие по перевозке грузов по реке Сунгари, где и работал до отъезда в июне 1921 г. во Владивосток [Хисамутдинов, 2013, с. 111]. Генерал-майор А.Н. Пепеляев, бывший командующий Сибирской армией, в компании с офицерами-однополчанами создал артель извозчиков, действовавшую в Харбине в 1920–1922 гг. [Купцов, 2011, с. 406]. Однако такая работа претила многим вчерашним героям Белого движения и как только появлялась возможность, они возвращались к военной службе.

В начале 1920-х гг. целые подразделения бывших белых устраивались на лесозаготовки на лесные концессии восточной ветки КВЖД или на угольные копи. На лесозаготовках работала артель полковника Аргунова, сформированная в конце 1922 г. на ст. Пограничная. В это же время была создана артель из бойцов пулеметной команды Омского полка под началом бывшего начальника команды подпоручика П.А. Дегтева. Артель Дегтева полгода работала на ст. Имяньпо на перевозке дров у лесопромышленника А. Яринского [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 41875, н/д, л. 20]. В начале 1921 г. бывшие военные массово нанимались на работы на Чжэлай-норские угольные копи, несмотря на то, что на копиях в это время свирепствовала чума [Заря, 1921, 20 февр.]. Много бывших офицеров и солдат работало на принадлежавших японцам Фушуньских угольных копиях, расположенных к востоку от Мукдена. Как отмечает в своих воспоминаниях полковник В.А. Зубец, «ставки на русский труд приравнивались здесь к желтым рабочим. Это давало полуголодное существование, 10-часовой рабочий день и высокий процент смертности». Наиболее компактную группу бывших военных, работавших на Фушуньских копиях, составляли «анненковцы» [Зубец, 2009, № 35, с. 31].

После интернирования в сентябре 1923 г. в Шанхае группы генерала Лебедева (бывшие Егерский и 2-й Уральский полки) она была преобразована в Урало-Сибирское трудовое общество [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 48750, л. 181 об.]. Часть членов Общества разместились в общежитиях для русских беженцев. Они брались за любую работу, являясь грузчиками, охранниками, телохранителями, торговцами-коробейниками и т. п. Около 150 «лебедевцев» выехали в полосу отчуждения КВЖД, где работали на лесных концессиях [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 76].

В Синьцзяне часть русских военных была задействована в сфере добычи руд, при этом условия труда на большинстве предприятий были просто ужасными. Так, занятые на добыче железной руды в Кульдже около 70 русских получали дневной паек в 1,5 фунта муки и больше ничего, отсутствовала элементарная система безопасности. Проработав в таких условиях одну зиму, вся русская партия по ее просьбе была отправлена в СССР [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92]. Согласно документам советского консульства, средняя заработная плата эмигрантов в Синьцзяне в середине 1920-х гг. составляла 50 урумчийский лан (около 25 золотых руб.), «что давало возможность существовать» [Там же, л. 44]. Для сравнения, минимальная заработная плата на КВЖД в середине 1920-х гг. составляла 30 золотых руб. при более низком уровне цен на продукты питания.

Заветной мечтой большинства эмигрантов, расселившихся в бывшей полосе отчуждения КВЖД, являлось устройство на железной дороге или в производственно-коммерческих структурах, с нею связанных. КВЖД выполняла роль крупнейшего, структурообразующего русского предприятия Северной Маньчжурии, занятость на котором давала человеку в дореволюцион-

ный период очень хорошее материальное положение и формировало в сознании некую «кастовость». Несмотря на кризис, переживаемый КВЖД в начале 1920-х гг., ее привлекательность для русских беженцев не снизилась и многие всеми правдами и неправдами стремились получить место в различных службах железной дороги, что стало одной из причин значительного раздувания железнодорожных штатов.

В первой половине 1920-х гг. немало бывших военнослужащих Белой армии сумели трудоустроиться в структуры КВЖД. Так, только среди бывших белых генералов служащими железной дороги являлись не менее тридцати человек: Л.М. Адамович (учебный отдел), К.К. Акинтиевский (коммерческий отдел), А.И. Белов, П.П. Жулебин (питомник КВЖД), Г.И. Зольднер (материальная служба), А.В. Зуев, В.Н. Касаткин, П.П. Крамаренко, С.Ф. Левицкий (климатическая станция на Фуляэрди), Л.Г. Мартынов, М.Е. Обухов, П.П. Петров, К.П. Полидоров и др. По сведениям советской разведки, к началу 1925 г. на КВЖД работало 3–4 тыс. бывших военнослужащих Белой армии [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 429].

Некоторые военные нашли себе место в Охранной страже КВЖД. Вчерашние штаб-офицеры теперь служили рядовыми охранниками. Впрочем, эта служба оказалась краткосрочной. После мартовских событий 1920 г. китайские власти начали реорганизацию системы охраны железной дороги. Летом того же года вместо Охранной стражи была создана железнодорожная полиция в составе внешней и внутренней охраны с численностью полицейских в 3300 человек. Внутреннюю охрану возглавил генерал Володченко. Значительную часть охранников по-прежнему составляли русские военные эмигранты. Как писала в начале сентября 1920 г. харбинская газета «Свет», «новая стража железной дороги формируется почти исключительно из бывших опричников Семенова, Калмыкова, Капеля и др. Бывшие офицеры-заамурцы в охрану не идут» [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 153, л. 122].

Работа новой охраны КВЖД постоянно осложнялась вмешательством китайских солдат и толпы – они нередко освобождали задержанных китайцев, нарушителей правопорядка, подвергая охранников оскорблениям и даже избиениям [Там же, л. 149, 149 об]. Стражникам стоило больших усилий поддерживать правопорядок, поскольку они практически не располагали оружием. Согласно докладу генерала Володченко от июня 1922 г., из 170 постов внутренней охраны КВЖД 102 вообще не имели оружия и только на 32 были в распоряжении винтовки [Там же, л. 161].

К 1925 г. в составе железнодорожной полиции работали около тысячи русских эмигрантов – более 600 во внутренней охране и 351 – во внешней. Известно, что из русских служащих внешней охраны 131 являлись бывшими чинами полиции, 160 – бывшими офицерами, остальные – нижними воинскими чинами [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 419]. С установлением советско-китайских дипломатических отношений и восстановлением двойственного управления КВЖД все русские сотрудники внутренней охраны железнодорожной полиции в начале 1925 г. были уволены. Та же участь ждала всех служивших в различных структурах железной дороги белых русских, не имевших советского или китайского гражданства, поэтому для сохранения своего положения часть бывших белых приняли китайское или даже советское подданство.

Несмотря на увольнение в 1925 г. значительной части военных эмигрантов из китайской полиции (не только железнодорожной), эта сфера вскоре вновь стала для них доступна. После первого советско-китайского конфликта на КВЖД в 1926 г. китайские власти стали принимать в полицию русских, имевших китайское подданство. Известно, что в 1929 г. в железнодорожной полиции ОРВП служили 213 русских, из которых должность надзирателя имели 10 человек, инспектора – 4, надзирателя уголовного розыска – 13, бухгалтера – 1, и т. д. [АВПРФ, ф. 0100, оп. 15, п. 165, д. 15, л. 80] Кроме того, бывшие русские военные были представлены в городской и поселковой полиции Маньчжурии.

В Шанхае первые русские военные были приняты в Муниципальную полицию в 1921 г. – три человека в Международном сэттльменте (Б.Я. Корольков, корнет В.В. Рипас¹⁶⁶, капитан П.Д. Евдокимов) и трое во Французской концессии (ротмистр Ю.А. Емельянов, поручик Б.С. Яковлев, штабс-капитан Ю.В. Быховский). В 1923 г. количество русских полицейских уже составляло около 30 человек, к 1925 г. только на Международном сэттльменте в полиции служили около 70 русских, большей частью из бывших военных [Огороков, 2004, с. 170, 171].

Для русских эмигрантов служба в полиции чужого и далеко не правового государства нередко открывала возможности для незаконного получения дополнительных доходов. Известно немало случаев участия полицейских (особенно железнодорожной полиции) в траншпортировке и сбыте опиума и другой контрабанды [Балмасов, 2007, с. 2005; ГАХК, ф. Р-830. оп. 3, д. 48319], организации шантажа в отношении предпринимателей, также нередко замешанных в нелегальных предприятиях¹⁶⁷, торговле «живым товаром» (поставка русских девушек в публичные дома), и т. п.

Еще одной привлекательной для бывших военнослужащих сферой занятости являлась служба в войсках китайских генералов. В 1921 г. военный губернатор Маньчжурии Чжан Цзолинь начал привлекать русских офицеров в свои части в качестве военных инструкторов. В первой половине 1920-х гг. инструкторский корпус возглавил Генерального штаба генерал-лейтенант Г.И. Клерже¹⁶⁸, назначенный Чжан Цзолинем советником по охране общественного спокойствия при Мукденском правительстве¹⁶⁹. Старшими инструкторами в Мукденской армии служили Генерального штаба генерал-майоры С.Н. Барышников и В.Л. Томашевский, генерал-майор Н.Ф. Петухов и др.

В конце 1922 г. по инициативе генерала Чжан Цзунчана, главы Суйнинского военного округа Маньчжурии¹⁷⁰, при окружном штабе, располагавшемся на ст. Пограничная, был создан иностранный отдел, курировавший работу русских военных инструкторов в войсках округа.

---

¹⁶⁶ Весьма незаурядной выглядит биография Рипаса Вячеслава Владимировича, 1880 г. р. Образование получил в Петербурге. Участник русско-японской войны, ранен, кавалер знака ордена св. Георгия IV ст. С 1910 г. в Южной Америке, служил в конном конвое президента Аргентины. Участник Первой мировой войны, корнет 7-го гусарского Белорусского полка, после ранения – в автомобильных частях. В белых войсках Восточного фронта, начальник Центрального автосклада (1919). В эмиграции в Шанхае с 1920 г. В второй половине 1930-х уволился из шанхайской муниципальной полиции в чине субинспектора, заведующий парком в Хонкью. Член Объединения Российской Императорской конницы, председатель Комитета содействия Шанхайской дружине скаутов. Имел жену и сына. Умер в октябре 1941 г.

¹⁶⁷ Полковник И.С. Ильин, оказавшийся в 1928 г. в Чанчуне в качестве чиновника для особых поручений при Квантунском генерал-губернаторстве, был поражен тем, что там происходило. Он приводит в своем дневнике разговор с одним местным русским предпринимателем: «Все носили [мак], все торговали... Тогда тут Беккер [бывший жандармский офицер – С.С.] был, ваш предшественник, – они с Якорским [штабс-капитан Белой армии, сотрудник японской жандармерии – С.С.] такие дела делали! Чуть глаза продерут и думают с кого бы сорвать! И провокацию устраивают, подбрасывают нарочно мак, письма анонимные пишут – ей Богу! Ну и Исиду [японский сотрудник жандармерии – С.С.] впутали, тот тоже хапнул и стал с ними заодно...» [ГАРФ, ф. Р-6599, оп. 1, д. 9, л. 153, 154].

¹⁶⁸ Клерже Георгий Иосифович, 1883 г. р. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1901), Павловское военное училище (1903) и Николаевскую военную академию (1909). Участник Первой мировой войны, обер-офицер для поручения при штабе 1-го Кавказского армейского корпуса, делопроизводитель главного управления Генштаба. Полковник (1917). В конце 1917 г. некоторое время возглавлял Персидскую казачью дивизию. После развала армии жил на нелегальном положении в Перми. В белых войсках Восточного фронта, начальник Осведомительного управления штаба Верховного Главнокомандующего. В Забайкалье генерал для поручений при атамане Семенове. Генерал-майор (1920). В июле – сентябре 1921 г. начальник штаба атамана Семенова. Генерал-лейтенант (1921).

¹⁶⁹ В должности советника Чжан Цзолиня генерал Клерже якобы «свалил» подполковника Грегори, обвинив того в работе на японскую разведку и связях с атаманом Семеновым [Голдин В.И., 2010, с. 294]. Позднее Грегори обвинялся в связях с советской разведкой, что, по одной из версий, стало причиной его самоубийства во второй половине 1930-х гг. [Буяков, 1999, с. 111].

¹⁷⁰ Территория Суйнинского военного округа протянулась на запад до ст. Шитоухэцзы, на север – до пос. Фусянь в 80 верстах от ст. Пограничная. Войска округа состояли из двух пехотных полков (23-го и 55-го), батальона охранных войск, располагавшегося на линии железной дороги, двух трехдюймовых батарей, военно-инструкторской школы и нескольких небольших конных и пеших команд.

Возглавил отдел подполковник В.А. Чехов¹⁷¹. Русские офицеры принимались на должности старших и младших военных инструкторов. Старшие военные инструкторы имели чин полковника, младшие – майора, капитана и ниже. Оклад устанавливался в 200 китайских долл. в месяц для старших инструкторов, 90–150 долл. – для младших. Также на службу могли быть приняты рядовые чины с окладом в 12 долл. в месяц, при готовом довольствии и обмундировании. На весь период службы русские инструкторы и солдаты являлись чинами китайской армии и подчинялись внутреннему воинскому распорядку [Зубец, 2009, № 33, с. 25].

Первыми русскими инструкторами войск Суйнинского округа стали полковники И.А. Костров¹⁷² (артиллерия), П.Д. Макаренко (саперное дело), Г.Г. Плешков (авиация), подполковники Аргентов и Лесли (пулеметное дело). Учебной батареей командовал капитан Кривенко, имея в своем распоряжении двух младших офицеров и 18 солдат. Для ухода за автомобилями было взято несколько русских механиков и шоферов, находившихся под руководством полковника Шишкова. Военное отделение иностранного отдела штаба округа возглавил полковник В.А. Зубец [Там же].

По воспоминаниям Зубца, мало кто из русских офицеров строил долгосрочные планы в связи со своей новой службой, многие смотрели на эту службу, как на временный выход из тяжелой материальной ситуации, в которой оказались военные беженцы. Так, советником по военному делу при штабе Чжан Цзунчана являлся генерал-майор В.Н. Золотарев, из православных корейцев. Как пишет Зубец, вся деятельность Золотарева «выражалась в аккуратном получении причитавшегося ему небольшого содержания, и в остальное время он мирно занимался какими-то своими коммерческими делами, даже не появляясь в расположении округа» [Там же, № 35, с. 37]. Исключение составляли Костров и Макаренко: «Первый, военный до мозга костей, нашел в новой своей работе полное удовлетворение. Второй как-то сразу врос в китайскую среду и слился с нею, пожалуй, в силу своего особого душевного настроения» [Там же, № 33, с. 27].

Осенью 1923 г. по приказу Мукденского правительства генерал Чжан Цзунчан со своими частями был переведен в район Мукдена. Вместе с ним уехали практически все его русские военные инструкторы [Там же, № 34, с. 31], а уже через год в войсках Чжан Цзунчана было сформировано воинское подразделение, полностью составленное из русских эмигрантов.

Часть военных эмигрантов сумели устроиться в русские и иностранные фирмы и учреждения, работавшие в Китае. Ярким примером здесь может служить случай генерал-лейтенанта П.В. Подставина, который после развала Германского фронта в конце 1917 г. прибыл в Харбин и вскоре стал одним из директоров самой известной на Дальнем Востоке русской фирмы «Чурин и К». В дальнейшем Подставин оказывал помощь многим нуждавшимся офицерам и другим беженцам [Русское слово, 1927, 11 марта]. Одним из «офицерских» предприятий Харбина являлось принадлежавшее американцам Акционерное общество «Сунгарийские мельницы». Здесь работали генералы Г.И. Зольднер, Г.Ф. Романов, Е.К. Вишневецкий, полковники Е.П. Березовский, Н.И. Белоцерковский, Я.Я. Смирнов, капитан Д.И. Тимофеев и др. Из материалов газеты «Шанхайская заря» известно, что русские, работавшие на Шанхайской электростанции кочегарами, слесарями и рабочими, подающими уголь, в большинстве своем

---

¹⁷¹ Чехов Владимир Алексеевич, 1887 г. р. Окончил реальное училище и Михайловское артиллерийское училище (1909). Офицер артиллерии Оренбургского казачьего войска. Участник Первой мировой и Гражданской войн. В Оренбургском офицерском батальоне (1918). Подполковник.

¹⁷² Костров Иннокентий Александрович, 1895 г.р. Окончил Хабаровский кадетский корпус (1912) и Константиновское артиллерийское училище (1914). Участник Первой мировой войны, командир батареи 4-й артиллерийской бригады 4-й пехотной дивизии, капитан (1917). Член Офицерского союза в Благовещенске, участник захвата и обороны города. В белых войсках Восточного фронта, командир батареи, командир 1-го конно-артиллерийского дивизиона ОМО (1918–1919), командир артиллерийского дивизиона 1-й сводной Маньчжурской дивизии (1920), полковник. В Приморье командир артиллерийского дивизиона Отдельной кавалерийской бригады (1-й Сводной стрелковой бригады), участник Хабаровского похода. Командир Маньчжурской конной дружины Пограничного пехотного полка (1922).

также являлись бывшими офицерами. При достаточно умеренной по меркам Шанхая заработной плате в 75–100 китайских долл. в месяц, они пользовались своей столовой, которую сдавал им в аренду предприниматель Урбанович, и доставлявшим их на место работы автомобилем, приобретенном при содействии администрации станции [Шанхайская зоря, 1926, 20 июля].

Некоторые рабочие места буквально монополизировались бывшими военными. Так, в Чанчуне на железнодорожном вокзале долгое время работала бригада русских грузчиков в шесть человек из бывших солдат под руководство есаула Могилева. Грузчики имели свою форму – темно-синюю куртку и броджи, высокие сапоги и красную фуражку [ГАРФ, ф. Р-6599, оп. 1, д. 9, л. 157]. В Харбине военные (оренбургские казаки) составляли основную массу сотрудников созданного в 1923 г. Софийского похоронного бюро (третьего в городе). Бухгалтером и фактическим руководителем бюро являлся генерал-майор В.В. Кручинин¹⁷³, бывший командир 5-й отдельной Оренбургской казачьей бригады, похоронную бригаду возглавлял «есаул Ермолаич, как называли его местные жители» [Золотарева, 2000, с. 126, 127]¹⁷⁴.

В Шанхае найти высокооплачиваемое место работы в немалой степени помогало хорошее знание языков, что было характерным в основном для кадровых военных из дворянских семей. Так, на Главном Почтамте Шанхая служили генерал-лейтенант К.Ф. Вальтер и полковник Н.Г. Дронников, в отделении Русско-Азиатского банка – Генерального штаба полковник Л.П. Дюсиметьер и полковник Веденяпин [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1д, л. 316, 319, 319 об], во Франко-Китайском банке – генерал Дитерихс, и т. д.

Отдельные военные пытались заняться предпринимательством, однако настоящего успеха добились единицы. Большинство потерпело фиаско, не успев как следует развернуться. Например, генерал-майор В.Д. Карамышев¹⁷⁵, оказавшийся в конце 1920-го года в Пекине, убедил руководство Русской Духовной миссии оказать ему материальную поддержку в организации торговых товариществ «Восточное хозяйство» и «Восточное просвещение», арендовавших помещения на территории Миссии, где жил и сам генерал. В 1921 г. предприятия Карамышева закрылись из-за убыточности, принеся большие финансовые потери Миссии [Купцов, 2011, с. 239]. В 1920 г. в Харбине пятью офицерами Самарской батареи была организована т. н. «Самарская коммуна», которая получила от Н.Л. Гондатти¹⁷⁶ безвозвратную субсидию в 6 тыс. иен на закупку овец и устройство фермы вблизи Харбина. «Коммуна» быстро прогорела, пустив большую часть денег на спиртное [Русская эмиграция в Маньчжурии, 2017, с. 60, 61].

Были и другие, более успешные примеры предпринимательства бывших военных. Так, генерал И.С. Смолин, после высылки из Маньчжурии переехавший в Циндао, первое время работал сторожем на одной из фабрик, жокеем. Затем, скопив немного денег, открыл на цен-

¹⁷³ Кручинин Владимир Васильевич, 1876 г. р., из оренбургских казаков. Окончил Оренбургское городское училище (1894) и Оренбургское казачье юнкерское училище (1898). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Войсковой старшина (1916). В белых войсках Восточного фронта. Командир 3-го Уфимско-Самарского и 17-го Оренбургского казачьих полков (1918–1919), командир 5-й Оренбургской казачьей отдельной бригады на Пермском фронте. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье в рядах Дальневосточной армии. Генерал-майор (1920). В эмиграции в Харбине с октября 1920 г.

¹⁷⁴ По воспоминаниям Золотаревой, Ермолаич был «среднего роста, худощавый, с красным лицом – любитель выпить, но, однако, пьяным его никто никогда не видел... Он отличался большой аккуратностью, был честен и к организации похорон относился как к священнодействию и всячески старался держать престиж Бюро на высоте...» [Золотарева, 2000, с. 126, 127].

¹⁷⁵ Карамышев Владимир Дмитриевич, 1881 г. р. Окончил 3-й Московский кадетский корпус (1898) и Михайловское артиллерийское училище (1900). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир 2-го дивизиона 8-й полевой тяжелой артиллерийской бригады. Полковник (1917). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. В белых войсках Восточного фронта, командир 1-го Самарского стрелкового артиллерийского дивизиона. Участвовал в Златоустовской, Челябинской и Тобольской операциях. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье начальник артиллерии Сводной Маньчжурской атамана Семенова дивизии. Генерал-майор (1920). Прибыл в Китай в конце 1920 г. После фиаско в Пекине некоторое время жил в Харбине (1923–1924), затем в Тяньцзине.

¹⁷⁶ Гондатти, являвшийся начальником Земельного отдела КВЖД, получил в 1920 г. от русского посла в Пекине 200–250 тыс. иен на нужды беженцев. Для распределения этих средств была создана специальная комиссия. Часть денег для обустройства на новом месте получили бывшие военные, в основном офицеры.

тральной улице города небольшой магазин, торговавший бакалейно-гастрономическими товарами. Предприятие считалось успешным [Шанхайская заря, 1928, 19 февр.]. Другим примером успешного коммерческого предприятия можно назвать организацию в Харбине книжной торговли Георгиевским кавалером, Генерального штаба генерал-майором Н.М. Щербаковым, также получившим субсидию от Гондатти. Щербаков построил книжный киоск в самом центре города – напротив св. – Николаевского Собора и Московских рядов, который успешно работал более двенадцати лет. Заведовал киоском тоже генштабист – полковник М.Я. Савич, много сделавший для развития книжного дела [Русская эмиграция в Маньчжурии, 2017, с. 61].

Немало русских офицеров нашли себе место в образовательной сфере Русского Китая, являясь преподавателями и директорами школ и различных обучающих центров. Так, гвардии полковник И.Г. Круглик (в годы Гражданской войны являлся преподавателем Екатеринбургской военно-инструкторской школы и школы Нокса на о-ве Русский), окончивший в свое время Кембриджский университет, в феврале 1921 г. открыл в Харбине педагогические курсы английского языка, на базе которых в дальнейшем им была создана одна из наиболее успешных школ английского языка в городе, просуществовавшая до начала 1930-х гг. [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 39453, л. 20]. Генерал-майор В.Д. Нарбут, бывший директор 1-го Сибирского кадетского корпуса, возглавлял Русскую гимназию в Мукдене, а позднее в Хайларе. После отъезда Нарбута из Хайлара его в должности директора гимназии сменил сотник Кузьмин. Полковник Н.Д. Глебов, выпускник Восточного института, последний командир 2-го пехотного Заамурского полка, Георгиевский кавалер, в 1920–1927 гг. являлся директором общественной гимназии на ст. Пограничная [Буяков, 1999, с. 113, 114]. Среди харбинских школ в 1920-е гг. своим «офицерским» составом особенно выделялось 1-е Русское реальное училище, работавшее под девизами «Долг и Мужество», «Вера и Верность» [Добрынин, 2001, с. 33]. Директором училища являлся генерал Андогский, преподавателями – полковник Аргунов (география), капитан В.В. Пономарев (история) [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 31786, л. 9, 10], капитан П.Д. Чумаков, и др. Много офицеров работало в смешанном реальном училище Мукденского православного братства, которое долгое время возглавлял полковник Блонский.

Ведущую роль бывшие офицеры играли в организации и руководстве приюта-училища «Русский Дом». «Русский Дом» был открыт в Харбине в начале 1921 г. при непосредственном участии Иверского православного братства, одним из основателей которого являлся генерал Самойлов. В состав преподавателей училища в начале 1920-х гг. входил Генерального штаба полковник А.С. Бодров. В 1924 г. заведующим приютом стал штабс-капитан по адмиралтейству К.И. Подольский [Юбилейный иллюстрированный альбом, 1928, с. 3–5], превративший «Русский Дом» в образцовое училище для детей из малоимущих семей и сирот.

Бывшие военные стали важным элементом культурной жизни Русского Китая. Целый ряд бывших белогвардейцев подвизался на ниве журналистики и издательского дела. Яркими примерами здесь могут служить М.С. Лембич, военный корреспондент в годы Первой мировой войны, активный участник Белого движения на юге России, который стал в Харбине основателем издательства и газеты «Заря», одного из наиболее успешных коммерческих проектов в своей области, и Генерального штаба полковник Н.В. Колесников, издававший в Шанхае военно-научный журнал «Армия и Флот», самое известное издание подобного рода в Китае. Среди многочисленных офицеров, являвшихся сотрудниками русских газет и журналов в Китае, к наиболее известным можно отнести штабс-капитана А.В. Петрова (Полишинель), работавшего в газетах «Русское слово» и «Рупор» в Харбине, «Вечерняя заря» и «Шанхайская заря» в Шанхае.

В литературных кругах эмиграции большую известность приобрели штабс-капитан А.И. Несмелов (Митропольский), поручик Л.Е. Ещин, хорунжий А.А. Ачаир (Грызов), сын полковника Сибирского казачьего войска А.Г. Грызова, военный летчик М.В. Щербаков, и др.

Некоторые бывшие военные зарабатывали на жизнь, участвуя в цирковых и театральных труппах и различного рода творческих коллективах. Например, в 1920 г. в Шанхае по инициативе поручика Черкеза было создано Литературно-артистическое общество, которое имело свой хор. Выступали в хоре русские офицеры и их жены [MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ]. В середине 1920-х гг. широкую известность на Дальнем Востоке получила группа казаков-джигитов, возглавляемая войсковым старшиной Г.К. Бологовым¹⁷⁷. Группа дебютировала осенью 1923 г. на Харбинском ипподроме. Выступление имело большой успех, особенно среди японцев, которые предложили казакам организовать турне по Японии. Дав согласие, Бологов и двадцать два казака из его группы гастролировали шесть месяцев по японским городам, а в 1924 г. уже по приглашению американцев труппа совершила поездку в Манилу. В 1925 г. двенадцать казаков во главе с Бологовым вошли в состав организованной американцами большой труппы наряду с американскими ковбоями и индейцами. За полтора года труппа объехала с выступлениями юг Китая, Индокитай, Индию. В августе 1926 г. казаки возвратились в Шанхай, намереваясь в дальнейшем отправиться в Австралию, но их дальнейшая карьера не состоялась во многом из-за конкуренции со стороны казаков-донцов, с большим успехом выступавших в Америке и странах Азиатско-Тихоокеанского региона [Шанхайская зоря, 1926, 12 авг.].

Нужно отметить, что русские внесли большой вклад в развитие на Дальнем Востоке конного спорта – в Харбине, Шанхае, Тяньцзине существовали манежи и школы верховой езды, содержавшиеся бывшими русскими офицерами-кавалеристами. В Шанхае школы верховой езды содержали генерал-майор М.М. Соколов¹⁷⁸ и ротмистр В.В. Князев¹⁷⁹. Ротмистр А.А. Гурвич¹⁸⁰ являлся управляющим одной из лучших в городе школ верховой езды «Columbia and Western Riding Academy», где работало немало русских офицеров-кавалеристов. В Тяньцзине небольшой манеж содержал полковник Бендерский.

Некоторые военные эмигранты блистали на спортивных аренах Дальнего Востока. Пожалуй, наиболее известным русским борцом в Китае являлся бывший военный летчик, поручик Г. Бауман, выступавший в Харбине и Шанхае¹⁸¹. Среди спортсменов-наездников особенно выделялся генерал-майор М.М. Соколов, выигрывавший призы Дерби, Шанхайского чемпионата и «Золотую вазу» [Александров Е., 2005, с. 472].

¹⁷⁷ Бологов Григорий Кириллович, 1895 г. р., из енисейских казаков. Окончил Иркутское военное училище (1917). Хорунжий Красноярского казачьего дивизиона (1917–1918). В конце 1918 г. возглавил 2-й Енисейский казачий полк Енисейской казачьей бригады. Командир полка в 4-й Иркутской конной бригаде генерала Шильникова в Прибайкалье, участвовал в боях с красными партизанами. Участник Сибирского Ледяного похода. Командир Енисейского казачьего полка в Гродеково, Сводно-Конного полка, Енисейско-Сибирского казачьего отряда, Отдельного Енисейского казачьего полка, Сводного Сибирско-Енисейского полка и Енисейской казачьей дружины (1921–1922). Войсковой старшина (1922). В конце 1922 г. при оставлении белыми Приморья Бологов с сорока двумя казаками-енисейцами решил остаться на российской территории, организовав партизанский отряд. Однако укрепиться енисейцам в Приморье не удалось и вскоре они были вынуждены интернироваться на ст. Пограничная, откуда в дальнейшем перебрались в Харбине.

¹⁷⁸ Соколов Михаил Михайлович, 1885 г. р. Окончил 2-й Московский кадетский корпус (1904) и Николаевское кавалерийское училище (1906), офицер л. – гв. Кирасирского полка. Участник Первой мировой войны. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия, гв. полковник (1917). В белых войсках Восточного фронта, командир 29-го пехотного Троицкосавского полка и начальник Сретенского гарнизона (1919). Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье генерал для поручений при атамане Семенове, председатель военно-следственной комиссии Дальневосточной армии, член Думы Георгиевских кавалеров. В эмиграции в Шанхае, один из учредителей Офицерского собрания.

¹⁷⁹ Князев Владимир Васильевич. Окончил Елисаветградское кавалерийское училище (1904). Участник Первой мировой войны. Ротмистр 3-го уланского полка; старший личный адъютант Главнокомандующего Западным фронтом генерала А.Е. Эверта. В белых войсках Восточного фронта. Офицер Уфимской местной бригады. Старший личный адъютант адмирала Колчака, позднее сотрудник сырьевого отдела Министерства снабжения во Владивостоке. В эмиграции с 1920 г. Летом 1942 г. возглавил Союз русских монархистов в Шанхае.

¹⁸⁰ Гурвич Александр Аркадьевич. Окончил Ташкентский кадетский корпус (1912) и Елисаветградское кавалерийское училище (1914). Участник Первой мировой войны в составе 9-го драгунского полка. Ротмистр. В частях британской армии в Персии, позднее в белых войсках Восточного фронта. Эвакуировался из Владивостока в 1922 г.

¹⁸¹ Поручик Бауман скончался в феврале 1933 г. в Шанхае от паралича сердца [Русское слово. 1928. 28 февр.].

Стремясь приобрести выгодные гражданские профессии и восполнить обусловленные военными годами пробелы в образовании, бывшие военные поступали в учебные заведения или обучались на различных курсах. В этом отношении наиболее благоприятная обстановка сложилась в Харбине, где не только действовало много специальных учебных курсов, но были организованы и высшие учебные заведения: в 1922 г. – Русско-Китайский политехнический институт (позднее Харбинский политехнический институт – ХПИ) и Юридический факультет, в 1924 – Институт ориентальных и коммерческих наук, в 1925 – Педагогический институт. В первый годы работы харбинских вузов на студенческой скамье оказалось немало военной молодежи – офицеров, юнкеров, кадет. Особенно это было характерно для Юридического факультета, а сформировавшееся в составе факультета Русское студенческое общество (РСО) руководилось почти исключительно бывшими военнослужащими Белой армии – капитаном А.В. Белоголовым, поручиком А.Н. Покровским, юнкером П.И. Грибановским, подпоручиком В.В. Голициным и др.

Большой популярностью среди офицеров пользовались курсы шоферов и автомехаников. Созданный в 1930 г. при ХКПРБ 1-й Русский автомобильный кружок, в состав которого входили около 150 человек, в массе своей был представлен бывшими офицерами [ГАХК, ф. Р-1128, оп. 1, д. 74, л. 27, 41]¹⁸². Некоторые военные окончили курсы счетоводов и бухгалтеров, зубо-врачебную школу и др. Ярким примером может являться генерал Кислицин, окончивший 1-ю Харбинскую зубо-врачебную школу, но из-за отсутствия денег так и не сумевший открыть собственный врачебный кабинет [Мелихов, 2007, с. 216].

Анализируя проблему занятости бывших русских военных в Китае, нужно отметить, что редко кому из них удавалось найти постоянную, хорошо оплачиваемую работу. Иногда любое занятие, приносившее самый мизерный доход, составляло большую удачу. Уровень безработицы в эмигрантской среде был очень высок. Согласно сведениям ХКПРБ, на 1925 г. в Харбине более 56 % эмигрантов не имели работы [Ципкин, 1998, с. 109]. Поэтому для большинства бывших военных была характерна частая смена сферы деятельности, места работы и места проживания. Такую нестабильность хорошо иллюстрирует письмо полковника Веденяпина в Париж к генералу Головину (1928 г.). Веденяпин, первоначально обосновавшийся в 1920 г. в Шанхае и удачно устроившийся на службу в отделение Русско-Азиатского банка, в дальнейшем был переведен в отделение банка в Тяньцзине, а после его закрытия и вовсе оказался без работы [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1д, л. 319 об]. Полковник, в частности, пишет, что уже третий раз за время эмиграции со страшным напряжением меняет свой род занятий – изучает новое дело [страховой бизнес – С.С.]. Работает с 8 утра до 8 вечера почти до обморока, поскольку от успеха зависит не только его личное благополучие, но и благополучие близких ему людей [НИА. Golovin Papers, box 12, f. Associations of military science in emigration II].

Из-за жизненной неустроенности, отсутствия постоянной работы и жилья, а также по ряду других причин (неблагополучный образ жизни, физические увечья и психические травмы, и т. п.), включая участие в антибольшевистской борьбе, многие военные эмигранты не имели семей и часто переезжали в поисках лучшего положения с места на место¹⁸³. Многие, не найдя себя, погибли от алкоголизма и наркомании, или покончили жизнь самоубийством¹⁸⁴.

¹⁸² Согласно воспоминаниям В.А. Морозова многие шоферы в Харбине были бывшими офицерами-капеллеводцами [РГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, д. 13, л. 2].

¹⁸³ Например, известно, что среди 26 эмигрантов, получивших удостоверение Эмигрантского совета в Чанчуне в ноябре 1929 г., больше половины были бывшими военными, из которых 8 являлись офицерами, получившими чины в годы Первой мировой и Гражданской войн, т. е. людьми относительно молодыми. Из них 6 человек были холосты. Также стоит отметить, что Чанчунь, согласно документам Эмигрантского совета, являлся городом с весьма подвижным составом эмигрантского населения. Только за период с июля по декабрь 1928 г. русское население города сократилось с 434 до 377 человек (мужчин в два раза больше, чем женщин), а в декабре 1929 г. оно уже составило, благодаря притоку беженцев с восточной ветки КВЖД во время советско-китайского вооруженного конфликта, 486 человек [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 253, л. 9, 10].

¹⁸⁴ Русские газеты Харбина первой половины 1920-х гг. пестрят сообщениями о самоубийствах русских эмигрантов, в

Пьянство было настоящим бичом для военной эмиграции, отправившим на тот свет немало храбрых и талантливых офицеров и нижних чинов, не вписавшихся в эмигрантскую жизнь. Часть совершенно опустившихся бывших военных составили т. н. «дно» крупных эмигрантских колоний, являясь завсегдатаями дешевых ночлежек и бесплатных приютов, папертей и подворотен¹⁸⁵.

Некоторые военные приобщились к криминальной деятельности, пополнив весьма многочисленные в Харбине и других городах в начале 1920-х гг. ряды преступников. Сведений об этой сфере не очень много и те в основном отрывочные. В качестве примера можно назвать крупную фигуру русского криминального мира в Китае – бывшего сотника Е.М. Кожевникова¹⁸⁶, больше известного как Хованс или Пик, ко всему прочему работавшего на несколько разведок, а также подполковника Н.Я. Бросова, специалиста по вскрытию сейфов, бывшего писаря лазарета 14-й Сибирской дивизии В.Ф. Харламова, магазинного вора и гастролера, промышлявшего в Шанхае и городах Северного Китая [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36629, л. 17, 20, 53, 89], и др.

Таким образом, бывшие военные, составляя значительную часть русских эмигрантских колоний в Китае, были активно включены и играли существенную роль во всех сферах жизнедеятельности эмигрантского сообщества.

том числе и бывших военных.

¹⁸⁵ По воспоминаниям Т. Золотаревой, таких людей в Харбине называли «босьяками», «о них не принято было говорить, многие старались избегать их, но среди русских находились такие, которые жалели их и старались помочь и благодаря этим людям они могли существовать». «Королем босьяков» был бывший офицер Александр, человек образованный, владевший несколькими иностранными языками. «Все босьяки считались с его советами» [Золотарева, 2000, с. 110, 111].

¹⁸⁶ Кожевников Евгений Михайлович, из астраханских казаков. Участник Первой мировой войны, сотник. В годы Гражданской войны служил в контрразведке у Буденного, был вынужден бежать, будучи заподозренным в работе на французскую разведку. Пробрался в Харбин, где в начале 1920-х гг. попал в тюрьму за убийство русского полковника. Вышел по амнистии в 1924 г., уехал в Шанхай. Сидел в тюрьме за мошенничество. После выхода из заключения во второй половине 1920-х гг. выступал в качестве эстрадного певца на Зикавейской радиостанции. Его жена, грузинка Тамара, содержала публичный дом в здании за Астерхузом, где супруги и жили [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 36629, л. 50–53].

Глава 5. Становление объединений военных эмигрантов (начало – середина 1920-х гг.)

Важную роль в процессе первичной адаптации бывших военных играли объединения военных эмигрантов – трудовые общества, артели и кооперативы. Первоначально это были временные объединения, но в дальнейшем на основе некоторых из них выросли крупные и авторитетные организации, имевшие важное значение в том числе и в политической жизни эмиграции. Наряду с трудовыми объединениями, нередко создаваемыми на корпоративной основе, существовали и организации, не носившие характера производственных коллективов, но, выступавшие обществами взаимопомощи, созданными на узкокорпоративной основе (принадлежности к определенной войсковой части, роду войск, учебному заведению или принадлежности к орденской корпорации – например, Георгиевские кавалеры). Создание таких организаций показывало наличие корпоративной идентичности в военной (главным образом офицерской) среде и, в свою очередь, способствовало ее поддержанию и сохранению.

Одним из первых объединений бывших военных, созданных в Харбине в 1920 г., стало Общество Заамурцев-офицеров. Его основой явилось Экономическое общество офицеров Заамурского военного округа. При ликвидации структур Охранной стражи КВЖД в руках Общества оказалась типография штаба стражи (Большой проспект, 47), позволившая некоторым офицерам-заамурцам сводить концы с концами, выполняя на заказ типографские работы [Хисамутдинов, 2015, с. 304]. Кроме того, при Обществе были открыты портняжная и сапожная мастерские, действовал магазин, торговавший мануфактурными, вино-бакалейными и другими товарами. Магазин принимал в том числе и заказы на кондитерские изделия, поставляемые другим объединением бывших военных чинов – товариществом «Группа» [Военная мысль, 1920, 27 сент.]. Общество заамурцев (в дальнейшем называлось Общество взаимопомощи чинов Заамурского округа Отдельного Корпуса пограничной стражи) просуществовало вплоть до 1940-х гг. (с 1933 г. председатель Общества – генерал Володченко). Объединение периодически издавало свой журнал «Заамурец».

В декабре 1920 г. для обеспечения нужд военнослужащих-забайкальцев было создано Общество взаимопомощи служащих 1-го Забайкальского корпуса, располагавшее достаточно крупной суммой денег (по одной из версий – 2 млн. золотых руб.), выделенных атаманом Семеновым. Общество существовало до середины лета 1922 г. В состав Правления Общества входило шесть человек, из них: председатель – Генерального штаба полковник Е.М. Дубинин, помощник председателя – полковник Н.Н. Колпинский, члены – капитаны Максимов и Гутман, секретарь – штабс-капитан Н.Г. Вестфаль [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37356, л. 46–48.]¹⁸⁷. Общество организовало в Харбине несколько кооперативов – «Луч», «Азия» и др. Известно, что кооператив «Азия» открыл свой кинотеатр, мастерские, ресторан, но очень скоро прогорел [Заря, 1922, 1 апр.]. Часть средств Общества была вложена в строительство дома на четыре квартиры [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 37356, л. 48]. Однако большая часть денег, размещенная на счетах харбинских банков, была потрачена совершенно не рационально, часть сумм разворована. По воспоминаниям поручика А.А. Ильинского, деньги их дивизии были помещены в банк в Харбине на имя полковника Ларионова, пользовавшегося большим авторитетом и слывшего абсолютно честным человеком. Однако в дальнейшем «честнейший полковник Ларионов забрал 90000 рублей и смылся за границу. Вслед за ним секретарь общества [взаимопомощи дивизии – С.С.], захватив 20000, также исчез» [Ильинский, 2009, с. 39].

¹⁸⁷ Позднее полковник Е.М. Дубинин вновь вернулся в ряды армии, летом 1922 г. он являлся начальником штаба Дальневосточной казачьей группы генерала Глебова.

Оренбургские казаки в 1920 г. создали в Харбине рабочую артель, на базе которой в 1922 г. была образована Оренбургская казачья станица (атаман – есаул А.Я. Арапов) [Ганин, 2005б, с. 30].

Наиболее крупным объединением бывших офицеров Белой армии в Харбине являлась созданная в начале 1921 г. Артель труда и взаимопомощи офицеров (или Офицерский союз). Известно, что организаторы Артели во главе с генерал-майором С.И. Бруевичем (бывший помощник начальника снабжения Степной отдельной группы войск) содержали столовую и буфет «с крепкими спиртными напитками» [Заря, 1921, 26 февр.]. Бруевич был отстранен от руководства артелью в конце 1923 г., он обвинялся в присвоении общественных денег, но был оправдан судом чести [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 147]¹⁸⁸. Вероятно, не последнюю роль в вытеснении Бруевича сыграл полковник Патиешвили (член артели с апреля 1923 г.) и его соратники, стремившиеся превратить артель в боевую антибольшевистскую организацию. После ухода Бруевича артель возглавил генерал-лейтенант А.В. Бордзиловский (председатель артели с мая 1924 г., заместитель председателя – генерал К.П. Нечаев). Секретарем Артели являлся полковник Б.И. Попов. В начале 1925 г. организация, декларировавшая, что преследует исключительно экономические цели, объединяла в своем составе 820 человек [ГАХК, ф. Р-1128, оп. 1, д. 51, л. 178], главным образом «каптелевцев».

В 1921 г. в Харбине были организованы Союз Георгиевских кавалеров Российской Восточной окраины (председатель – генерал-майор М.Е. Обухов) и Союз офицеров гвардии (по-видимому, председателем являлся генерал Плешков). Членами-учредителями Союза Георгиевских кавалеров являлись генерал-майоры Обухов, Д.Н. Сальников, К.М. Ткачев, Адамович, Бруевич, Генерального штаба полковник Дурасов, гвардии полковники Николаев, Круглик и Залесский, полковники Шмелев, Родзевич и Долгово-Сабуров, подполковник Обухов [ГАХК, ф. Р-830, оп. 1, д. 12, л. 187 об]¹⁸⁹. В задачи организации, согласно Устава союза, что было стандартным для большинства военных объединений, включались оказание помощи и материальной поддержки нуждающимся членам, оказание бесплатной медицинской помощи, открытие дешевой столовой для действительных членов, защита гражданских прав [Там же, л. 185].

К началу 1920-х гг. относятся и первые попытки объединения морских офицеров. Еще в 1920 г. капитан 1-го ранга Н.Ю. Фомин организовал в Харбине общество морских офицеров «Река» (одновременно артель), получившее субсидию от Н.Л. Гондатти. После отъезда в 1921 г. значительной части морских офицеров в Приморье общество захирело. В 1924 г. в Харбине под председательством адмирала Федоровича был сформирован Морской кружок, в который первоначально вошло девять человек. Впоследствии численность кружка увеличилась (но едва ли превышала 30 человек) и он был преобразован в 1925 или 1926 г. в Кают-компанию, куда входили не только моряки, но и бывшие чины по адмиралтейскому ведомству и учившиеся в Морском корпусе. В это же время был учрежден суд чести. Доходы объединения, как и у большинства подобных образований, составлялись из членских взносов и организации увеселительных мероприятий и были очень невелики, но, тем не менее, Кают-компания имела свою кассу взаимопомощи [Жемчужин, 2005, с. 151–154].

К объединениям бывших военнослужащих нужно отнести и созданную в октябре 1923 г. в Харбине Трудовую артель инвалидов. Артель заявляла о себе, как об организации чисто коммерческой, оказывавшей содействие в приспособлении инвалидов и членов их семей к труду

¹⁸⁸ В дальнейшем сведений об участии генерала Бруевича в общественной и политической жизни харбинской эмиграции не встречается.

¹⁸⁹ Созданная организация не включала в себя всех Георгиевских кавалеров, проживавших даже в Харбине. В 1922 г. в связи с выборами делегатов на Земский собор группа Георгиевских кавалеров (20 человек, включая генерала Пепеляева), не входивших в союз, выразили свое недоверие организации, ни разу не проводившей общее собрание, не включающей в свой состав всех кавалеров и не ведущей никакой работы [НИА. Mirolubov Papers, box 1, f. Burlin].

и предоставлявшей возможности пользоваться льготной медицинской помощью. Согласно уставу артели, ее действительными членами могли быть инвалиды, получившие увечья и болезни в связи с военной службой. Несмотря на это, в состав артели входили как военные, так и гражданские инвалиды. Вступавшие в артель должны были сделать паевой взнос в размере не менее 10 золотых руб. и вносить в кассу организации отчисления от заработной платы, полученной через посредничество артели. Управление артелью осуществлялось общим собранием и Правлением, состоявшим из трех человек, избираемых на два года [ГАХК, ф. Р-1128, оп. 1, д. 74, л. 208]. В 1924–1926 гг. артель возглавлял корнет П.И. Рябинин, одновременно являвшийся редактором изданий «Инвалид» и «Харбинский вестник», а также членом Правления ХКПРБ [Русское слово, 1926, 3 апр.]¹⁹⁰.

Аналогичное харбинскому Офицерскому союзу объединение – Союз военных – было создано в Мукдене осенью 1923 г. под председательством генерала П.П. Петрова. Численность союза не превышала ста человек. Позднее в рамках этого союза был образован Кружок военных знаний под руководством полковника Б.И. Рубец-Массальского (бывший командир 1-го (юнкерского) батальона Владивостокской военно-инструкторской школы). В начале 1924 г. в Мукдене появился Союз офицеров-артиллеристов, возглавляемый генерал-майором Н.Ф. Петуховым¹⁹¹ [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 404, 405].

До середины 1924 г. в районе городов Гирин и Чанчунь существовала хорошо организованная группа бывших военнослужащих, преимущественно из Ижевско-Воткинских частей, численностью до 1,5 тыс. человек. Возглавлял группу генерал М.Ф. Ястребцов. Члены объединения работали на железной дороге, на прокладке шоссе, устройстве дамб, сохраняя при этом армейскую дисциплину [Там же, с. 75]. Чанчунь был разбит на районы во главе с начальниками, подчинявшимися непосредственно Ястребцову. Военные много сделали для устройства в Чанчуне церкви и русской гимназии [Русское слово, 1934, 7 июня]. Однако после смерти Ястребцова в июне 1924 г. (по официальной версии от сердечного приступа) группа начала распадаться.

Стремление к консолидации наблюдалось и в казачьей среде. Существовали две основные формы объединения казаков – объединения постаничные и общеказачьи. Первая казачья станица была создана казаками-оренбуржцами в 1922 г. В 1923 г. возникли Сибирская и Уссурийская казачьи станицы, в 1924 – Амурская, в 1926 – Енисейская [Сергеев О., 2015, с. 258]. Забайкальская станица начала формироваться только в 1925 г. по инициативе генерала Шильникова, но значительная часть забайкальцев, ориентированных на атамана Семенова, в станицу не вступила.

Первая попытка создания общеказачьего объединения была предпринята в 1922 г. атаманом Семеновым, учредившим Союз казаков на Дальнем Востоке под председательством генерала Бакшеева с месторасположением Правления в Харбине. В состав Правления союза вошли представители Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. По линии Дальневосточной армии заместителей Бакшеева являлся генерал-майор В.П. Малакен. Несмотря на наличие в распоряжении Правления определенных денежных сумм, полученных от атамана, организация практически никакой работы не вела. Сам Бакшеев, имея на руках боль-

¹⁹⁰ Рябинин Петр Иванович (1890 г. р.), будучи по профессии юристом, участвовал в Первой мировой войне, как офицер военного времени. Во время Гражданской войны был тяжело ранен, прибыл в Харбин в 1924 г. Скончался в марте 1926 г. в Цзинани.

¹⁹¹ Петухов Николай Филлипович, 1886 г. р. Окончил Полоцкий кадетский корпус (1901) и Михайловское артиллерийское училище (1903). Участник Первой мировой войны. Офицер 7-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. Полковник. В белых войсках Восточного фронта. В начале 1918 г. начальник штаба Иркутской военной организации. Начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии, начальник Сводной Сибирской стрелковой дивизии в составе Южной группы войск 2-й армии. Генерал-майор (1919). Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник снабжения 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии (1920). Командир 2-го Добровольческого стрелкового им. генерала Корнилова полка (1921). С 1921 г. в эмиграции в Китае.

шую семью (жена и четыре дочери), обзавелся в Харбине домохозяйством, которому и отдавал практически все свое время.

В феврале 1923 г. в Харбине был создан Восточный казачий союз (ВКС), во главе которого встали полковник Оренбургского казачьего войска Г.В. Енборисов¹⁹², полковник Сибирского казачьего войска Е.П. Березовский¹⁹³ и генерал Сычев. Союз включал в себя казаков четырех казачьих войск – Оренбургского (руководители – полковник Енборисов и П.С. Архипов), Сибирского (генерал-майор А.И. Белов и полковник Березовский), Амурского (генералы Сычев и Р.А. Вертопрахов) и Енисейского (статский советник Кузнецов) [Енборисов, 1932, с. 108]. Первоначально в состав ВКС не вошла Уссурийская казачья станица и забайкальцы. Вскоре после образования Союза в его руководстве проявились разногласия и полковник Енборисов, обвинив в происках против себя Сычева и Березовского, вышел из состава организации. В дальнейшем полковник развернул активную борьбу против Правления ВСК, способствовал оттоку части казаков-оренбуржцев из рядов союза и созданию в 1927 г. Оренбургской Объединенной станицы на Дальнем Востоке (оставшиеся в ВКС оренбуржцы объединялись в Оренбургскую казачью им. атамана Дутова станицу) [Там же, с. 139].

Важной особенностью существования русских военных организаций в Маньчжурии, в отличие от организаций, действовавших на территории иностранных концессий в городах Северного Китая и в Шанхае, являлся их полуполюгальный характер. Долгое время единственной русской организацией Харбина, официально зарегистрированной властями ОРВП, был Беженский комитет. Отсутствие регистрации на позволяло военным организациям проводить мероприятия по усилению средств (балы, вечера, доклады и т. п.) и получать спонсорскую помощь, т. е. их финансирование полностью зависело от членских взносов и нелегальных пожертвований. Поэтому некоторые объединения регистрировались при ХКПРБ и работали «под его крышей».

В Шанхае первое объединение военных – Союз военнослужащих – было организовано в июне 1920 г. На организационном собрании, состоявшемся на квартире поручика Черкеза, присутствовало около 30 человек. Собравшиеся избрали инициативную группу в составе капитана Постембского, штабс-капитана В. Рогова, поручика Черкеза и прапорщика Смирнова. Инициативная группа обратилась за денежной помощью к полковнику Кременецкому, который, желая побыстрее от них отделаться, выделил офицерам 500 долл. («чтобы собак на меня не вешали») [МРС, box 2, f. Материалы ССРАФ] и устранился от дальнейшего участия в организации общества. В качестве председателя объединения инициативная группа выдвинула Генерального штаба полковника Л.П. Дюсиметьера, имевшего связи в иностранных кругах и служившего в местном отделении Русско-Азиатского банка.

---

¹⁹² Енборисов Гавриил Васильевич, 1868 г. р., из оренбургских казаков. Окончил Оренбургское казачье юнкерское училище (1892). Служил в 1-м, 3-м, 15-м Оренбургских полках. Подьесаул (1903). Один из лучших наездников России, победитель Красносельской офицерской с препятствиями скачки (1899). Вышел в отставку по болезни (1908). Председатель правления Союза маслодельных артелей. В 1917 г. вел активную общественную работу в Оренбургском казачьем войске, депутат 1-го войскового круга. Участник антибольшевистского сопротивления в Оренбуржье. Командир партизанского отряда, участник Тургайского похода. Начальник военного контроля, комендант штаба обороны и начальник отдела государственной охраны 2-го войскового отдела Оренбургского казачьего войска (1918). В 1919 г. вступил добровольцем в дружину св. Креста в Омске. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир Добровольческого Егерского отряда 3-го стрелкового корпуса, помощник начальника личной охраны атамана Семенова. Полковник (1920). Несколько раз находился под следствием по обвинению в вымогательстве и финансовых злоупотреблениях.

¹⁹³ Березовский Ефим Прокопьевич, 1869 г. р., из сибирских казаков. Окончил Сибирский кадетский корпус (1889) и 2-е Константиновское военное училище (1891). Участник Китайского похода (1900–1901) и русско-японской войны. С 1909 г. на административной работе. Член 1-го войскового казачьего круга Сибирского войска, участник Всероссийского общеказачьего съезда (1917). Заместитель войскового атамана и войсковой атаман Сибирского казачьего войска (1918–1920). Прибыл с семьей в Харбин в 1920 г.

В начале июля было избрано Правление организации в составе полковника Дюсиметьера (председатель), капитанов Прокофьева (казначей) и Постембского, поручика Черкеза (секретарь) и прапорщика Смирнова, и союз, насчитывавший в это время 70 человек, начал свою работу. Первым мероприятием союза стало открытие общежития в местечке Хэнбаньцяо недалеко от русской Богоявленской церкви (район Чжабэй). При общежитии действовала общественная кухня. Настоятель Богоявленской церкви иеромонах Смарагд (Ф. Власов) принимал активнейшее участие в организации общежития, кроме того, Смарагд предоставлял комнаты для временного проживания семейным офицерам в доме при церкви [Ван, 2008, с. 332, 392; MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ]. Через общежитие союза прошла значительная часть военнослужащих, оказавшихся в Шанхае в 1920–1921 гг.

Первоначально финансовая поддержка, которую получал Союз военнослужащих, не являлась постоянной и происходила из разных источников. Из воспоминаний Черкеза известно, что помимо денег, выданных полковником Кременецким, союз получил 1 тыс. долл. от русского военного атташе в Пекине полковника А.А. Татарина¹⁹⁴, столько же от жены атamana Семенова цыганки Маши, 500 долл. от Российского военного агента в Японии генерала М.П. Подтягина, 50 долл. от бывшего российского Генерального консула в Шанхае В.Ф. Гроссе [MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ]. Некоторую помощь союзу оказывало Русское Благотворительное общество. Между тем, учет денег руководством союза шел из рук вон плохо, суммы выдавались по требованию нуждающихся без достаточных оснований. Попытка членов организации открыть свой магазин и мастерские, под что был взят кредит у Русско-Азиатского банка, так и не осуществилась. Прибывший в 1921 г. в Шанхай Генерального штаба генерал-лейтенант А.Я. Ельшин настоял на учреждении «Русского Экономического общества», в котором союз стал одним из пайщиков [Ibid]. Экономическое общество вскоре развалилось, а Ельшин в 1923 г. благополучно перебрался в Соединенные Штаты.

Возможно, свою роль в экономической несостоятельности Союза военных играло и то, что руководство организации не признавало вероятности долговременного установления большевистского режима в России, выступало за продолжение борьбы против советской власти, в которой военные беженцы еще найдут свое место. Союз был одним из главных антисоветских центров в Шанхае, возбуждая опасения и недовольство со стороны экономических кругов российской (преимущественно, еврейской) колонии и части представителей бывшего дипломатического корпуса. К концу 1921 г. Союз военнослужащих оказался в состоянии глубокого кризиса. Новая инициативная группа, состоявшая в основном из старших офицеров и назвавшая себя Комитетом союза, предложила реорганизовать объединение на основе новых принципов. В январе 1922 г. разработанный Комитетом союза новый устав организации был принят общим собранием членов объединения. Изменилось и название союза, который стал теперь именоваться Союз служивших в Российских Армии и Флоте (ССРАФ) [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 96, л. 42].

Согласно нового Устава, союз являлся организацией взаимопомощи, не преследуя никаких политических целей, и только не допускал в свои ряды большевиков и сочувствующих им. К основным задачам ССРАФ относились: 1) объединение всех беженцев, служивших в военном и морском ведомствах¹⁹⁵, для оказания взаимной поддержки; 2) изыскание способов существования для членов Союза; 3) предоставление возможности членам Союза обмениваться знаниями военного характера; 4) способствование закреплению в сознании членов

¹⁹⁴ По воспоминаниям профессора Г.Г. Тельберга, жившего в Циндао, полковник Татарин в середине 1920-х гг. также проживал в этом городе, имея свой особняк. Белые офицеры ненавидели Татарина за то, что, являясь военным атташе, он очень редко оказывал материальную помощь сильно бедствовавшим военным беженцам, а с утверждением в Пекине советского посольства передал в его распоряжение все оставшиеся у него на руках денежные суммы [Тельберг, 2012, с. 8].

¹⁹⁵ Первое объединение бывших военнослужащих Российского Флота – Союз моряков – было создано в Шанхае в 1920 г., но просуществовало недолго. Часть морских офицеров после развала организации присоединились к Союзу военнослужащих.

Союза необходимости строго охранять вековые традиции Российских Армии и Флота [MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ]. Руководство Союзом сосредотачивалось в руках председателя, правления и ревизионной комиссии. Первым председателем ССРАФ был избран Генерального штаба генерал-лейтенант К.Ф. Вальтер¹⁹⁶, вице-председателем – контр-адмирал Ковалевский, председателем Правления – Генерального штаба генерал-майор П.Ф. Рябиков, правителем дел Правления и секретарем – Генерального штаба генерал-майор Г.Т. Киященко [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 240, л. 7].

Численность союза в январе 1922 г. составляла всего 35 человек, но очень быстро выросла, достигнув в январе 1923 г. уже 152 человек. В начале 1924 г. членами союза являлись 185 человек, в середине 1925 г. – 209, из них 181 – офицеры [Там же, л. 10, 13, 44]. В июле 1928 г. союз численно вырос до 405 человек, включая 14 генералов, 74 штаб-офицера и 215 обер-офицеров [Шаронова, 2015, с. 178; MRC, box 2, f. Материалы ССРАФ]. И хотя генерал Рябиков, один из организаторов ССРАФ, отмечал в своих воспоминаниях, что «возможность вступления в союз и нижних чинов лишало союз “кастово-офицерского” лица и не отбрасывало от себя и честных, но простых рядовых воинов» [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1д, л. 333], ССРАФ имел преимущественно офицерский состав.

До конца 1924 г. союз не имел постоянного помещения для канцелярии Правления, только в декабре 1924-го такое помещение было приобретено на Французской концессии, на авеню Жоффр. В том же году в здании, где размещалась канцелярия была открыта св. Николаевская военно-приходская церковь, работавшая с благословения начальника Пекинской Духовной миссии до мая 1926 г. В 1925 г. канцелярия и церковь ССРАФ переехали в отдельный особняк на той же улице. Для церкви был выделен нижний этаж особняка, а на верхних помимо канцелярии ССРАФ разместились Комитет защиты прав и интересов русских, Русское Благотворительное общество и Казачий Союз [Шаронова, 2015, с. 174, 179].

Для размещения беженцев союз располагал общежитием и снимал несколько квартир. В помещениях Союза военных в 1923 г. проживало 175 холостых и семейных беженцев, в 1924 г. – 150 человек [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 240, л. 18, 25]. Питание нуждавшимся обеспечивалось столовой союза, а с 1923 г. – двумя столовыми, располагавшимися у русской церкви в Чжабэе и на Рут де Зикавей (Французская концессия). Наибольшее напряжение в работе столовых пришлось на 1923 г. в связи с массовым притоком в Шанхай русских беженцев. За год столовые союза выдали около 50 тыс. обедов и 2 тыс. ужинов [Там же, л. 18].

При союзе действовало несколько предприятий – хлебопекарня (1923–1924), сапожная мастерская, струнный оркестр (1923), была оборудована небольшая амбулатория и разбит свой огород. Несколько раз ССРАФ выступал пайщиком в организации отдельных предприятий, ни одно из которых так и не принесло существенных доходов [Там же, л. 18, 19, 25, 26]. Для изыскания работы членам союза Правление при поддержке Муниципальной полиции организовало в конце 1924 г. артель сторожей. Летом 1925 г. в артели работало 32 человека [Там же, л. 26, 30].

Финансовая база ССРАФ в 1920-е гг. была наиболее стабильной среди эмигрантских организаций Шанхая. Например, за 1928 г. доходы союза составили более 14 тыс. китайских долл. [Шаронова, 2015, с. 176]. Доходы складывались из пожертвований (наиболее крупными являлись субсидии от генерала Подтягина, составившие в 1923–1924 гг. более 28 тыс. китайских долл., и Шанхайского Скакового клуба), средств от благотворительных вечеров и балов

¹⁹⁶ Вальтер Кирилл (Ричард) Францевич, 1870 г. р. Окончил Александровский кадетский корпус (1888), Николаевское инженерное училище (1890) и Николаевскую военную академию (1897). Участник Первой мировой войны, командир 42-го армейского корпуса, начальник штаба Западного фронта. Генерал-лейтенант. В белых войсках Восточного фронта. Прибыл в Шанхай в 1921 г. Отличное знание английского языка позволило ему открыть школу английского языка при русском консульстве. В дальнейшем он получил хорошо оплачиваемое место начальника т. н. «мертвых писем» на Главной китайской почте Шанхая.

(традиционный бал проводился союзом 13 января каждого года), предприятий союза и членских взносов, которые, впрочем, регулярно выплачивала лишь незначительная часть членов объединения [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 240, л. 16, 23, 48; МРС, box 2, f. Материалы ССРАФ]. Важную роль в привлечении средств в союз играли некоторые из его членов, особенно генерал Вальтер и полковник Дюсиметьер. Дюсиметьер, который после отъезда за границу адмирала Ковалевского был избран вице-председателем ССРАФ, имел широкие связи в иностранных кругах Шанхая и даже в шутку именовался «министром иностранных дел Союза» [ГАРФ, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1д, л. 319].

В апреле 1925 г. в Шанхае было создано крупное казачье объединение – Казачий Союз. Инициатива создания союза принадлежала Семиреченской и Сибирской казачьим группам, возглавлявшимся соответственно присяжным поверенным И.Н. Шендриковым¹⁹⁷ и полковником А.Г. Грызовым¹⁹⁸. В состав членов-учредителей организации также вошли генерал-майор П.П. Оглоблин¹⁹⁹, глава Иркутской казачьей группы, генерал-лейтенант М.И. Афанасьев²⁰⁰, представлявший Донское казачье войско, есаул В.В. Сараев, представитель войскового правления Амурского казачьего войска²⁰¹, войсковой старшина Г.К. Бологов, представитель енисейских казаков [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 14, л. 15; д. 15, л. 22 а]. Важную поддержку в организации союза оказал генерал Глебов, имевший большое влияние на Шендрикова, ставшего первым председателем организации. Целью создания Казачьего Союза объявлялось «объединение находящихся в Шанхае казаков всех казачьих войск для взаимной духовной и материальной поддержки, для сохранения казачьего единства и исторически сложившихся быта и традиций казачьих, для установления прав и обязанностей казачества и закрепления их при будущем строительстве России, а также для разработки и подготовки к разрешению предстоящих коренных вопросов жизни своих краев» [Ван, 2008, с. 394].

Казачий Союз, как и другие эмигрантские организации, не имел постоянного финансирования и существовал за счет иностранных пожертвований (например, от Скакового клуба Рейс-корса), проведения различных мероприятий, наиболее успешным из которых являлся Казачий бал, впервые организованный весной 1926 г. и принесший большую прибыль союзу

¹⁹⁷ Шендриков Илья Никифорович, 1878 г. р., из семиреченских казаков. Окончил юридический факультет С.-Петербургского университета (1909). За участие в политических демонстрациях исключался из университета и находился в ссылке в Туркестане (1901–1904). В годы Гражданской войны представитель Семиреченского правительства при правительстве адмирала Колчака (1918–1919). В Китае с 1920 г. Являлся редактором-издателем газеты «Русское эхо» (1920–1922).

¹⁹⁸ Полковник Сибирского казачьего войска А.Г. Грызов являлся одним из деятелей сибирского областничества. В октябре 1922 г. Грызов, работавший в это время редактором областнической газеты «Последние известия» во Владивостоке, был назначен начальником канцелярии МИД правительства Сазонова. В Шанхай прибыл через Гензан.

¹⁹⁹ Оглоблин Прокопий Петрович, 1872 г. р., из иркутских казаков. Окончил Иркутское пехотное юнкерское училище (1897). Участник Китайского похода (1900–1901), русско-японской и Первой мировой войн. Командир 3-го Верхнеудинского полка на Персидском фронте (1916–1917). Полковник (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. Войсковой атаман Иркутского казачьего войска (март 1917 – февраль 1918 г.). Участник антибольшевистского восстания в Иркутске. Служил в ОМО, начальник снабжения и тыла, председатель Георгиевской Думы, командир 3-го Верхнеудинского казачьего полка, начальник штаба 5-го Приамурского армейского корпуса. Генерал-майор (1918). Войсковой атаман Иркутского казачьего войска. Находился под следствием за самовольное выделение Иркутского казачьего полка из Сводно-казачьей бригады генерала Шильникова. Поддержал мятеж эсеровского Политцентра в Иркутске. Некоторое время находился в Омском концлагере, после ареста ЧК. Выехал в Китай. В 1922 г. участвовал в Приамурском Земском собрании.

²⁰⁰ Афанасьев Михаил Иванович, 1883 г. р., из дворян Донского казачьего войска. Окончил Донской кадетский корпус (1901), Михайловское артиллерийское училище (1904) и Александровскую военно-юридическую академию (1912). Участник Первой мировой и Гражданской войн. С марта 1918 г. в составе ОМО, начальник тыла, начальник снабжения. Начальник штаба 8-й Сибирской стрелковой дивизии, начальник штаба Иркутского военного округа. Генерал-майор (1919). Начальник штаба походного атамана Дальневосточных казачьих войск (1919–1920). Генерал-лейтенант (1920). В Приморье военный прокурор Соединенного Приамурского военного и военно-морского суда. Эмигрировал в Японию, председатель эмигрантской комиссии (1922–1923). В 1923 г. выехал в Шанхай. Являлся человеком из ближнего окружения атамана Семенова, имея огромное влияние на атамана.

²⁰¹ Сараев Василий Васильевич, 1883 г. р., из амурских казаков. Участник Первой мировой войны. Произведен в хорунжие за боевые отличия (1917). В белых войсках Восточного фронта, командир 7-й Особой Амурской сотни, командир дивизиона. Участник Хабаровского похода. Есаул. Имел жену и двоих детей.

(в дальнейшем Казачий бал считался лучшим эмигрантским мероприятием подобного рода), а также средств от членских взносов и функционировавших при союзе курсов английского языка и обучения шоферскому делу [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 14, л. 36].

Не располагая своими помещениями, казаки заключили соглашение со ССРАФ о размещении канцелярии своего Правления в здании Союза военнослужащих на авеню Жоффр, а также о предоставлении мест нуждавшимся в жилье казакам и обеспечении их питанием в общежитии и столовой ССРАФ на возмездной основе²⁰².

Союз служивших в Российских Армии и Флоте и Казачий Союз являлись наиболее крупными военными организациями в Шанхае, однако они не объединяли всех бывших военнослужащих в городе. В состав ССРАФ первоначально не входили члены группы генерала Глебова и созданное на базе группы генерала Лебедева Урало-Сибирское трудовое общество. Характеризуя Лебедева, как человека «всегда замкнутого, молчаливого и на вид суховатого», генерал Рябиков подчеркивал его всецелую занятость заботами о своих людях [Там же, ф. Р-5793, оп. 1, д. 1 д, л. 313 об]²⁰³. В 1925 г. Урало-Сибирское трудовое общество распалось на два полковых объединения – Общество Егерского полка (председатель – полковник Н.А. Александров²⁰⁴) и Полковое объединение уральцев (председатель – полковник А.Г. Доможиров²⁰⁵) [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 48750, л. 181 об]. Несмотря на то, что часть моряков являлась членами ССРАФ, существовало и самостоятельное, созданное в начале 1920-х гг. объединение бывших морских офицеров – Кают-компания, которую возглавлял контр-адмирал С.Н. Тимирев²⁰⁶.

В состав Казачьего Союза не входила большая часть забайкальских казаков, часть оренбургских и т. н. Дальневосточная станица, возглавляемая полковником В.Г. Казаковым. Сам Казачий Союз был далеко не монолитной организацией. Уже вскоре после образования в союзе начались внутренние распри, в немалой степени связанные с распределением денежных сумм между членами объединения. В 1926 г. из состава союза вышли отдельные видные офицеры (например, генерал Оглоблин) и целые казачьи группы. На январь 1927 г. численность организации составила 235 человек. Наиболее крупными станицами союза являлись оренбургская и сибирская [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 25, л. 56].

---

²⁰² В апреле 1926 г. в общежитии ССРАФ проживало 8 офицеров и казаков-членов Казачьего Союза, кроме того, за индивидуальную плату проживали еще три офицера. Стоимость оплаты проживания в общежитиях и квартирах ССРАФ составляла: 6 долл. в месяц за большую комнату в квартирах для семейных, 4 долл. – за малую комнату, койка в общежитии – 1,5 долл. в месяц. Казачий Союз не очень регулярно вносил плату за общежитие, поэтому к концу апреля 1926 г. его долг составил более 105 долл. В связи с чем возникли трения с руководством Союза военнослужащих [ГАРФ. Ф. Р-5963. Оп. 1. Д. 40. Л. 18, 24, 37], имевшие свое продолжение в будущем.

²⁰³ В своих воспоминаниях Рябиков сравнивает генерала Лебедева с начальником Камчатского отряда генералом П.М. Ивановым-Мумжиевым, который «проявил наименьшую заботу о своих людях и, раздав им небольшие суммы, предоставил каждого своей собственной судьбе. Сам же, видимо, обладая деньгами, купил boarding house и весь ушел в личную жизнь». Генерал Иванов-Мумжиев был избран в состав Правления ССРАФ но никакого интереса к делам союза не проявлял и заседания правления не посещал [ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 313 об].

²⁰⁴ Александров Николай Антонович. Окончил Александровское военное училище (1912). Участник Первой мировой и Гражданской войн. Командир роты Отдельного батальона при ставке Верховного главнокомандующего, помощник командира Егерского полка (1918–1919). Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир Егерского полка. Участник Хабаровского похода, командир 1-й стрелковой бригады, позднее командир 3-го Егерского полка и помощник командующего сухопутными силами Приморья (октябрь 1922 г.). Полковник.

²⁰⁵ Доможиров Анатолий Григорьевич, 1887 г. р. Окончил Казанское военное училище (1911). Участник Первой мировой войны, штабс-капитан 43-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта. Помощник командира 1-го Степного Сибирского и Омского Сибирского стрелковых полков (1918–1919). Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье командир Уральского стрелкового полка. Полковник. Участник Хабаровского похода, командир 2-го Уральского стрелкового полка, Урало-Егерского полка (1921–1922).

²⁰⁶ Генерал Рябиков характеризует Тимирева, как «блестящего и высоко-культурного офицера». Служил адмирал на скромной должности младшего помощника капитана китайского парохода, ходившего по Янцзы из Шанхая в Ханькоу [ГАРФ. Ф. Р-5793. Оп. 1. Д. 1д. Л. 318 об].

В 1924 г. в Шанхае было создано Военно-научное общество «Армия и Флот». Основателем и председателем общества являлся Генеральный штаба полковник Н.В. Колесников²⁰⁷, выпускавший в Шанхае с 1924 г. газету «Россия». Численность объединения не являлась постоянной и составляла не более нескольких десятков человек²⁰⁸. С 1926 г. общество начало издавать журнал «Армия и Флот», имевший военно-образовательную и военно-просветительскую направленность.

Для сплочения выпускников Хабаровского кадетского корпуса в ноябре 1925 г. в Шанхае был создан «Союз бывших кадет-хабаровцев». В 1926 г. появился Союз Георгиевских кавалеров под председательством полковника К.И. Арцыбашева и Общество бывших офицеров и солдат 8-го Камского полка (или Общество Камского полка), руководимое полковником М.В. Шастинным [Армия и Флот, 1926, окт., с. 112]. В том же 1926 г. в Шанхае началась организация Союза русских военных инвалидов.

В конце января 1926 г. под руководством поручика И.Т. Соловьева состоялось первое собрание инвалидов, на котором присутствовали 16 человек. Собрание объявило о создании Союза русских военных инвалидов в Шанхае и избрало Правление во главе с поручиком Соловьевым. В феврале Союз открыл на китайской территории Шанхая (Паошань Роуд) первое общежитие для инвалидов [Краткая история Союза Военных Инвалидов, 1936, с. 8, 9]. С самого начала работы Союза инвалидов встал вопрос об изыскании средств. Большую помощь в этом оказало инвалидам Общество русских врачей, которое помимо всего прочего разместило информацию о нуждах инвалидов в русских и иностранных газетах Шанхая. Летом 1926 г. возникла идея открыть при Союзе клуб, как предприятие под которое можно было легче всего найти деньги и обеспечить в нем работу для большего числа членов Союза. Идею выдвинули новые члены организации, которые работали в свое время в Союзе увечный воинов во Владивостоке. Поиски спонсоров оказались успешными, был составлен устав и получено разрешение от муниципалитета. В августе 1926 г. клуб начал действовать, обеспечив работой около 30 инвалидов [MRC, box 3, f. Шанхайское отделение Союза русских военных инвалидов]. Его первым руководителем стал подполковник И.Д. Нозадзе²⁰⁹. Клуб инвалидов, существовавший до осени 1930 г., быстро превратился в один из центров притяжения русской военной эмиграции. В начале 1928 г. в состав Союза инвалидов входило 103 человека. Доходы союза за 1927 г. составили 10172 долл. [Шанхайская зоря, 1928, 28 янв.]²¹⁰. Наиболее активную работу в союзе вели подпоручик В.Э. Шитт-Шатт, поручик В.Г. Фридьев, капитан Г.Е. Штральман, полковники В.Г. Боровиков, Н.М. Губанов, А.И. Яковлев, и др.

Весной 1926 г. в Шанхае было создано своеобразное «общекорпоративное» объединение бывших офицеров Российских Армии и Флота – Офицерское Собрание. Мысль об образовании Офицерского Собрания возникла в кружке офицеров-артиллеристов. В состав инициативной группы, собранной генералом Афанасьевым, вошли генералы Глебов, Лебедев, А.М. Хрущев, Л.А. Гаффнер, М.М. Соколов, адмиралы Безуар, Тимирев, полковники Ярон, Саве-

²⁰⁷ Колесников Николай Владимирович, 1881 г. р. Окончил Московское военное училище (1904) и ускоренный курс Николаевской военной академии (1917) 2-й очереди. Воспитатель и курсовой офицер Казанского военного училища (1912–1915). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Участник белого движения на юге и востоке России. Служил во 2-й кавалерийской дивизии. Полковник. В Чите являлся начальником осведомительного отдела и редактором газеты «Русская армия», сотрудничал в журналах «Путь России», «Воин». Организатор военных курсов во Владивостоке (1920). Эмигрировал в Шанхай, вероятно, через Харбин. Являлся автором целого ряда военно-научных и литературных трудов.

²⁰⁸ Штабс-капитан В.Д. Жиганов, составитель уникального альбома «Русские в Шанхае» (1936) писал о том, что общество «Армия и Флот» включало в свой состав до 300 членов, как из русских офицеров, так и из иностранцев. Вероятно, такой численности общество достигло в период своего расцвета в 1929–1930 гг.

²⁰⁹ Нозадзе в начале 1919 г. являлся комендантом штаба 9-й Сибирской стрелковой дивизии, позднее старшим адъютантом канцелярии Главноначальствующего в полосе отчуждения генерала Плешкова.

²¹⁰ Расходная часть составила 9861 долл., из них: благотворительная деятельность – 397 долл., библиотека – 173, ссуды – 142, содержание общежития – 3324, жалование членам Правления и служащим – 3536, организация лавки при русской роте Шанхайского волонтерского корпуса – 978.

льев, капитан 1-го ранга Фомин и др. На учредительном собрании в мае 1926 г. присутствовали 64 офицера. Собрание приняло Временный устав организации. Жизнь Собрания руководилась распорядительным комитетом, ежегодно избираемым общим собранием. Первым почетным председателем распорядительного комитета был избран генерал Вальтер, председателем Собрания являлся генерал Афанасьев (1926–1927), с 1927 г. – генерал Гаффнер. В состав Собрания входили почетные и действительные члены, члены-соревнователи и почетные гости²¹¹. Полученные инициативной группой 540 китайский долл. из сумм Сибирского флота дали возможность снять помещение для Собрания на авеню Жоффр на территории Французской концессии. В дальнейшем помещение организации несколько раз менялось, пока в 1935 г. не закрепилось на улице Рю-Лафайет (№ 1260) [Офицерское Собрание, 1941, с. 7–9].

С самого начала работы Офицерского Собрания здесь устраивались лекции и доклады, читавшиеся членами Собрания и специально приглашенными лицами. В дни воинских, полковых, училищных и других праздников организовывались встречи и балы: например, Праздник Морского корпуса, Артиллерийский бал, праздники Георгиевских кавалеров, Военно-воздушного флота, Александровского военного училища и др. Собрание имело свою библиотеку и драматический кружок. Как отмечалось в юбилейном сборнике, выпущенном в связи с 15-летием организации, Офицерское Собрание «в своей деятельности не удовлетворялось чисто клубной жизнью, но стремилось к объединению всех военных», а также к взаимодействию со всеми военными и близкими им по духу русскими организациями [Там же, с. 12, 13, 18].

Формирование русских военных организаций в городах Северного Китая началось позднее и наиболее активно шло в Тяньцзине, где размещалась крупная эмигрантская колония. Военное сообщество Тяньцзина было крайне разнородным. Здесь находились бывшие чины войск атаманов Дутова и Анненкова, генералов Бакича и Унгерна, прибывшие из Синьцзяна и Монголии, а также офицеры и солдаты, эвакуированные в 1922 г. из Приморья. В частности, в городе проживал генерал Г.А. Вержбицкий, один из бывших старших офицеров Земской Рати²¹². По словам посещавшего город в середине 1920-х гг. полковника Енборисова, Вержбицкий «содержал дамскую шляпную мастерскую, много мастериц» и жил «уже не по-беженски, а “много лучше”, ходил и сам в шляпе» [Енборисов, 1932, с. 122].

В начале 1920-х гг. в Тяньцзине были организованы первые казачьи объединения: оренбуржцев, возглавляемое одним из соратников генерала Бакича генерал-майором Н.П. Карнауховым, и семиреченцев под руководством генерала А.М. Ионова²¹³. В 1924 г. начала работу Оренбургская казачья станица.

В сентябре 1926 г. по образцу Шанхая был организован Тяньцзинский Союз служивших в Российских Армии и Флоте. Организаторами союза являлись гвардии полковники П.А. Веде-

²¹¹ Первоначально действительными членами Офицерского Собрания могли быть только офицеры, военные врачи и военные чиновники. С 1934 г. к этой категории были причислены гардемарины, юнкера, кадеты, вольноопределяющиеся и сыновья офицеров. В это время число действительных членов Собрания достигло 250 человек [Офицерское Собрание, 1941, с. 10].

²¹² Вержбицкий Григорий Афанасьевич, 1875 г. р. Окончил Каменец-Подольскую гимназию (1893), Одесское пехотное юнкерское училище (1897) и Саперные практические курсы (1901). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Командир 336-го пехотного Ефремского полка и бригады 134-й пехотной дивизии (1917). Полковник (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. и Георгиевского оружия. Едва избежал смертной казни за «неповиновение советской власти» в конце 1917 г., бежал. Возглавлял офицерскую организацию в Усть-Каменогорске. В белых войсках Восточного фронта. Начальник 1-й Степной Сибирской (4-й Сибирской) стрелковой дивизии, командующий 3-м Степным Сибирским армейским корпусом. Участвовал в Пермской операции и наступлении Западного фронта 1919 г. Награжден орденом св. Георгия III ст. Генерал-лейтенант (1919). Командующий Южной группой войск Сибирской армии. Участник Сибирского Ледяного похода. В Забайкалье временно командующий Дальневосточной армией. В Приморье командующий Дальневосточной армией, затем войсками Временного Приамурского правительства (1920–1921). Военный министр Временного Приамурского правительства, помощник воеводы Земской рати.

²¹³ В конце 1922 или начале 1923 г. генерал Ионов выехал в Канаду, позднее жил в США.

няпин (в свое время являвшийся членом Правления шанхайского ССРАФ)²¹⁴ и А.П. Бендерский²¹⁵, и капитан 1-го ранга Л.П. Муравьев [Хисамутдинов, 2013, с. 159]. Согласно Устава, Союз военных являлся национально-культурной организацией, имеющей целью содействовать возрождению Православной Христианской Великодержавной России. К задачам союза относились: «подготовка кадра идейных и сильных людей, способных являться проводниками перевоспитания Русского общества на основах активности, честности, дисциплинированности, трезвости и деловитости; противодействие всяким антихристианским, антинациональным и антиморальным течениям; поддержание среди своих членов духа Старой Русской Армии, с ее дисциплиной, уважением к старшим и строгим сознанием долга перед Отечеством» [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 149, л. 214, 216]. Особенностью Тяньцзинского ССРАФ являлся явно выраженный в его уставных документах антисемитизм – в организацию запрещалось принимать евреев.

В сентябре 1927 г. численность членов союза составила 95 человек, из них 21 офицер. Как отмечал один из информаторов ОГПУ, в союзе была представлена в основном «мелкота», привлеченная «гвардейским антуражем» Веденяпина [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 112]. В самом деле, первоначально среди членов союза не было ни одного генерала и только 3–4 штаб-офицера являлись кадровыми военными.

Организация имела свое помещение – Собрание союза²¹⁶ с читальней и буфетом (без спиртных напитков и азартных игр, для чего нужно было иметь специальную лицензию от властей). Материальная база ССРАФ формировалась за счет членских взносов, устройства концертов (имелся свой струнный оркестр и смешанный хор под управлением корнета П.Д. Паникововского) и других мероприятий. В частности, за первый год существования союза приходная часть его бюджета составила 3650 китайских долл. [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 149, л. 200–216].

Наиболее слабыми и малочисленными являлись русские военные объединения в Синьцзяне, регионе, где уровень организационной консолидации эмигрантов был наиболее низким среди других районов расселения русских эмигрантов в Китае.

В октябре 1920 г. в Кульдже был создан т. н. Русский Шанхой – объединение бывших российских подданных в целях оказания материальной и моральной взаимопомощи. Средства Шанхоя формировались за счет пожертвований со стороны состоятельных людей (главным образом, купечества), местного отделения Русско-Азиатского банка и организации увеселительных мероприятий. При Шанхое был открыт лазарет для бедняков, заведовал которым один из наиболее авторитетных членов русской общины, Георгиевский кавалер, полковник Семи-

---

²¹⁴ Веденяпин Петр Александрович, 1884 г. р. Окончил Пажеский корпус (1903) и Николаевскую военную академию (1911). Офицер л. – гв. Преображенского полка. Участник Первой мировой войны. Командующий л. – гв. Измайловским полком (1917). Гвардии полковник (1916). Кавалер ордена св. Георгия IV ст. Член подпольной Алексеевской организации в Петрограде. В белом движении на Юге России в составе Добровольческой армии и ВСЮР. Участник 1-го Кубанского похода. Начальник штаба генерала Алексеева в Новочеркасске, представитель армии на Тереке. В Сибири оказался осенью 1919 г. Эмигрировал в Китай в 1920 г.

²¹⁵ Бендерский Александр Петрович, 1869 г. р. Окончил Николаевское кавалерийское училище (1894), офицер л. – гв. Драгунского полка. До начала Первой мировой войны преподавал верховую езду в Николаевской военной академии, знал большинство офицеров целого ряда предвоенных выпусков академии. В годы войны командовал эскадронам в составе своего полка. Полковник. В 1918 г. служил в армии гетмана Скоропадского, с осени 1919 г. в белых войсках Восточного фронта, служил в канцелярии военного министерства. В 1920 г. начальник конвоя в штабе генерала Лохвицкого, позднее штаб-офицер для поручений. В эмиграции с конца 1920 г., жил в Пекине, позднее в Тяньцзине. В Тяньцзине Бендерский содержал небольшой манеж и давал уроки верховой езды.

²¹⁶ По сведениям одного из источников, большую роль в приобретении помещения для ССРАФ сыграла вторая жена Веденяпина – Бримберг. Бримберг благодаря хорошим отношениям с Батуевой, женой одного из наиболее богатых русских предпринимателей Тяньцзина, выхлопотала у нее в бесплатное пользование дом, где разместилась церковно-приходская школа и Собрание ССРАФ [Русская военная эмиграция, т. 8, с. 113].

реченского казачьего войска Н.Н. Вяткин. Беженцам выдавались денежные пособия (в общей сложности, с конца 1920 до конца 1921 г. – 8900 китайских долл.) [Там же, л. 40, 41].

В окрестностях Кульджи вплоть до 1925 г. сохранялись остатки отряда атамана Дутова, руководимые войсковым старшиной А.З. Ткачевым. Заботясь о своем выживании, дутовцы занимались огородничеством, рыболовством (существовала своя рыболовная артель), выделкой шкур. Была организована собственная пекарня (руководитель – хорунжий Голиков). Процент от любого заработка отдавался в отряд. Несмотря на все попытки обеспечить свою жизнь, материальное состояние отряда было очень тяжелым, «в результате офицеры со своего привилегированного положения были переведены на общий котел, где на обед кипятилась вода с редькой и тонким слоем кунжутного масла». Многие военные в поисках заработка растекались в разные районы Илийского края, в конце 1922 г. в отряде осталось не более 300 человек [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 34]. Только после того, как в конце 1921 г. отряд получил деньги от уполномоченного представителя Оренбургского казачьего войска при штабе атамана Семенова генерала Н.С. Анисимова²¹⁷, ситуация стала несколько лучше. Были установлены оклады, стало выдаваться суточное довольствие [Ганин, 2006а, с. 387] и т. п.

Вместе с тем, руководство отрядом уже не могло, а может и не хотело, поддерживать дисциплину на высоком уровне²¹⁸. Широкое распространение получило пьянство, особенно среди офицеров. Приезжая в Кульджу, офицеры устраивали там пьяные дебоши, драки, посещали публичные дома, тем самым способствуя распространению венерических заболеваний. Не помогали ни увольнение офицеров из частей, ни запрет на употребление спиртного, ни наказания. В конце концов, в январе 1922 г. было закрыто представительство отряда в Кульдже, выезд чинов отряда в город запрещен [Там же, с. 388]. Возможно, деятельность наиболее разложившейся части дутовцев была одной из причин закрытия китайскими властями в 1922 г. Русского Шанхоя.

Начальник штаба Суйдинского отряда, подполковник П.П. Папенгут, называвшийся советскими разведчиками «столбом на котором отряд только и держится», объединил вокруг себя значительную часть офицеров и сформировал под названием Офицерского союза самостоятельное объединение [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 42; Наземцева, 2013, с. 95]. Штаб Офицерского союза в середине 1920-х гг. располагался в Толкинском ущелье. В 1928 г. в составе союза находилось 120–130 человек [Наземцева, 2013, с. 95, 97].

К середине 1920-х гг. временные и преимущественно трудовые объединения бывших военных практически исчезли, уступив место более крупным организациям, преследовавшим не только цели обеспечения своих членов заработком, но и объединяя тех, кто не принял советской власти (при этом борьба против советской власти не позиционировалась в качестве одной из целей), обеспечивая поддержку и сохранение корпоративной идентичности, как на общем уровне принадлежности к бывшим военнослужащим Российской армии и флота и Белой армии, так и на узко-корпоративной основе. Одним из средств поддержания групповой идентичности в среде военной эмиграции являлась организация корпоративных мероприятий, связанных с определенными датами и событиями, – полковые, войсковые, училищные праздники, панихиды по погибшим членам корпорации, молебны и т. п. Многие из этих мероприятий находили отражение на страницах эмигрантских газет, особенно «Русского слова» (Харбин) и «России» (Шанхай), наиболее близких к военной среде. Подавляющее большинство

²¹⁷ Как оказалось в дальнейшем, генерал Анисимов присвоил себе больше половины тех денег, которые атаман Семенов выделил ему для отправки казакам-оренбуржцам в Синьцзян. По делу Анисимова было даже проведено расследование, но наказания он так и не понес.

²¹⁸ Согласно советским источникам, войсковой старшина Ткачев оценивался как человек бесхарактерный, недалекий, всецело находящийся под влиянием жены и поддесаула Шелокова. Он захватил большую часть денег, присланных генералом Анисимовым, осуществлял разгул, кутежи и оргии [Ганин, 2006а, с. 388].

членского состава организаций бывших военных было представлено офицерством. В то же время стоит отметить, что значительная часть бывших военнослужащих Белой армии, особенно среди тех, кто прибыл в Китай 1919–1920 гг., или находились здесь на протяжении всей Гражданской войны, не являлись членами военных объединений. Такая ситуация была особенно характерна для Синьцзяна и Маньчжурии, где за пределами крупных населенных пунктов (Харбин, Мукден, Чанчунь) практически никаких организаций бывших военных не существовало.

Глава 6. Эмигрантские военно-политические центры Европы и проблема консолидации военной эмиграции в Китае

Середина 1920-х гг. открыла новый этап в жизни русской военной эмиграции в Китае. С одной стороны, в Китае существенно возросла активность Советского Союза, стремившегося восстановить на северо-востоке страны позиции царской России и одновременно развернуть в Поднебесной антиимпериалистическое революционное движение, реализуя на Востоке проект мировой революции. В рамках реализации этой стратегии предполагалось окончательно ликвидировать на китайской территории остатки белой эмиграции, что вынуждало эмиграцию бороться за свое выживание. С другой стороны, начавшийся на Западе процесс консолидации военной эмиграции с целью продолжения антибольшевистской борьбы подталкивал аналогичный процесс в Китае, инициируя новый этап противостояния между большевиками и антибольшевистскими силами, что особенно актуализировалось наличием протяженной совместной границы между Китаем и СССР.

1924 год ознаменовался распадом почти повсеместно на территории Китая крупных воинских групп и резким снижением белопартизанской активности. Продолжался процесс репатриации и реэмиграции части военных беженцев. Значительная часть бывших военных перешла к мирной деятельности, стремясь приспособиться к новым условиям существования. Большинство действовавших в это время организаций, объединявших бывших военных, являлись фактически союзами взаимопомощи, ориентированными своих членов на социальную адаптацию, а не на политическую борьбу. Продолжение противостояния советской власти было уделом немногих, в основном тех, кого мы в нашей типологии отнесли к активным антибольшевикам и людям войны.

Советская сторона, разрабатывая планы расширения своего присутствия в Китае, стремилась к окончательной ликвидации на этой территории «белогвардейского гнезда». Как отмечалось ранее, в 1924 г. советское правительство предприняло немало усилий, включая военно-политический шантаж, для установления дипломатических отношений с Китаем и восстановления совместного управления КВЖД [Переписка Сталина, 2008, с. 74, 77]. В мае 1924 г. было подписано долгожданное соглашение между Москвой и Пекином, подкрепленное сентябрьским договором с Мукденом. Согласно договору 1924 г. в Китае учреждались советские консульства, сменившие существовавшие с 1920 г. в местах наиболее массового расселения русских эмигрантов русские представительства, отстаивавшие права эмигрантов. «Вселение» советских дипломатических представительств на территории бывших консульств Российской империи не обошлось без инцидентов. В Шанхае более тридцати офицеров и солдат группы генерала Глебова ночью 13 июля 1924 г. захватили здание бывшего Российского консульства, протестуя против его передачи советской стороне. Пришлось использовать для их выдворения полицию [Ван, 2008, с. 156].

С приходом в руководство КВЖД советских представителей был поставлен вопрос об увольнении с железной дороги белоэмигрантов [Переписка Сталина, 2008, с. 179–181]. С 1925 г. в составе Управления и различных служб КВЖД разрешалось работать только лицам, имевшим советское или китайское подданство. Начались увольнения. В частности, были уволены все русские сотрудники внутренней охраны железнодорожной полиции [ГАРФ, ф. Р-6081, оп. 1, д. 153, л. 171].

Желая сохранить свое стабильное положение, обеспечивавшееся службой на КВЖД, многие военные эмигранты приняли китайское²¹⁹, а в отдельных случаях и советское гражданство. Эта ситуация хорошо представлена в дневнике полковника И.С. Ильина: «Боже, как изменились вокруг лица! Глаза бегают, вид напуганный, разговаривать боятся, некоторые стонутся! Говорят, что у многих давным-давно припасены совпаспорта. И, главным образом, среди тех, кто больше всего кричал о “непримиримости”... Берут паспорта генерал Касаткин, Бутов, Богданов, Зефилов – все омичи... Китайских подданных, дай Бог, чтобы набралось до двух тысяч, вся же масса спешит осоветиться» [Там же, ф. Р-6599, оп. 1, д. 8, л. 226, 237]. Кстати, сам Ильин, не желая становиться ни китайским, ни советским гражданином, был вынужден оставить Службу сборов Управления КВЖД, где в это время работал. Из предложенной нами классификации типов военных эмигрантов на компромисс с советской властью шли главным образом «перерожденцы» и «шкурники», имея при этом различную мотивацию.

Начиная с 1925 г., русские в Китае разделились на советских и эмигрантов (ко второй категории нужно отнести и русских, принявших китайское подданство), борьба между которыми, особенно в среде молодежи, имела порой ожесточенный характер. Противодействуя разложению эмиграции, антибольшевистские круги организовывали антисоветские акции, клеймили «перелетов» – бывших белых, перешедших в советское подданство, преследовали «рenegатов» – эмигрантов, в той или иной мере контактировавших с советскими учреждениями или советскими гражданами. На страницах «белых» газет, как, например, «Русское слово» в Харбине или «Мукденский вестник» в Мукдене, регулярно давалась информация о подрывной деятельности «перелетов» и неблагоприятных поступках отдельных эмигрантов, имевших связи с советскими. В «Мукденском вестнике» существовал специальный отдел «Галерея предателей», где размещались фамилии неустойчивых эмигрантов [Мукденский вестник, 1928]. С большим недоверием эмиграция относилась к бывшим белым, оставшимся в России после Гражданской войны или репатриировавшимся из Китая, а позднее возвратившимся обратно с намерением продолжить борьбу против советской власти²²⁰.

Усилилось советское давление на организации бывших военных. Даже такие безобидные мероприятия, как увеселительные вечеринки, организуемые военными объединениями, подвергались нападкам и бойкотам со стороны служащих ресторанов, являвшихся членами профсоюзов. По воспоминаниям лейтенанта Д.П. Жемчужина известно, что первый открытый Морской вечер, организованный Харбинской Кают-компанией по случаю Пасхи в мае 1926 г. в зале гостиницы «Новый мир», едва не был сорван отказом работников ресторана, имевших санкцию со стороны профсоюзов, обслуживать данное мероприятие. Морякам пришлось все обеспечивать самим [Жемчужин, 2005, с. 153].

«Советизация» бывшей полосы отчуждения КВЖД, а также части русских колоний в городах Южной Маньчжурии, Северного и Восточного Китая способствовала дальнейшему разложению военной эмиграции. Значительная часть бывших военнослужащих Белой армии, особенно из прибывших в Маньчжурию до 1922 г., сторонились организаций, объединявших бывших военных, старались скрыть свое прошлое и даже внутренне отказывались от своей прежней идентичности в качестве военных и участников Белого движения.

Вместе с тем, на протяжении 1924 года возникли условия для консолидации военной эмиграции в Китае на антисоветской основе. Анализируя сам процесс консолидации, необходимо отметить два важных обстоятельства. Во-первых, инициатива объединения во многом

---

²¹⁹ Нередко китайское подданство брали совсем не потому, что принципиально не желали иметь дело с Советами, хотя было не мало и таких, а по причине того, что белым офицерам в советском подданстве часто отказывали.

²²⁰ Ярким примером здесь являлась судьба генерала И.М. Зайцева, выехавшего в СССР в 1924 г. В начале 1929 г. он возвратился в Китай, отбыв заключение в Соловецком лагере и бежав с пересыльного пункта Усть-Сысольска. В Шанхае многие считали Зайцева большевистским агентом и сторонились общения с ним. Не выдержав недоверия и изоляции, генерал покончил жизнь самоубийством в ноябре 1934 г.

принадлежала европейским центрам военной эмиграции. В 1924 г. в Европе сформировались две крупнейшие организации, претендовавшие на объединение бывших военнослужащих Русской армии и флота за рубежом, – Корпус офицеров Императорской Армии и Флота (позднее Корпус Императорской Армии и Флота – КИАФ) и Русский Обще-Воинский Союз. Эти организации втянули в свою орбиту большинство военных объединений, практически лишив влияния на военных эмигрантов Высший Монархический Совет, ранее претендовавший на руководство Русской армией в изгнании. КИАФ был создан по приказу объявившего себя Императором Всероссийским в. кн. Кирилла Владимировича для возглавления им Русской армии и флота, оказавшихся за рубежом. РОВС, руководимый генералом П.Н. Врангелем, признавал в качестве главы русского воинства в эмиграции в. кн. Николая Николаевича-младшего, бывшего Главнокомандующего Русской Императорской армии. На Николая Николаевича ориентировалось и большинство монархических организаций, руководимых ВМС и стоявших на позициях непредрешенчества. С самого начала появления КИАФ и РОВС между ними разгорелась ожесточенная борьба [Подробнее см.: Серегин, 2014].

Во-вторых, в отличие от Европы, где военные организации пытались держаться в стороне от общественных и политических объединений, в Китае организации бывших военных сразу оказались тесно связанными с общественно-политической жизнью эмиграции. Тем самым нарушался принцип «армия вне политики», которого особенно последовательно старался придерживаться РОВС. Как писал в начале 1930 г. генерал Дитерихс, офицерство во многом и стало той «общественностью», которая погрязла в бесплодной политической борьбе [BAR. ROVS Papers, box 69, f. Far East to Central Office (1932–1937)].

В Харбине представители военной эмиграции активно участвовали в организации и работе Беженского комитета, претендовавшего на общеэмигрантскую роль. В середине 1920-х гг. в составе Правления ХКПРБ работали генералы Бордзиловский, Шильников, Андогский, Вишневский, Крамаренко, полковник Аргунов [ГАХК, ф. Р-1128, оп. 1, д. 2. Отчет о деятельности ХКПРБ с 1923 по 1938 г., с. 32об – 34об.]²²¹, и др. Отдельные генералы и офицеры, входившие в состав Правления Беженского комитета, выступали представителями возглавляемых ими военных организаций, что давало объединениям военных некоторую «законность» своего существования в условиях запрета со стороны китайских властей Маньчжурии на работу «белых» политических организаций, в то время как Беженский комитет имел официальную регистрацию. У некоторых членов Правления ХКПРБ, в частности, генерала Шильникова, несколько раз являвшегося председателем Правления, даже возникал соблазн использовать часть его сумм для организации работы по политической линии, что вызывало недовольство у гражданской части руководителей Беженского комитета [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 309].

В Шанхае, также как в Харбине, организации военных приняли активное участие в работе объединений, претендовавших на положение общеэмигрантских. Это касалось, в частности, созданного в 1924 г. Комитета защиты прав и интересов русских в Шанхае, который возглавлял бывший российский консул В.Ф. Гроссе. В руководство Комитета входили представители ССАРФ и Казачьего союза, а также Дальневосточной казачьей группы генерала Глебова. Однако вскоре после создания комитета начались трения между военными и Гроссе, который стремился держать организацию вне политики и к тому же сотрудничал с Комитетом по репатриации русских из Шанхая. Особенно жестким было противостояние между Гроссе и генералом Глебовым. В ноябре 1925 г. Гроссе сложил с себя полномочия председателя Комитета защиты прав. Новым председателем организации был избран Н.А. Иванов, бывший ассессор

²²¹ Позднее, в 1930-е гг., в агентурных сведениях японского Жандармского управления в Харбине Аргунов, бывший эсер, будет представлен главной фигурой в руководстве ХКПРБ, определявшей всю политику этой организации [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 31786, т. 2, л. 29].

Смешанного суда в Шанхае, вице-председателем – генерал Вальтер, глава ССРАФ. В состав Правления вошли Шендриков и генерал Глебов [Ван, 2008, с. 355, 356]. Конфликт этим не был исчерпан. В противовес Комитету защиты прав Гроссе создал общество «Помощь», на базе которого в июне 1926 г. был сформирован Русский эмигрантский комитет (РЭК). Наличие двух противоборствующих организаций, претендовавших на защиту прав и интересов русского эмигрантского населения в Шанхае, мало способствовало делу объединения эмиграции. В этом противостоянии был заметен и политический подтекст – в состав Комитета защиты прав входили в основном «николаевцы», а в работе РЭК участвовало несколько «кирилловцев».

Отдельные организации бывших военных были представлены в составе некоторых политических объединений. Например, Комитет Монархических организаций Дальнего Востока в 1925 г. включал в себя целый ряд организаций бывших военных, в том числе казаков. В Шанхае в Комитете состояли Общество Забайкальский и Амурских казаков, Союз пограничников Приамурского края, Союз бывших военнослужащих Приволжья и Урала, Союз бывших питомцев Российских кадетских корпусов, а также Союз Архистратига Михаила, якобы имевший отделения в Тяньцзине, Мукдене и на ст. Пограничная²²². В руководящие структуры Комитета входили полковник П.П. Унтербергер, заместитель председателя Общества Кадровых Офицеров Императорских Гвардии, Армии и Флота, генерал-майор А.М. Хрущев, Генерального штаба полковник И.А. Бафталовский, полковник Г.Н. Еременко [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 137, л. 109]. В дальнейшем, с созданием в конце 1926 г. подчиненного ВМС Дальневосточного отдела Русского Зарубежного Патриотического Объединения под руководством М.Я. Домрачева²²³, отдельные организации бывших военных вошли в его состав. К таким организациям в Шанхае относились учрежденный в середине 1926 г. Союз Георгиевских кавалеров (председатель – полковник К.Н. Арцыбашев), Общество офицеров 8-го Камского полка (председатель – полковник Арцыбашев), Русское Военно-Научное общество «Армия и Флот» (председатель – полковник Колесников), Казачье Объединение (председатель – генерал-майор П.П. Оглоблин) [Там же, д. 146, л. 85].

Участие военных организаций в деятельности общественно-политических объединений препятствовала процессу их консолидации, усиливая внутренние противоречия и способствуя дроблению и расщеплению военных групп.

К наиболее ранним попыткам создать на территории Китая объединение бывших русских военных на антисоветской основе относилась инициатива генерала Глебова по консолидации казачества. В апреле 1924 г. по предложению Глебова, вышедшего из подчинения атаману Семенову, в Шанхае был создан Совет войсковых атаманов Казачьих войск. Глебов занял пост председателя Совета, его заместителем являлся генерал Анисимов, заместитель атамана Оренбургского казачьего войска. В состав Совета вошли генерал-майор И.Н. Потанин, заместитель атамана Енисейского казачьего войска, генерал-майор Л.Ф. Власьевский, заместитель атамана Забайкальского казачьего войска, войсковой старшина Ушаков, заместитель атамана Семиреченского казачьего войска, а также к работе были привлечены с правом совещательного голоса генерал Савельев, заместитель атамана Уссурийского казачьего войска, генерал Оглоблин, заместитель атамана Иркутского городского казачества, князь И. Долгоруков, почетный казак Дальневосточной казачьей группы, и генерал-лейтенант М.И. Афанасьев, представитель Донского казачьего войска [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 711, 712]. Совет не занял антисеменовской позиции, но признал Семенова лишь атаманом Забайкальского казачьего войска.

²²² Союз Архистратига Михаила заявлял о том, что в его состав входят офицеры, солдаты и казаки, общей численностью на 1 сентября 1925 г. в 97 человек. Председателем Союза являлся некий ротмистр Попов, секретарем – корнет Пермяков-Шалыгин [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 137, л. 90, 90 об].

²²³ Домрачев Михаил Яковлевич, 1890 г. р., юрист. В годы Гражданской войны являлся делопроизводителем у генерала Дитерихса на Дальнем Востоке. В 1930–1936 гг. начальник канцелярии генерала Хорвата.

Члены Совета приняли план, очень напоминавший проект, разработанный областниками, который предполагал захват побережья Приморья от Николаевска-на-Амуре до Камчатки и Сахалина. Для реализации плана предлагалось использовать ушедшую на Филиппины флотилию адмирала Старка. В дальнейшие планы заговорщиков входило создание буферного государственного образования под руководством уполномоченного в. кн. Николая Николаевича или лица, выдвинутого Советом [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 14, л. 21].

Считая необходимым наличие у Совета печатного органа, Глебов финансировал учреждение в Шанхае газеты «Россия» под редакцией полковника Н.В. Колесникова. Однако из-за многочисленных проволочек первый номер газеты вышел только в декабре 1924 г. Деятельность шанхайского Совета войсковых атаманов к этому времени провалилась, поскольку его полномочия отказались признать Восточный казачий союз в Харбине и легитимисты [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 712], а отношения генерала Глебова с атаманом Семеновым стали откровенно враждебными. Кроме того, произошел раскол между Глебовым и Анисимовым. Весной 1925 г. Анисимов с группой своих сторонников вернулся в Советский Союз, угнав из Шанхая пароход «Монгутаи».

Высокая степень территориальной разобщенности и сильные внутренние противоречия в русской военной среде Китая не давали серьезных импульсов к объединению, поэтому роль инициаторов консолидации военных кругов взяли на себя европейские военно-эмигрантские центры.

К середине 1920-х гг. на Дальнем Востоке имелись как сторонники в. кн. Кирилла Владимировича, так и в. кн. Николая Николаевича. Объединение легитимистов возникло в Маньчжурии еще в 1922 г. и долгое время возглавлялось полковником (с 1924 г. – генерал-майором) Н.Л. Жадвойном. По одной из версий, до начала 1924 г. права уполномоченного от легитимистского центра имел и генерал-майор В.Д. Косьмин. Но, не сумев «подвинуть» Жадвойна в должности главного уполномоченного великого князя, генерал Косьмин порвал с легитимистами [Там же, с. 69, 70]. В первое время существования легитимистской организации человеком, близким к Жадвойну, его порученцем, являлся капитан Т.П. Москалев²²⁴, личность довольно темная и давно связанная с японской разведкой. Однако в дальнейшем из-за махинаций, в которых Москалев был замешан вместе с капитаном Закржевским, Жадвойн от его услуг отказался [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12].

В 1924 г. полковник Жадвойн, опасаясь преследования со стороны советских спецслужб, перебрался из Харбина в более спокойный Мукден, оставив своим заместителем в Харбине полковника А.В. Эглау. В 1925 г. в состав легитимистской организации вошел генерал Акинтьевский, являвшийся членом харбинского Офицерского союза. Акинтьевский вместе с полковниками Я.Я. Смирновым и В.Н. Федоровым входил в т. н. оперативный отдел союза, поддерживавший связи с партизанами. Уход Акинтьевского к легитимистам вызвал его удаление из рядов Офицерского союза, ориентировавшегося на в. кн. Николая Николаевича [Там же, д. 4922, л. 97]. В то же время переход в ряды оппонентов «николаевцев» человека, тесно связанного с работой боевого подполья, не мог не нанести ущерба деятельности последних. В дальнейшем Акинтьевский будет одной из ключевых фигур в легитимистской организации Маньчжурии, работая до 1930 г. нелегально, поскольку являлся официальным сотрудником Коммерческого отдела Управления КВЖД и имел китайское подданство.

Несмотря на предпринимаемые «кирилловцами» попытки привлечь в свои ряды как можно больше бывших военных, до конца 1920-х гг. влияние легитимистов в Китае было незначительным, а численность крайне невелика. Согласно справке, составленной в недрах

²²⁴ Москалев Трофим Павлович, офицер военного времени. Служил в ОМО в Броневом дивизионе, в 1920 г. начальник бронепоезда «Истребитель». В Чите в окружении атамана Семенова большой любовью не пользовался, хотя считался «человеком нужным». В 1921–1922 гг. находился в Приморье [ГАХК, ф. Р-830, оп. 3, д. 15158, л. 12].

БРЭМ в 1930-е гг., численность легитимистов в Харбине до конца 1920-х гг. едва превышала сто человек [ГААОСО, ф. Р-1, оп. 2, д. 46300, л. 205]. В Мукдене, по данным советского консульства, в 1928 г. в кирилловской организации Жадвойна²²⁵ состояло 8 человек, все бывшие офицеры. Заместителем полковника являлся офицер Адланов, служивший швейцаром в гостинице «Ленгмюллер» и работавший на японскую жандармерию [АВПРФ, ф. 0100, оп. 12, п. 152, д. 48, л. 4, 39, 90]²²⁶. Адланов поставлял Жадвойну свежие политические новости, которые тот, в свою очередь, направлял в Сен-Бриак. Невысокая численность легитимистов в Китае объяснялась не только тем, что многие военные не приняли провозглашения в. кн. Кириллом Владимировичем себя императором и более высокой популярностью в. кн. Николая Николаевича в военной среде, но и тем, что легитимистское руководство долгое время уделяло мало внимания Дальнему Востоку. В окружении Кирилла Владимировича только генерал Лохвицкий отстаивал дальневосточное направление в качестве приоритетного для работы КИАФ [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 198–208; Граф, 2004, с. 133].

В отличие от «кирилловцев» «николаевцы» проявили гораздо большую заинтересованность в Дальнем Востоке. К тому же этот интерес возбуждался многочисленными «свидетельствами» подъема антибольшевистской борьбы в Сибири и на Дальнем Востоке России и готовности военной эмиграции выступить против большевиков под руководством в. кн. Николая Николаевича²²⁷. Весной 1924 г. в Париж из Китая прибыл прапорщик Н.А. Остроумов, секретарь харбинского епископа Нестора (Анисимова), активного сторонника Белого движения. Остроумов был уполномочен белыми организациями Маньчжурии сообщить великому князю о мощном подъеме антибольшевистской борьбы на Дальнем Востоке и просить помощи из Европы [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report]. В. кн. Николай Николаевич, поддавшись соблазну взять под контроль военную эмиграцию в Китае, распорядился направить на Дальний Восток своего представителя, каковым стал Генерального штаба генерал-лейтенант А.С. Лукомский.

Лукомский в это время работал в США по т. н. секретной линии, возглавляемой генералом от инфантерии А.П. Кутеповым, имея задачу заручиться поддержкой американских противников большевиков, в чем мало преуспел. Находясь в Нью-Йорке, Лукомский получил письмо от Кутепова с предложением отправиться на Дальний Восток. Кутепов полагал, что Лукомский – «единственное лицо, способное разобраться в сложной обстановке на Дальнем Востоке» [ГАРФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 11, л. 19]. В преддверие поездки Кутепов напутствовал Лукомского, говоря о необходимости «всю “публику” Дальнего Востока скрутить, а то они там сильно разболтались. Разговаривать необходимо со всеми, кто признает авторитет ВК [великого князя]» [Там же, л. 21 об]. Получив денежный перевод от великого князя, осенью 1924 г. Лукомский выехал в Сан-Франциско, откуда отплыл в Японию.

Поездка Лукомского имела секретный характер. Он получил предписанием ни в коем случае не разглашать ее истинных целей, представляя вояж как частное предприятие. Но, как отмечал в своем дневнике генерал, уже в Сан-Франциско цель его поездки перестала быть секретом. Главным виновником этого был прапорщик Остроумов [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report].

²²⁵ Советская разведка сообщала, что Жадвойн «имеет фальшивый и переменчивый характер, политически недалковиден; умственные способности ограничены, не пользуется симпатиями у белых в Мукдене и его не любят даже в его окружении. Не может создавать планов, плывет по течению. И потому безопасен [подчеркнуто мною – С.С.] [АВПРФ, ф. 0100, оп. 12, п. 152, д. 48, л. 39].

²²⁶ Советские агенты характеризовали Адланова, как фанатика, но такого, что «пороха не выдумает».

²²⁷ Например, доклады, которые направляли в Париж полковник Колесников, генерал Глебов, епископ Нестора и др. [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 73–78, 676].

Прибыв в Токио, где он должен был прощупать почву о возможности заключения союза против большевиков с Японией²²⁸, Лукомский встретил здесь весьма холодный прием. Японское правительство в это время вело переговоры о подписании соглашения с СССР и не желало компрометировать себя какими-либо контактами с антибольшевиками. Было очевидно, что ни Япония, ни маньчжурский диктатор Чжан Цзолинь, тесно связанный с японцами, в ближайшее время не только не станут союзниками, но и не допустят на контролируемой ими территории создания плацдарма для борьбы против Советской России. Еще находясь в японской столице, Лукомский отказался от поездки в Харбин, где первоначально предполагал обосноваться и оттуда вести работу. Основным местом его трехмесячного пребывания в Китае стал Шанхай.

В Токио и Шанхае представитель великого князя имел ряд встреч с деятелями военной и политической эмиграции, а также установил письменные контакты с некоторыми интересовавшими его лицами. На основании полученной информации Лукомский сделал несколько неутешительных для центра выводов. За редким исключением почти все, с кем он имел возможность общаться, подчеркивали, что ни в Сибири, ни на Дальнем Востоке России, несмотря на высокую степень недовольства советским режимом, нет достаточных сил и необходимых условий для подъема мощного антибольшевистского выступления. У дальневосточной антибольшевистской эмиграции отсутствует внешняя поддержка в лице Японии и Китая, нет финансовых средств и оружия. Почти прекратилось белое партизанское движение в приграничных районах. Русские военные силы на Дальнем Востоке находятся в состоянии крайнего разложения, и подготовить дисциплинированную и боеспособную армию за короткий срок невозможно. Проблему составляло и недостаточное количество высококвалифицированных офицерских кадров, а также людей, оставшихся верными идеям антибольшевистской борьбы.

Значительный интерес представляет характеристика, которую Лукомский дал старшему комсоставу Русской армии, обосновавшемуся в Китае. В дальнейшем эти оценки использовались окружением великого князя и руководством РОВС в их работе с Дальним Востоком.

Ни один из двенадцати генералов, о которых пишет Александр Сергеевич, не обладал, по его мнению, необходимыми качествами военачальника и лидера, способного объединить вокруг себя русскую военную эмиграцию в Китае. Одних он счел, несмотря на их высокие профессиональные качества, недостаточно политически надежными (генералы Самойлов, Володченко, Колокольников, Андогский, Хрещатицкий)²²⁹. Других – недостаточно волевыми (генералы Плешков и Ханжин). Третьих – годными только для административной или строевой службы (генералы Вальтер, Жуков, Сычев). Как покажет будущее, Лукомский мало в ком ошибся. В отношении генерала М.К. Дитерихса, будущего главы Дальневосточного отдела РОВС, он также весьма проницательно отметил: «Безукоризненно честный человек, но потерял всякую веру в возможность работы. Настроен болезненно-мистически и для работы вряд ли теперь полезен. По крайней мере, в настоящее время. Если же “дух” к нему вернется – будет, наоборот, очень полезен» [Ibid]²³⁰.

Среди генштабистов Лукомский назвал лучшими генералов С.Н. Люпова, А.И. Андогского, П.Г. Бурлина и К.К. Акинтиевского, указав, что последний, по-видимому, склоняется

²²⁸ В письме, которое генерал Кутепов отправил Лукомскому перед его отъездом, сообщалось, что по слухам «в Токио есть много друзей нашего дела среди, главным образом, военных кругов...» [ГАРФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 11, л. 21 об].

²²⁹ Генералы Самойлов и Хрещатицкий в 1925 г. покинули Китай, выехав во Францию.

²³⁰ Как писал в своем докладе в. кн. Николаю Николаевичу полковник Колесников, «из всего высшего командного состава Приморской армии только один ген. Дитерихс (ныне работающий в сапожной мастерской в Шанхае) пользуется любовью и уважением, как человек глубоко честный и белоснежно-идейный» [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 76]. В середине 1920-х гг. Дитерихс получил работу конторщика, а позднее главного кассира в шанхайском Франко-Китайском банке. Большое внимание уделял работе в организованном его женой еще в 1919 г. на российской территории приюте «Очаг для одиноких беженков-подростков», вывезенном с эвакуацией в Шанхай. За весь период существования приюта (до 1936 г.) в его стенах получили воспитание и образование 40 девушек. Многие из них в дальнейшем, уже выйдя замуж и родив детей, оставались жить в приюте. Все «очаговки» относились к чете Дитерихсов как к своим родителям.

в пользу в. кн. Кирилла Владимировича²³¹. Из генералов, получивших свои звания в период Гражданской войны, он особо выделил Ф.Л. Глебова и К.П. Нечаева²³², с которыми лично встречался в Шанхае. Интерес к Глебову и Нечаеву был обусловлен и тем, что оба генерала имели в своем подчинении воинские контингенты. Но, если воинская группа Глебова с каждым месяцем, проведенным на палубах старых кораблей без особых надежд на будущее, таяла, то возглавляемый Нечаевым русский отряд (с 1925 г. – Русская бригада), находившийся с середины 1924 г. на службе в армии маршала Чжан Цзолиня, набирал популярность в эмигрантской среде и быстро рос в своей численности.

Встречался Лукомский и с атаманом Семеновым. Несмотря на симпатию, которую пробудил в нем этот человек²³³, генерал отнесся к его деятельности достаточно осторожно, памятуя о том, какую роль Семенов сыграл в свое время в разложении Восточного фронта, и о его крайней непопулярности в широких слоях эмиграции. Семенов, оказавшийся в это время не у дел, переставший интересоваться кого-либо, кроме японцев²³⁴, метался из стороны в сторону. В конце 1924 г. он предложил свои услуги маршалу Чжан Цзолиню, но встретил отказ, так как против атамана выступило большинство русских военных советников. Семенов был вынужден возвратиться в Токио. Его «представителем» в Русском отряде Мукденских войск считался генерал Клерже, одно время являвшийся главным русским советником у Чжан Цзолиня [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 173, 174]²³⁵. После неудачи у Чжана Семенов то пытался отдаться под руку в. кн. Кирилла Владимировича [Там же, с. 157, 158], то перейти в стан «николаевцев», то наладить контакты с большевиками [Там же, с. 178–196]. Советская разведка, имея связи с семеновским окружением²³⁶, так и не решилась использовать атамана для осуществления масштабных целей в Китае.

²³¹ Положительную оценку, данную Лукомским Акинтьевскому, брат которого, к тому же, был женат на сестре Лукомского, подтверждает служивший с ним в штабе генерала Лохвицкого полковник А.П. Бендерский. В то же время Бендерский отмечал, что у Акинтьевского есть «громадный недостаток, это пьянство в компании со всяким сбродом. И на другой день какой-нибудь проходимец его первейший друг, потому что вчера они напились вместе» [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 155, л. 9].

²³² Генерал Нечаев характеризовался в эмигрантских кругах крайне неоднозначно. Удивительно и даже чрезмерно храбрый командир, он мог выполнить самую сложную боевую задачу, имел высокий авторитет среди офицеров и рядового состава. В то же время генерала называли человеком «умственно ограниченным», который «сам дерзать не способен и всегда будет в большом вопросе руководим другими» [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 555], имеющим кругозор командира эскадрона. К тому же Нечаев был горячим приверженцем алкоголя.

²³³ Лукомский пишет, что атаман Семенов произвел на него впечатление «крупного самородка, с природным умом, сильной волей, начитанного и, по-видимому, всем интересующегося и легко воспринимающего и впитывающего в себя все его интересующее. Такие типы в прежнее время могли быть в одно и то же время и разбойниками и строителями земли». Его главным недостатком, как говорили генералу, было неумение подбирать помощников, и около него собирались самые отрицательные типы [Лукомский, 2001, с. 84]. Это лишь частично совпадает с тем, что сообщали о Семенове близко знавшие и отошедшие от него люди, почти в один голос заявлявшие о бесхарактерности и безвольности атамана. В частности, генерал Л.В. Вериге отмечал, что Семенов «по натуре – человек в высшей степени добрый и отзывчивый, но абсолютно бесхарактерный и безвольный. Как и все забайкальские казаки, правды никогда не скажет. Склонен к суеверию, и... к авантюрам, честолюбив...» [цит. по: Марковчин, 2003, с. 190].

²³⁴ Японская разведка и праворадикальные круги, в частности, организации Кокурюкай (Общество Реки Черного Дракона), стремились держать атамана Семенова в поле своего внимания, рассчитывая при возможности использовать его для работы по распространению японского влияния в Северо-Восточной Азии.

²³⁵ Многочисленные характеристики генерала Клерже показывают его человеком очень энергичным, достаточно умным, хитрым, наделенным большим самолюбием и склонным к авантюрам («человек, способный на всякую гадость»). Еще в 1919 г. он привлекался к суду по подозрению в большевизме, но был оправдан. По одной из версий, Клерже в борьбе за место советника при Чжан Цзолине способствовал смещению подполковника Грегори. В 1925 г. Клерже был отстранен от должности советника при мукденском диктаторе.

²³⁶ Два наиболее близких к атаману Семенову в первой половине 1920-х гг. генералов, М.И. Афанасьев и Л.Ф. Власьевский, обвинялись эмиграцией в работе на советскую разведку. В конце 1920-х – начале 30-х гг. «дело Афанасьева» стало предметом разбирательств в суде чести шанхайского ССРАФ, но из-за невозможности однозначно доказать его вину дело пришлось прекратить, тем не менее Афанасьев был исключен из Союза военнослужащих. Генерал Власьевский, как показывают рассекреченные документы советской разведки, действительно работал на военную разведку [Алексеев М., 2010, с. 370]. Вероятно, также обстояло дело и с Афанасьевым.

В заключительной части своего доклада великому князю о состоянии дел в Китае Лукомский писал: «Вообще же офицерская масса страшно опустилась, развратилась и потеряла моральные устои. Очень незначительная часть офицерства устроилась хорошо или сносно; большинство же влачит жалкое прозябание и, в борьбе за существование, опускается все ниже и ниже». Организации, которые могли бы объединить вокруг себя военных, являются малочисленными и неавторитетными [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report].

Что касается кадров, которые можно было бы привлечь к гражданскому управлению на Дальнем Востоке, Лукомский выделил всего четырех человек – генерала Д.Л. Хорвата, бывшего управляющего КВЖД, Н.Л. Гондатти, бывшего губернатора Приамурья, юриста И.К. Артемьева, в прошлом председателя Земской Думы в Приморье, и С.В. Востротина, министра торговли и промышленности в «Деловом кабинете» Хорвата (1918). «Больше крупных имен нет, – писал Александр Сергеевич, – все же входящие ныне в различные “общественные” организации фактически никого не представляют и значительных лиц среди них нет. У многих репутация сильно испорчена» [ГАРФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 11, л. 79].

Вполне объективно оценивая ситуацию в ближайшем к России регионе Китая, Маньчжурии, и влияние здесь Японии, Лукомский понимал, что создание в одном из районов Маньчжурии русского вооруженного отряда, который мог бы «сыграть серьезную роль, если бы в областях Дальнего Востока вспыхнуло противобольшевистское восстание», возможно только с разрешения японцев²³⁷. Из доклада и записок Лукомского можно выявить два варианта создания русского вооруженного отряда, основанные на предложениях представителей местной эмигрантской общины. Согласно сообщению генерала Андогского, полученному им якобы из японского штаба в Мукдене, японцы хотели нанять 3–4 тыс. русских военных для охраны строящейся ими железнодорожной линии Таонаньфу – Цицикар. Лукомский сразу отдал распоряжение генералу Бордзиловскому, председателю Офицерского союза в Харбине, о необходимости воспользоваться этим предложением, «если наем охраны не будет связан контрактом на определенный срок» [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report].

Другой вариант организации русского вооруженного отряда был подсказан проживавшим в Хайларе классным фельдшером Забайкальского казачьего войска Выговским, который вместе с Остроумовым приезжал к Лукомскому в Шанхай. Выговский указал на территории прилегающего к российскому Забайкалью Трехречья месторождения золота и свинцово-серебряных руд. Эти месторождения могла приобрести на правах концессии какая-либо из иностранных держав (Лукомский отдавал предпочтение Соединенным Штатам) [ГАРФ, ф. Р-5829, оп. 1, д. 11, л. 92], обеспечив формирование на этой территории крупного русского охранного отряда [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report].

По-видимому, ни тот ни другой вариант, кстати, так и не реализовавшиеся, не очень устраивали центр. Организация же самостоятельного русского воинского подразделения на территории Маньчжурии даже при благосклонной позиции Японии была маловероятной из-за крайнего разложения воинской массы, отсутствия общепризнанных авторитетов и больших финансовых расходов. Лукомский определял примерную сумму расходов на организацию крупного вооруженного отряда в 340 тыс. американских долларов [Ibid].

Таким образом, Русская («нечаевская») бригада в войсках Чжан Цзолиня не рассматривалась «николаевцами» как подразделение, способное выполнять самостоятельные задачи

---

²³⁷ Японские праворадикальные круги придавали огромное значение контролю над Маньчжурией как с экономической, так и с военно-стратегической точки зрения. После восстановления двойственного управления КВЖД в бывшей полосе отчуждения активизировалась деятельность японской разведки. Разведывательные мероприятия осуществлялись не только Военной миссией, но и сотрудниками коммерческих и учебно-просветительских организаций, работавших в Маньчжурии, например, Института Японо-Русского Общества, в котором японские студенты изучали русский язык. Осуществлялись и разовые разведывательные акции. Так, в конце 1924 г. в Маньчжурии работала японская Военно-Азиатская экспедиция, установившая связь с целым рядом белых деятелей – полковниками Томичем (один из соратников полковника Патиешвили) и Каргановым, генералами Вишневым, Крамаренко, Бордзиловским [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 724, 725].

на антисоветском фронте. Во-первых, Русская бригада являлась регулярным подразделением Мукденских войск и не могла иметь двойного подчинения, а маршал Чжан Цзолинь в ближайшей перспективе не собирался вступать в широкомасштабный конфликт с Советским Союзом, стремясь к укреплению своей личной власти на севере и востоке Китая. Во-вторых, и Лукомский не мог об этом не знать, «политические» мотивы службы в китайской армии были характерны лишь для небольшой части русских военных, для подавляющего большинства это был привычный способ заработать на жизнь. Генерал Нечаев первым во всеуслышание назвал себя и своих подчиненных ландскнехтами, воюющими исключительно за деньги [Зубец, 2010, № 36, с. 49]. Поступив на китайскую службу, Нечаев практически порвал с Офицерским союзом в Харбине, хотя перед отъездом в армию обещал информировать руководство союза и действовать согласно его директив [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 547]. Во время своего посещения Харбина в феврале 1925 г. Нечаев старательно избегал контактов с членами Офицерского союза, «по делам никого не принимал, пьянствовал...» [Там же, с. 549]. Это заставило Офицерский союз в дальнейшем искать пути отстранения Нечаева от руководства бригадой.

Покидая Дальний Восток в марте 1925 г., генерал Лукомский назначил своим помощником генерала П.Г. Бурлина, служившего в то время военным инструктором в полицейском управлении города Ханькоу, расположенного в центральной части долины Янцзы. Также важно отметить, что представители военной эмиграции на Дальнем Востоке были подчинены непосредственно в. кн. Николаю Николаевичу, а не генералу Врангелю, с которым у великого князя были достаточно натянутые отношения.

С генералом Бурлиным Лукомский познакомился в Токио, куда последний прибыл специально для встречи с уполномоченным великого князя, а позднее останавливался у него на квартире во время своего посещения Ханькоу. Причины, побудившие Лукомского назначить своим помощником офицера, проживавшего в городе с русским населением в 3–4 сотни человек, расположенном далеко от основных центров русской военной эмиграции в Китае, и не обладавшего значительным авторитетом в военной среде²³⁸, можно объяснить следующим.

Во-первых, как писал позднее Лукомский, генерал М.М. Плешков, старший из русских генералов на Дальнем Востоке, был «человеком устаревшим», другие крупные военные фигуры, как то генералы Ханжин, Дитерихс и Вальтер, не хотели встать во главе объединения военных. Бурлин же был «лицом не одиозным для каких-либо широких кругов, не находился в какой-либо организации Дальнего Востока, не имел грязного хвоста и вообще был одним из генералов, против которого ничего серьезного никто не мог возразить» [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 143, л. 186]. Во-вторых, свою роль, возможно, сыграла активность Бурлина, его связи с белопартизанским движением и желание работать под руководством великого князя. В-третьих, соображения финансовые. Лукомский понимал, что казна великого князя не располагала возможностью финансировать (по крайней мере, в ближайшее время) организационную деятельность военной эмиграции в Китае. Поэтому нужны были люди, способные начать работу без финансовой поддержки из Европы. Бурлин имел в Ханькоу тесные связи с Е.Н. Литвиновой, вдовой одного из русских «чайных королей», спонсировавшей белых. Сам Лукомский во время своего посещения Ханькоу получил от Литвиновой 20 тыс. китайских долл. (это составляло около 10 тыс. американских долл.), чем не только окупил расходы на свою командировку, но и обеспечил казне великого князя существенное прибавление [Там же, ф. Р-5829, оп. 1, д. 11, л. 10]. Соображения организации работы без издержек для казны великого князя, по-видимому, стали определяющими в выборе кандидатуры Бурлина. Вместе с тем, назначение Бур-

²³⁸ Бурлин после своего фиаско во Владивостоке в 1918 г. и вынужденной ссылки начальником гарнизона на ст. Ханьдаохэцзы выехал в Омск, где служил на ответственных должностях в штабе Верховного Главнокомандующего до конца 1919 г. Как и большинство штабных работников практически не имел связи с действующей армией и воинской массой, не был «кап-пелвцем» в полном смысле этого слова. Кроме того, отказался выехать в Приморье в 1920 г.

лина помощником уполномоченного в. кн. Николая Николаевича на Дальнем Востоке официально не было оформлено²³⁹, что вызвало в дальнейшем немало проблем.

Представителем великого князя на территории Маньчжурии и начальником Маньчжурских воинских групп был назначен генерал Плешков. Лукомский в своей характеристике писал о Плешкове, как о человеке «безукоризненно порядочном и пользующемся престижем среди офицерства», но остающимся до сих пор большим баринком, который «черной работы не любит». К тому же он «слабоволен и требует при себе хорошего и твердого начальника штаба» [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report]. Таким образом, назначение Плешкова в качестве представителя великого князя было обусловлено не столько его реальными возможностями возглавить антибольшевистскую работу, сколько его высоким авторитетом среди части офицерства, обеспечивавшим ему поддержку со стороны военных организаций.

Главными задачами, поставленными центром перед генералом Бурлиным и другими старшими офицерами, признавшими в. кн. Николая Николаевича Верховным Вождем, стали объединение работы русских военных организаций в Китае, установление связи с российскими территориями Дальнего Востока и получение оттуда достоверной информации, организация более правильной и продуктивной работы по сбору средств в специально учрежденную для финансирования антибольшевистской борьбы Особую Казну великого князя [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 143, л. 185 об]. Вероятно, еще одной задачей являлась организация «своей» боевой единицы, которая в случае необходимости могла бы выполнить роль кадра для развертывания подразделений антибольшевистской армии. Поскольку непосредственное создание «своей армии» на территории Китая было крайне затруднено, предполагалось поддерживать связи с уже имевшимися частями (Русской бригадой Шаньдунской армии) и по возможности установить контроль над их русским руководством. Забегая вперед, нужно отметить, что ни одна из этих задач не была в полной мере выполнена.

Несмотря на то, что многие военные организации, включая казахи, признали главенство в. кн. Николая Николаевича, объединяться они не спешили. Из крупных организаций бывших военных в Харбине о своем подчинении великому князю высказались Офицерский союз и Восточный казачий союз, а также сформированная при ХКПРБ Забайкальская казачья станица. Инициатором создания станицы был генерал Шильников, освобожденный в начале 1925 г. из китайской тюрьмы и сразу же взявшийся за консолидацию забайкальского казачества. В руководство станицы, первоначально насчитывавшей около 120 человек, вошли бывшие соратники Шильникова – генерал-майор П.М. Закржевский²⁴⁰ (член правления) и полковник Трухин (секретарь) [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 557; BAR. ROVS Papers, box 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)].

О своей ориентации на в. кн. Николая Николаевича заявил харбинский Окружной совет Объединенных монархических организаций Дальнего Востока и Сибири под руководством Д.В. Мурзаева. В феврале 1925 г. Окружной совет учредил Военный отдел для разработки вопросов, связанных с подготовкой борьбы с красной властью в России. Отдел, вероятно, воз-

---

²³⁹ В мае 1930 г. в письме к генерал-лейтенанту Н.Н. Стогову, начальнику канцелярии РОВС, Лукомский отметит, что во время его пребывания в Китае в 1924–1925 гг. не нашлось подходящей кандидатуры из военных, которой могли бы быть предоставлены крупные полномочия, поэтому «пришлось остановиться на Бурлине, не давая ему власти, а держа его там в качестве передатчика указаний, исходящих из Парижа от В. Кн.» [BAR. ROVS Papers, box 68, f. Far East to Central Office (1927–1931)].

²⁴⁰ Закржевский Павел Михайлович, 1881 г. р. Окончил Читинское городское училище и Оренбургское казачье военное училище (1902). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Офицер 1-го Нерчинского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта. С января 1918 г. в составе ОМО, командир кадрового артиллерийского дивизиона. Инспектор ремонтов Иркутского, Забайкальского и Приамурского военных округов; начальник ремонта Вооруженных сил Российской Восточной окраины (1920). С 1920 г. в эмиграции в Харбине. Служащий, налоговый инспектор городского самоуправления Харбина (1921–1937).

главлялся генералом Косьминим. В обязанности Военного отдела входили регистрация и объединение всех военных группировок, входивших в объединение Совета; учет сил военных группировок по их численному составу, родам оружия и боеспособности; регистрация командного состава военных группировок не только входящих в объединение, но и известных Военному отделу; сводка сведений о нравственных и служебных качествах командного состава; назначение и утверждение на командные должности во все военные группировки, входящие в объединение; военная агентура и агитация [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 95, 96].

В целом «николаевской» ориентации придерживались и более мелкие объединения: Союз Георгиевских кавалеров, Союз офицеров гвардии, Семья артиллериста, Кают-Компания, Харбинское отделение Комитета борьбы против III Интернационала – организации Обера, созданной в Европе в 1924 г.

Уже во второй половине 1925 г. в Харбине оформился «николаевский» актив в составе генералов Бордзиловского²⁴¹ (председатель Офицерского союза), Сычева²⁴² (один из руководителей Восточного казачьего союза) и Шильникова. Генерал Плешков, как глава Маньчжурских воинских групп, играл скорее декоративную роль.

Офицерский союз, ВКС и Забайкальская казачья станица имели непосредственное отношение к деятельности белопартизанских групп в районах ст. Маньчжурия, Сахалина, ст. Пограничная и в Трехречье. Главными претендентами на руководство партизанским движением, ориентированном на Забайкалье и Приамурье, являлись генералы Шильников и Сычев. Важную роль в получении секретной информации, выправлении необходимых документов и осуществлении связи между Харбином и периферией играли члены военных организаций, служившие в китайской полиции.

В Шанхае сторону в. кн. Николая Николаевича приняли Союз служивших в Российских Армии и Флоте и Казачий Союз. В то же время, признавая великого князя в качестве Верховного Вождя, Казачий Союз в делах невоенных предпочитал сохранять самостоятельность, заявляя, что «по своим казачьим вопросам остается со своей казачьей программой» [ГАРФ, ф. Р-5963, оп. 1, д. 24, л. 37 об]²⁴³. Ряд военных организаций, существовавших в Мукдене, Тяньцзине, Дайрене, Циндао также приняли «николаевскую» ориентацию. Это относилось к мукденскому Союз военнослужащих, тяньцзинским ССРАФу и Оренбургской казачьей станице. В Дайрене первое «николаевское» военное объединение – Военный кружок – было создано

²⁴¹ Личность генерала Бордзиловского, оказавшегося волей случая одним из руководителей антибольшевистского движения в Харбине, вырисовывается в достаточно негативных тонах. Подполковник Бордзиловский всю Германскую войну провел вдалеке от фронта, будучи служащим ведомства Министерства Императорского двора (1901–1917). После революции он оказался на Урале, в гор. Камышлов, где жили его родственники. Летом 1918 г. был взят большевиками в заложники вместе с другими именитыми гражданами города, но благополучно избежал расстрела, так как Камышлов был занят частями белых и чехов. По требованию нового коменданта города Бордзиловский был вынужден вступить в антибольшевистские войска (в противном случае ему грозил расстрел) и на первых порах возглавил хозяйственную часть Тобольского добровольческого отряда. В дальнейшем Бордзиловский, не обладая ни особыми военными познаниями, ни инициативой, ни храбростью (неоднократно падал в обморок в моменты опасности), но хорошо освоив искусство интриги и умение «втереть очки», сделал «головокружительную карьеру», получив чин генерал-лейтенанта и орден св. Георгия IV ст. за Тобольскую операцию [Ситников, 2016, с. 177–344]. В руководство Офицерским союзом генерал «пролез» благодаря интригам и успешно пользовался теми немногими материальными возможностями, которые давал союз. Бордзиловский с сыном имели от союза жилье (комнату в квартире, снимаемой организацией, там же располагалась канцелярия союза) и обед [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 147]. Генерал нигде не служил, но сумел дать сыну высшее образование.

²⁴² В отличие от Бордзиловского генерал Сычев, также как и Шильников, являлся настоящим боевым офицером. Между тем, не совсем ясна его роль в передаче власти в Иркутске, начальником гарнизона которого он являлся, в руки Политцентра. По мнению ВМС, генерал Сычев благодаря своему выступлению с атаманом Семеновым в 1920 г. и с Меркуловыми в 1921 г. создал себе крайне отрицательную репутацию среди казаков и крестьян, к тому же он был человеком жадным до денег. Во время восстания 1924 г. в Амурской области якобы появление имени Сычева, как руководителя восстания, разрушило его единство. Сычев «много обещает, но его обещания мало чего стоят» [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 2, 3].

²⁴³ В программе Казачьего Союза (1925), в частности, декларировалось: «Хозяин России – Народ ее, а потому форма правления и государственного управления в ней те, которые свободно устанавливает сам русский народ через своих действительных представителей» [Там же, д. 137, л. 77].

только осенью 1927 г. в составе 12 человек (генерал-лейтенант Забайкальского казачьего войска Д.Ф. Семенов, генерал-лейтенант Оренбургского казачьего войска В.М. Панов, генерал-майор Забайкальского казачьего войска К.В. Ловцов, полковники Л.Л. Жирар де Суантон и Яковлев, и др.). Руководил кружком генерал Ханжин [Там же, ф. Р-5826, оп. 1, д. 146, л. 74 об].

Членский состав «николаевских» военных организаций в Китае был представлен преимущественно бывшими русскими офицерами и отдельными нижними чинами, принимавшими участие в Гражданской войне вплоть до ее последнего этапа в Приморье (1921–1922), главным образом «капеллецами», а также частично «дутовцами», «анненковцами» и другими атамановцами. «Семеновцев» среди «николаевцев» было немного, значительно больший процент «семеновцев» входил в организации легитимистов.

Авторитет в. кн. Николая Николаевича признавали не только бывшие военные, но и представители старой российской администрации, в том числе генерал Хорват, постоянно проживавший в Пекине²⁴⁴.

Единственной территорией Китая, где влияние «николаевцев» и «кирилловцев» практически не ощущалось, а русские военные организации существовали почти автономно, являлся Синьцзян. Среди «китайских документов» в архиве РОВС есть лишь одно письмо от подполковника Папенгута, главы местного Офицерского союза, с предложением переправить святыню Оренбургского казачьего войска, икону Табынской Божьей Матери из Китая в Европу [Там же, д. 153, л. 23, 23 об]²⁴⁵. Положение бывших русских военных и вообще эмигрантов в Синьцзяне хорошо иллюстрирует письмо бывшего российского консула в Урумчи А.А. Дькова к в. кн. Николаю Николаевичу от 1928 г.: «Ныне нас осевших в Урумчи православных свыше ста человек. Все перебиваемся кое-как, заработка нет... Один полковник в Кульдже – Петров с семьей бедствует, но не расстанется все еще со своими погонами. Другой – есаул Попелявский, с гордостью все еще носящий погоны честные офицерские, сидит в тюрьме вот уже семь лет». Полковник Жетанер²⁴⁶ практически ослеп из-за глазной болезни. Дьяков просил помощи в освобождении из тюрьмы Попелявского и переправке указанных офицеров в Северный Китай [Там же, л. 316, 324].

В Кульдже в 1926 г. находилось не менее 300 бывших военных (около 50 офицеров). Большая часть из них были зарегистрированы в советском консульстве и надеялись вернуться домой. Некоторые из бывших военных сотрудничали с советской разведкой. К наиболее активным белогвардейцам и вредным элементам советская сторона относил подполковника Папенгута, полковника Вяткина (старшина эмигрантской общины)²⁴⁷, капитана Д.К. Шелестюка, есаула Лясковского, поручика Мамарова, сотника Франка, ротмистра Мадрыкина [АВПРФ, ф. 0100, оп. 10, п. 131, д. 92, л. 47–52]. Здесь же в Кульдже и ее окрестностях продолжали существовать два русских военных объединения, представленных в основном членами бывшего отряда атамана Дутова. Это возглавляемый подполковником Папенгутом Офицерский союз, насчитывавший в 1928 г. 120–130 человек, и группа войскового старшины Ткачева в составе не более 35 человек. После смерти Ткачева в 1926 или 1927 г. группу возглавил

²⁴⁴ В отношении Хорвата генерал Лукомский отмечал в своем докладе: «Безусловно крупный государственный деятель. Знает отлично Дальний Восток, Японию и Китай. Известен как очень ловкий дипломат. Но крайне честолюбив и если ему не уделить первую роль, то с ним работать будет более чем трудно. Я узнал, что одни слухи о том, что я предназначен на роль Представителя Вашего Императорского Высочества его обидели; он считает, что только он может представлять верховную власть в Сибири, а особенно на Д. Востоке» [НИА. Lukomskii Papers, box 1, f. Report].

²⁴⁵ Вопрос этот так и не был решен из-за отсутствия денежных средств у центра. Икону было предложено переправить в Русскую Духовную Миссию в Пекин.

²⁴⁶ Речь идет о Житанере Михаиле Константиновиче (1876 г. р.). Окончил Иркутское пехотное юнкерское училище, участник Первой мировой и Гражданской войн. Помощник командира 5-го Степного Сибирского кадрового (17-го Семипалатинского) полка.

²⁴⁷ Полковник Вяткин поддерживал письменную связь с Казачьим Союзом в Шанхае через полковника Грызова.

сотник И.В. Могутнов (бывший офицер 1-го Оренбургского казачьего полка личного отряда атамана Дутова, 1921–1922) [Наземцева, 2013, с. 117].

Генерал Бурлин, начав работу по объединению военных организаций после отъезда генерал Лукомского, совершил в 1925 г. две поездки по городам, в которых имелись организации военных. Однако ни Харбин, ни зону КВЖД он так и не посетил, по-видимому, опасаясь советской разведки. Поездки Бурлина были не очень успешными из-за неопределенности его статуса, поэтому он в дальнейшем неоднократно обращался к Лукомскому, поднимая вопрос об официальном утверждении своих полномочий [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139]. Тем не менее, центр, как это видно из письма Лукомского генералу Глебову, только в мае 1926 г. официально объявил, что Бурлин является помощником уполномоченного в. кн. Николая Николаевича на Дальнем Востоке, столкнувшись с тем, что большинство организаций отказывались признавать Бурлина, считая его самозванцем [Там же, д. 143, л. 185]. Возможно, в Париже опасались как бы Бурлин, получив особые полномочия, не объявил себя новым «атаманом».

Пребывание Бурлина в Шанхае в ноябре 1925 г. вызвало демарш со стороны «кирилловцев». Группа морских офицеров во главе с контр-адмиралом Безуаром выступила в одной из шанхайских газет с открытыми выпадами против в. кн. Николая Николаевича. По мнению Гроссе, выступление Безуара было секретно инициировано атаманом Семеновым, недовольным «посягательством» Бурлина на «будущие» японские деньги Семенова. Событие не осталось без внимания иностранных властей Международного селтльмента. Безуара призвали к ответу за то, что его группа, ранее выпрашивавшая у англичан средства на ведение антисоветской «боевой» работы в Китае, теперь «расстраивает единство русского офицерского союза, подготавливающего активное выступление против красных русских по директивам в. кн. Николая Николаевича». Безуар был вынужден давать объяснения и извиняться [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 123–125]. Нужно отметить, что метод провокаций и политических демаршей был излюбленным средством борьбы легитимистов против более авторитетного и многочисленного «николаевского движения», как в Европе, так и в Китае.

В январе 1926 г., уйдя (возможно, будучи уволенным) со службы в полицейском управлении Ханькоу, Бурлин вплотную занялся «объединительной политикой». Себе в помощники Петр Гаврилович взял генерала Лебедева, отношение к которому в военной среде было не лучшим, но никого другого Бурлин привлечь не мог, так как не было денег платить жалование, а Лебедев по каким-то причинам готов был работать безвозмездно.

Отсутствие сколько-нибудь серьезного финансирования антисоветской работы было камнем преткновения для антибольшевистского движения. Бурлин не входил в руководство ни одной из военных организаций (Лукомский считал этот момент положительным), часть денежных ресурсов которой мог бы использовать на нужды объединения. Личные финансовые дела генерала были также весьма плачевны – заштатные деньги, полученные им после увольнения, быстро заканчивались, работы он не имел, жена была больна и не могла работать так, как раньше. К тому же на руках у Бурлина была трое сыновей детского возраста [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 139, л. 23]. От полного краха спасали только небольшие денежные субсидии от Литвиновой [Там же, д. 140, л. 270]. В связи с отсутствием средств Бурлин просил у Лукомского разрешения оставлять в своем распоряжении часть сумм, собираемых для Особой казны [Там же, д. 139, л. 43, 44]. Но центр лишь один раз передал генералу небольшую сумму – часть денежного сбора Патриотического вечера, организованного активной общественницей Шанхая Принс в 1926 г. Эта сумма составила всего 485 китайских долл. [Там же, л. 21].

По приезду в Шанхай в начале 1926 г. Бурлин застал здесь ожесточенную грызню между различными эмигрантскими организациями и отдельными эмигрантскими деятелями. Выступая в качестве своеобразного арбитра, генерал пытался примирить Гроссе, которого считал

«человеком дельным и полезным работником» [Там же, л. 37], и Комитет защиты прав²⁴⁸, генерала Глебова и полковника Казакова, атамана Дальневосточной казачьей станицы²⁴⁹, повлиять на полковника Колесникова, мелочно конфликтовавшего с журналисткой Марией Звездич (Е.К. Гедройц)²⁵⁰. Но добиться большого успеха ему не удалось [Там же, л. 37, 40]. И самое главное, ни от руководства ССРАФ, ни от руководства Казачьего Союза, двух крупнейших военных организаций Шанхая, располагавших относительно неплохой материальной базой, Бурлин кроме обещаний никакой поддержки не получил. Ни Вальтер, ни Шендриков ни о какой активной антибольшевистской работе и не помышляли.

В Шанхае Бурлина застала телеграмма из Мукдена от генерала Томашевского, служившего военным советником у Чжан Цолия. Томашевский срочно вызывал Бурлина в Мукден, так как в связи с конфликтом между советским руководством КВЖД и властями ОРВП решался вопрос о поддержке белых и создании из их числа новых воинских формирований. Но вскоре конфликт разрешился и китайцы от своих намерений отказались [Там же, л. 52].

Находясь в Мукдене, Бурлин несколько раз встречался с генералом Хорватом, жившим на квартире генерала Клерже. Хорват выражал свою готовность содействовать помощнику уполномоченного великого князя в объединении эмиграции [Там же, л. 34]. Но дальше слов дело не пошло. Кроме того, в период китайского нового года Бурлин посетил Харбин, где пробыл три недели. Описывая свою поездку Лукомскому, генерал отмечал, что в Харбине все еще чувствуется сильное переживание железнодорожного конфликта, поскольку все ожидали прихода красных. Белых конфликт застал врасплох. Неподготовленными оказались и Офицерский союз и примкнувшие к нему молодежные организации – мушкетеры и крестоносцы, и даже офицеры Корпуса Императорской Армии, хотя и были частично мобилизованы, «но все их мероприятия проходили не вполне гладко, чувствовался в плане самообороны недостаток продуманности». Оружия у белых совсем не было и хотя оружие в минуту необходимости обещали дать китайцы, но и здесь вопрос не был до конца решен [Там же, л. 29].

В Харбине Бурлин имел ряд встреч с руководителями военных организаций, не выказавшими, однако, особого стремления считаться с неофициальным помощником уполномоченного великого князя. Генерал Плешков, которому Бурлин передал письмо от Лукомского, где указывалось, что Бурлин имеет независимость в работе и не подчиняется главе Маньчжурских воинских групп, был этим не очень доволен. Независимость Бурлина вызвала особое неудовольствие у «юного окружения» Плешкова [Там же, л. 30], в состав которого входили полковник А.А. Тихобразов, ротмистр П.П. Квятковский и др.

Во время встречи Бурлина с генералом Сычевым последний высказал опасения относительно деятельности генерала В.Д. Косьмина²⁵¹, стремившегося подчинить себе Окружной

²⁴⁸ В защиту Гроссе в июле 1926 г. выступил совместно с руководителем «гражданских» легитимистов А. Булыгиным генерал Дитерихс, не входивший ни в одну из эмигрантских организаций. Критикуя Комитет защиты прав, авторы отмечали, что предпринятое им выступление против Гроссе «роняет достоинство русских, сеет раздор в их среде и, производя тягостное впечатление на иностранцев, может их оттолкнуть от русских и заставить отказаться от всякой помощи беженской бедноте» [Шанхайская заря, 1926, 20 июля].

²⁴⁹ Казаков Василий Георгиевич, 1888 г. р., из забайкальских казаков. Служил в л. – гв. Сводно-Казачьем полку. Первый призер состязаний по стрельбе и конным скачкам. Зауряд-хорунжий. Участник Первой мировой войны на Кавказском фронте. Полный кавалер Георгиевского знака отличия, кавалер Георгиевского оружия. Сотник. В 1918 г. был арестован в Иркутске, едва избежал расстрела. Служил в составе ОМО. Полковник. В военных кругах Шанхая часто характеризовался очень негативно, как скандалист, алкоголик и полный идиот [ГАРФ, ф. Р-9145, оп. 1, д. 215, л. 8].

²⁵⁰ Е.К. Гедройц в годы Перовой мировой войны являлась медсестрой, в период Гражданской состояла сотрудником Осведверха армии Колчака. В середине 1920-х гг. издавала в Шанхае журналы «Штандарт» и «Нива».

²⁵¹ Косьмин Владимир Дмитриевич, 1884 г. р. Окончил Курскую духовную семинарию (1902), Чугуевское пехотное юнкерское училище (1904) и Николаевскую военную академию (1914). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Старший адъютант штаба 102-й пехотной дивизии, штаб-офицер для поручений при штабе 9-го армейского корпуса. Кавалер ордена св. Георгия IV ст. Полковник (1917). В белых войсках Восточного фронта. Начальник штаба 1-й Уральской пехотной дивизии, начальник 4-й Уфимской стрелковой дивизии. Генерал-майор (1919). Участвовал в Челябинской (командующий Сводной группой) и Тобольской (командующий Уральской группой войск) войсковых операциях. Награжден орденом св. Георгия III

совет Объединенных монархических организаций и возглавить национальную работу на Дальнем Востоке, в том числе, перетянув на свою сторону эмигрантскую молодежь – мушкетеров и крестоносцев. Реальной подоплекой этого недовольства, как отмечал Бурлин, являлась боязнь Сычевым конкуренции со стороны Косьмина в подпольной работе в Амурской области, которую тот собирался вести с опорой на есаула Черных.

Бурлин, у которого не получалось «сработаться» с «харбинской тройкой», явно симпатизировал Косьмину, своему однокашнику по Военной академии. Осознавая, что Косьмин «резкий, нервный, властный, неуживчивый человек, увлекающийся и способный натворить такой каши, которую трудно потом расхлебать», и критикуя его по-солдатски прямолинейные действия в отношении Окружного совета, где Косьмин занял пост вице-председателя, помощник уполномоченного великого князя, тем не менее, считал его наиболее энергичным сотрудником, который при «известном неослабном руководстве» может принести пользу. Поэтому, заявляя Лукомскому, что работа Сычева, в конце концов, сведется к бесполезной переписке и выпрашиванию денег, Бурлин дал Косьмину поручение принять на себя руководство деятельностью есаула Черных по амурскому направлению [Там же, л. 22]. Кроме того, руководители Союза мушкетеров, посетившие Бурлина в Харбине, заявляли свое желание иметь Косьмина своим руководителем военной подготовки, в чем генерал никаких препятствий не видел [Там же].

Другим активным антибольшевиком в Харбине, к которому Бурлин проявил интерес, считая, что его можно использовать в работе, являлся генерал Андогский. Однако репутация Андогского в военной среде была далека от безупречной²⁵². К тому же против него выступал Косьмин. Косьмин, по словам Бурлина, демонстрировал ему копию письма Андогского к начальнику Красной Академии Генштаба П.П. Лебедеву с предложением сотрудничества [Там же, л. 31]. Обвинения в адрес Андогского в связях с большевиками, в то время не имевшие серьезных доказательств, теперь подтверждаются сведениями из архивов советской разведки. Андогский действительно сотрудничал с советскими агентами, но поскольку его информация была признана неактуальной, связи с ним решено было прекратить [Алексеев М., 2010, с. 358].

Итак, «объединительная» политика Бурлина в Харбине выглядела по меньшей мере странно. Не сумев выстроить отношения с наиболее авторитетными фигурами, руководите-

---

ст. Участник Сибирского Ледяного похода. В Дальневосточной армии генерал для поручений при главнокомандующем, врид генерал-квартирмейстера армии. После эвакуации Забайкалья отказался следовать в Приморье и остался в Харбине. Во второй половине 1920-х гг. работал в Харбинском Интернэшнл Банке, в службе сопровождения грузов. Косьмин являлся активным антибольшевиком, даже несколько позируя тем, что «занимается контрреволюцией» [Русская военная эмиграция, т. 7, с. 150].

²⁵² Генерал Андогский являлся весьма противоречивой фигурой Гражданской войны на востоке России. Находясь к моменту большевистского переворота в должности начальника Военной академии, Андогский сумел найти общий язык с большевиками. Как писал генерал Н.Т. Сукин, «генерал Андогский обладает слишком гибкой совестью и способен отлично устроиться при любом режиме». По приказу Троцкого Андогский вывез академию в Екатеринбург. Здесь он стремился удержать офицеров от участия в развернувшейся антисоветской борьбе, заявляя, что академия находится вне политики и до последнего выжидал чем закончится противостояние. Выполняя предписание красного командования, генерал эвакуировал академию в Казань и лишь небольшая часть офицеров осталась в Екатеринбурге и влилась в белые отряды. В Казани Андогский вновь выжидал и присоединился к белым только после взятия города отрядами подполковника Каптеля и капитана Степанова. Будучи человеком с большими амбициями, Андогский, опираясь на офицеров академии, в среде которых авторитет генерала был очень высок, предпринял попытку занять одно из центральных мест в руководстве белым движением в Омске. Андогский имел тесные связи с министром финансов Омского правительства Михайловым, что использовал в борьбе против генерала П.А. Белова, командующего Сибирской армией. Благодаря интригам Андогского Белов, обвиненный в германофильстве, потерял свое положение. Не последнюю роль Андогский сыграл в организации переворота в пользу адмирала Колчака. Однако и у начальника Военной академии оказались сильные противники в лице генштабистов Сибирской армии, прежде всего генералы Косьмин и Матковский. Андогский не только не был назначен начальником Ставки Верховного Главнокомандующего, но и попал в конце 1918 г. под судебное разбирательство, которое, впрочем, не дало серьезной победы противникам генерала. Андогский был реабилитирован, но уже не смог восстановить свои позиции. В связи с крахом Омского правительства и Медведевским переворотом во Владивостоке, куда должна была эвакуироваться Военная академия, Андогский предпринял попытку договориться об оставлении учащихся и преподавателей академии в Китае или переправке их в Японию или в Европу, но результатов это не дало. В дальнейшем он предлагал большевистскому руководству вывезти академию в европейскую часть страны и, в конце концов, бросил своих подопечных на произвол судьбы на о-ве Русский, выехав в октябре 1922 г. в Дайрен [Ганин, 2014, с. 190–367].

лями крупных военных объединений, Петр Гаврилович сделал ставку на своего рода «маргиналов», способствуя тем самым дезорганизации деятельности военной эмиграции. На некоторое время главным сотрудником в Харбине для Бурлина стал генерал Косьмин. Чтобы не оглашать характер своих связей с Бурлиным Косьмин просил направлять ему письма через Н.А. Остроумова, но не через Плешкова и Бордиловского [ГАРФ, ф. Р-5826, оп. 1, д. 140, л. 380, 381].

По итогам своей поездки Бурлин рекомендовал Лукомскому ввести назначаемых начальников офицерских организаций вместо выборных, что «не оттолкнет, а скорее привлечет больше членов в сами эти организации» [Там же, д. 139, л. 43]. Возможно, тем самым он стремился продвинуть в руководство военными объединениями «своих» людей, но и эта инициатива ни к чему не привела. Официальное утверждение приказом в. кн. Николая Николаевича в 1926 г. генерала Вальтера в его должности председателя шанхайского ССРАФ, для Бурлина, который сообщал в Париж (такая же информация поступала и из других источников) о слишком высокой активности Вальтера в политическом противостоянии в Шанхае и его трениях с иерархами церкви²⁵³, стало разочарованием.

Стремясь привести к единообразию и активизации жизни организаций военной эмиграции, Бурлин разработал инструкцию по созданию военных гарнизонов в Китае на базе десяти территориальных воинских групп: Шанхайской (город Шанхай и окрестности), Тяньцзинской (города Тяньцзин и Пекин, и их окрестности), Ханькоуской (город Ханькоу и его окрестности), Циндаоской (город Циндао и его окрестности), Мукденской (города Мукден, Дайрен, Порт-Артур и их окрестности), Чанчуньской (город Чанчунь и ст. Куанченцзы), Харбинской (город Харбин с его окрестностями и южная ветка КВЖД до ст. Куанченцзы), Восточной (населенные пункты восточной ветки КВЖД), Северной (населенные пункты по западной ветке КВЖД от Харбина до ст. Бухэду и населенные пункты в сторону реки Амур) и Западной (населенные пункты западной линии КВЖД от ст. Бухэду до границы с Забайкальем). Начальники групп должны были подбираться из числа «старших и энергичных воинских чинов», проживавших в данной местности, утверждаться по ходатайству представительства в. кн. Николая Николаевича на Дальнем Востоке и подчиняться непосредственно представительству.

---

²⁵³ Тяжба вокруг домовая церкви шанхайского ССРАФ на несколько лет станет головной болью Лукомского, которого будут с одной стороны бомбардировать письмами генерал Вальтер и Иванов, глава Комитета защиты прав, а с другой – представители РПЦЗ. Главным антагонистом военных выступал архиепископ Иннокентий (Фигуровский), только после смерти которого в 1931 г. конфликт вокруг домовая церкви прекратился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.